Васильченко Андрей

Новые тамплиеры

Я служу в издательстве, а в издательствах одна половина посетителей нормальные, другая — сумасшедшие. Задача редактора — классифицировать с первого взгляда. Кто начинает с тамплиеров, как правило, — псих.

Умберт Эко. Маятник Фуко

ПРЕДИСЛОВИЕ

Человек, который предпочитал себя именовать Йоргом Ландем фон Либенфельсом, относился к той редкой породе людей, которые сами написали не в пример много больше, нежели было написано о них самих. Конечно же, нельзя отрицать тот факт, что его фамилия вскользь упоминается во многих работах, посвященных истории национал-социализма. В качестве примера можно привести множество книг: от «Гитлера» Яна Кершоу до «Гитлера и его предшественников», которая пару лет назад вышла из-под пера Леопольда Паммера. Изучая последнюю книгу, где говорится о композиторе Рихарде Вагнере, философах Альфреде Шулере и Освальде Шпенглере, блестящем консервативном публицисте Артуре Мёллере ван дер Бруке, профессоре Карле Хаусхофере, никак нельзя избавиться от тревожного ощущения, что в число «предшественников Гитлера» включается едва ли не вся культурная элита Германии рубежа XIX–XX веков. И в этой книге опять упоминается и Йорг Ланц фон Либенфельс. Однако если отбросить проходящие работы, где сведения о Либенфельсе представлены перечислением стандартных фактов, то обнаружится, что книг, собственно посвященных этой исторической фигуре и созданному им «Ордену новых тамплиеров», на самом деле не так уж много. Как говорится, их можно пересчитать по пальцам одной руки. В первую очередь надо упомянуть выдержавшую несколько переизданий книгу Вильфрида Дайма «Человек, который дал идеи Гитлеру». Именно после выхода этой работы появилась традиция причислять Либенфельса к предшественникам Гитлера, что можно было заметить даже по названию самой книги. Несмотря на то что попытки провести аналогии между идеологией Либенфельса и идеологией Гитлера являлись во многом надуманными, историки должны быть признательны Дайму за то, что он открыл для них эту фигуру. Далее последовала не менее переиздаваемая на многих языках книга Николаса Гудрика-Кларка «Оккультные корни нацизма». В ней пара глав была посвящена именно Либенфельсу и «Ордену новых тамплиеров». Опираясь на новые архивные документы, Гудрик-Кларк существенно дополнил рассказ о Либенфельсе, хотя его повествование никак нельзя было бы назвать исчерпывающим. Своеобразным ответом на эти научные работы стала появившаяся в 1976 году книга Рудольфа Мунда «Йорг Ланц фон Либенфельс и Орден новых тамплиеров». Бывший эсэсовский офицер Рудольф Мунд полагал себя преемником Либенфельса. Казалось бы, в его распоряжении (как эрцприора «Ордена новых тамплиеров») должны были оказаться многочисленные документы. Если таковые и были, то Мунд отнюдь не спешил делиться их содержанием на страницах своей книги. На две трети она состояла из ранее известных фактов, хотя одна треть все-таки представляла особый исторический интерес — в ней рассказывалось о создании и начале деятельности «Ордена новых тамплиеров». После этого на долгие годы вокруг фигуры Ланца-Либенфельса воцарилось молчание. Оно было нарушено в 1991 году, когда автор, скрывающийся под псевдонимом Эккехард Иеронимус, опубликовал книгу «Ланц фон Либенфельс». По большому счету это был обширный библиографический справочник, в котором предполагалось учесть все даже малейшие упоминания о Ланце-Либенфельсе, а также описать его работы и труды. При его изучении в таза бросается, что автор предпочитал ориентироваться исключительно на те издания, которые, судя по всему, имелись в его личном распоряжении. Так, например, перечисление номеров журнала «Остара» является неполным, хотя содержание недостающих номеров можно было (хотя бы приблизительно) узнать из работ Дайма, Гуцрика-Кларка и Мунда. Вновь интерес к фигуре Либенфельса возник уже в самое последнее время. Именно тогда появляются на свет две работы: «Поэтому мы основываем дом тамплиеров» Вальтера Паапе и «Ланц фон Либенфельс. Теозоология и ариософия. Новые тамплиеры и ассирийские зверолюди» Хорста Лоренца. Причины написания этих работ были

разными. Если Вальтера Паапе «Орден новых тамплиеров» интересовал с краеведческой точки зрения, то Хорст Лорнец предпринимал попытку научного оправдания теорий, которые выдвигал Либенфельс. Подобный интерес привел к тому, что в некоторых германских издательствах стали переиздаваться некоторые из трудов, написанных Ланцем-Либенфельсом.

На протяжении долгого времени считалось, что единственным вкладом Ланца-Либенфельса в современную науку являлось придуманное им слово «ариософия». В остальном же он представлял интерес либо для историков, которые пытались представить его как «предшественника Гитлера», либо для околоисторических исследователей, в очередной раз выстраивавших модель «оккультного рейха». Ситуация поменялась в одночасье — произошло это весной 2006 года. 19 мая 2006 года крупнейшая германская газета «Бильд» вышла под скандальным заголовком: «Первобытный человек имел половые отношения с приматами». Поводом для подобных заявлений стали исследования ученых из Гарвардского университета, которые были опубликованы в специализированном журнале «Природа». В них говорилось о том, что первобытные люди и приматы, стоявшие на различных ступенях эволюционного развития, могли иметь общее потомство. После этого в стороне не остался даже вполне консервативный информационно-политический журнал «Шпигель», который в 21-м номере за 2006 год опубликовал обзорную статью, посвященную этой более чем щекотливой проблеме. В ней говорилось, что при помощи генного анализа было установлено — люди и приматы могли породить некоторые виды гибридных существ. Забытые многие десятилетия назад теории Ланца фон Либенфельса оказались вновь востребованными. На этот раз о нем в немецкой прессе предпочитали говорить не столько как о «предшественнике Гитлера», не как о «безумном расисте», но как о «исследователе, делавшем свои выводы на основе анализа Библии и других древних текстов».

Затем последовала еще одна научная сенсация. Сванте Пеэбо, директор Института эволюционной антропологии им. Макса Планка (Лейпциг), огласил результаты расшифровки генома неандертальца. Оказалось, что некоторые из живущих сегодня людей имеют в числе далеких предков неандертальцев. Это открытие стало откровением для многих специалистов, поскольку полученные ранее данные свидетельствовали о том, что неандертальцы совсем или почти не участвовали в формировании генной структуры современного человека. Группа ученых, которой руководит профессор Сванте Пеэбо, установила, что от 1 до 4 % генома евразийцев унаследовано от неандертальцев. Наиболее распространенная сегодня теория возникновения современного человека утверждает, что предки homo sapiens появились в Африке порядка 200 тысяч лет назад. Относительно небольшая группа людей затем покинула Африканский континент и заселила другие районы мира примерно 50–60 тысяч лет назад. Хотя генный след неандертальца среди жителей Европы, Азии и Океании очень невелик, он существенно заметнее, чем было установлено в прежних генетических исследованиях. «Они не совсем вымерли. Неандертальцы до сих пор живут в некоторых из нас — чуть-чуть», — заявил профессор Пеэбо. Проблема заключается в том, что люди и неандертальцы считались двумя принципиально разными ветвями эволюционного развития.

Столь внезапная «актуализация» теорий, высказанных Йоргом Ланцем фон Либенфельсом более ста лет назад, заставляет более пристально приглядеться к этой фигуре, равно как и созданному им «Ордену новых тамплиеров», который по праву может считаться одной из самых таинственных организацией XX века.

Глава 1

В МЕЧТАХ О ТАМПЛИЕРАХ

С фигурой Йорга (Георга) Ланца фон Либенфельса всегда было связано множество тайн и загадок. Одна из этих тайн относится к его имени. Если обычные люди никогда не скрывали некоторых своих личных сведений, то в случае с Ланцем все обстояло с точностью до наоборот. В духовном училище при аббатстве Святого Креста он был известен под именем Адольфа Ланца. Имя Георг он обрел, оказавшись в католическом ордене. В последующие годы он нередко использовал это имя, которым подписывал свои многочисленные публикации. В общине Святого Креста настоятель и послушники именовали его Шурлем, что было австрийской диалектной формой имени Георг. Его документы, в том числе духовный патент, были выписаны, на имя д-ра Йорга Ланца. До того момента, как Георг не начал публиковать свои рассуждения и версии исторических событий, фамилия Либенфельс никому не была знакома ни в общине Святого Креста, ни в ведомстве Венской архиепархии.

Как же звали на самом деле создателя «Ордена новых тамплиеров»? После рождения в приходской книге одного из венских храмов он был записан как Адольф Йозеф Ланц. Его отец Иоганн Ланц был преподавателем. Он, подобно своему сыну, родился в четырнадцатом районе Вены, Пенцинге. Мать Адольфа звали Катарина, в девичестве Хоффенрайх. Иоганн Ланц и Катарина Хоффенрайх сочетались браком 22 октября 1873 года в церкви Райхдорфа, который относился к 15-му району австрийской столицы. Их сын появился на свет 19 июля 1874 года. Эти сведения немецкие исследователи извлекли из приходской книги. Они полностью соответствуют данным, которые имелись в общине Святого Креста. Кроме этого они подтверждаются указаниями, которые были напечатаны в ежегодно издаваемом вестнике — «Состояние персонала Венской архиепархии». Это издание было своего рода справочником, в котором приводились краткие сведения обо всех католических священниках и деятелях католических орденов. Опять же во всех этих материалах ничего не говорилось о Либенфельсе, да еще с аристократической приставкой «фон». Аналогичное незнание было присуще и дворянским архивам, документы которых в настоящий момент хранятся в Австрийском государственном архиве. Аналогичным образом дела обстоят и с швейцарскими архивами. Сохранился только лишь бланк прописки, который использовался австрийской полицией для ведения учета местожительства и регистрации прибывавших в Вену людей. В бланке прописки значилось следующее: Георг Ланц фон Либенфельс родился 1 мая 1872 года в Мессине (Италия), не имеет гражданства. Отец — барон Иоганн Ланц фон Либенфельс, мать — Катарина, урожденная Скала.

Однако сведения, указанные в бланке прописки, являются фальшивыми. Именно по этим фальшивым данным было затем получено не менее фальшивое удостоверение личности, которое в Австро-Венгерской империи некоторое время выписывалось на четырех языках. Ланц был настолько увлечен своей мистификацией, что даже на своем надгробии распорядился выбить неверную дату рождения. Зачем Адольфу Ланцу потребовалась эта мистификация? Если некоторое искажения фамилии отца было использовано для того, чтобы присвоить себе баронский титул, что могло придать его образу некий романтический ареол, то основательное искажение имени матери долгое время оставалось тайной. На протяжении многих лет исследователи не могли понять, зачем надо было менять немецкую фамилию «Хоффенрайх» на итальянскую — «Скала». Однако со временем была выдвинута версия, согласно которой Адольф Ланц намеревался скрыть своих предков, точнее наличие среди них евреев. Родословная Адольфа Ланца выглядела следующим образом.

Адольф Ланц							
Иоганн Ланц				Катарина Хоффенрайх			
Йозеф Ланц		Терезия Ходель		Йозеф Хоффенрайх		Антония дель Фабро	
Штефан Ланц	Катарина Фриснекер	Лоренц Ходель	Анна Мария Штайндль	Абрахам Хоффенрайх	Катарина Янтон	Иоганн дель Фабро	Мария Ксора

Если посмотреть на отцовскую линию, которая шла от Иоганна Ланца, то здесь все однозначно являлись католиками. В отношении предков Катарины Хоффенрайх нельзя вынести столь уверенного суждения. Формально ее мать и отец были католиками — Йозеф Хоффенрайх происходил с территории Чехии, а Антония дель Фабро из североитальянского города Удине, который был расположен между Альпами и Адриатическим побережьем. Отец Антонии занимался в Удине производством сыра и салями. Принимая во внимание, что Йозеф Хоффенрайх позже занялся таким же делом, то можно предположить, что он унаследовал бизнес от своего тестя. В данном случае надо обратить особое внимание на Абрахама Хоффенрайха, уроженца Словакии, который занимался торговлей. Нужно отметить, что в середине XIX века почти вся словацкая торговля находилась в руках евреев, а потому фамилия «Хоффенрайх», несмотря на свое немецкое звучание, мота восприниматься как еврейская. Однако в документах не сохранилось никаких точных указаний относительно вероисповедания Абрахама Хоффенрайха. Известно лишь, что он сочетался браком с Катариной Янтон, чье имя не позволяет установить ни национальную принадлежность, ни род занятий. После окончания Второй мировой войны немецкий исследователь Вильфрид Дайм пытался связаться с братом Адольфа Ланца, Йозефом, однако так и не получил ответа относительно национального происхождения его предков.

Впрочем, предложенная трактовка является отнюдь не единственным объяснениям, почему Адольф Ланц фальсифицировал свое происхождение, а также имя и дату рождения. Один из приближенных к Либенфельсу людей, Теодор Чепль, который не только был адептом «Ордена новых тамплиеров», но и некоторое время после смерти Ланца даже руководил этой организацией, выдвигал собственную версию произошедшего. Он полагал, что Адольф Ланц сознательно изменил свое имя и дату рождения, чтобы ввести в заблуждение людей, которые бы попытались составить его гороскоп. То есть Адольф Ланц взял себе так называемый «астрологический псевдоним».

На практике же оказалось, что Ланц присвоил своему отцу титул барона, таким образом он сам «становился» аристократом. В дальнейшем Ланц стал использовать вместо своего родного имени Адольф духовное имя Георг, которое он получил в католическом ордене. Оно же оказалось записанным в настоящих документах. Не исключено, что Ланц приписал себе лишние годы, чтобы соответствовать образу «горного старца», который активно использовался во многих сектах и религиозных новообразованиях. Свои последние публикации он предпочитал подписывать как Ланц де Либенфельс. Искажение имен значило очень многое для Ланца. Поскольку его австрийское дворянство никогда бы не было признано, то он указал в качестве места рождения Мессину, прибавил себе несколько лет и постоянно именовался Георгом.

Даже если бы не имелось свидетельств Теодора Чепля, то все равно было бы очень сложно представить, что человек со складом характера как у Адольфа Ланца смог бы очень

дохло скрывать в общине Святого Креста свое аристократическое происхождение. Кроме этого для принятия в монастырскую общину он должен был представить действительные личные документы. Версия о дворянском происхождении Ланца-Либенфельса не раз высказывалась его ближайшим сподвижником Теодором Чеплем. В очередной раз она была изложена в некрологе, который Чепль написал на смерть Либенфельса в 1955 году. В нем он сообщал, что Ланц происходил из «древнего рода патрициев». «В старом храме Цуцген в кантоне Аргау над распятием, которое установлено перед главным алтарем, также можно увидеть герб Ланца фон Либенфельса: серебряное крыло орла в красном поле». Две ветви «этого известного рыцарского рода» к XVIII веку достигли очень высокого духовного положения. Из обеих ветвей рода происходили католические аббатисы. Утверждалось, что некоторое время Либенфельсы являлись владетелями «цистерцианекого аббатства Святого Урбана в кантоне Люцерн». Чепль утверждал: «Спокойно можно говорить о судьбоносной, наследуемой из поколения в поколение миссии, так как потом [Ланц-Либенфельс]… внял голосу своей крови и по собственному побуждению направился в цистерцианское аббатство Святого Креста, расположенное в Венском лесу». Однако все эти утверждения базировались на построениях, которые были сделаны самим Ланцем. Он довольно-таки своенравно обошелся с генеалогией действительно существовавшего рода Либенфельсов, когда «установил» свою с ним родственную связь. На самом же деле Ланц связался с представителями рода Либенфельсов только после того, как покинул общину Святого Креста. Именно тоща он и взял себе «новую» фамилию. По одной из версий Адольф Ланц был в свое время дружен с одним из представителей рода Либенфельсов — Феличетги, что и предопределило его «аристократический» выбор. В Австрийском дворянском архиве даже имелись некоторые документы, которые касались этого аристократического рода. Скорее всего, Ланц поссорился с представителями рода Либенфельсов, когда стал в своих работах превозносить расу блондинов как «истинных господ». Однако поскольку в роду Либенфельсов — Феличетги почти все были темноволосыми, то это едва ли могло их особо порадовать. Сам же Ланц решил позаимствовать фамилию «Либенфельс», так как полагал, что она ему «подходила». Впрочем, при изучении истории «Ордена новых тамплиеров» и его расовой идеологии не имеет никакого значения, был ли Ланц далеким отпрыском аристократического рода или же присвоил себе дворянский титул (что скорее всего). Аристократизм в кругах фелькише и ариософов всегда понимался специфически. На это, например, указывает подзаголовок к одному из первых выпусков журнала «Остара» — «Фёлькише-мышление как аристократический принцип нашего времени». Обладание дворянским титулом было скорее психологическим приемом.

Сам Ланц не раз менял свое имя. Так, например, вплоть до 30-х годов он подписывался «Ланц-Либенфельс», затем он стал подписываться «Й. Ланц фон Либенфельс». В данном случае буква «Й» означала Йорг, что было германизированной формой имени Георг. Впрочем, о пристрастии Адольфа Ланца к имени Георг мы поговорим несколько позже.

О детстве и юности Адольфа Ланца почти не сохранилось сведений. Известно, что он посещал школу, которая находилась в переулке Розы (12-й округ Вены). Кроме этого сохранились автобиографические рассуждения, в которых Ланц-Либенфельс рассказывал о своих переживаниях, связанных с юностью. Он писал: «Уже с раннего детства моим единственным и самым заветным желанием было обладание мечом тамплиеров. Я также мечтал приобрести один или несколько тамплиерских замков, чтобы их можно было восстановить». «Я взахлеб читал все, что мог найти в детстве про тамплиеров. Волей случая первой оперой, которую я услышал, был «Тамплиер» Маршнера. Я был в неописуемом восторге, когда впервые увидел «Тамплиера». Я был намерен всю свою жизнь посвятить служению идее тамплиеров. Все свое свободное время я хотел путешествовать по Европе». Сразу же надо оговориться, что на рубеже веков опера в Австрии и Баварии была чем-то

большим, нежели просто музыкальное представление. Она превращалась в мощное средство информации, через которое можно было доводить до публики любые идей. Наиболее полно «воспитательной функцией» оперы в те годы воспользовался Рихард Вагнер. Неудивительно, что его творения производили на публику мощное впечатление. Например, на Гитлера очень сильно повлияла опера «Риенци». Друг Гитлера по юности, Ку-бицек, вспоминал, что после оперы будущий фюрер шел восторженный и умиленный, представляя себя в роли главного героя оперы, народного трибуна Риенци.

«Это был самый потрясающий час, который я пережил вместе со своим другом. Он настолько незабываем, что даже самые простые вещи (одежда, которая была на Адольфе в тот вечер, погода) и по сей день живы в моей памяти, как будто это событие неподвластно времени. Заглядывая в прошлое, я понимаю, что ни речи Адольфа, пи его политические идеи, а тот единственный час на горе Фрайнберг запомнился мне в нашей с ним дружбе отчётливее всего. Именно тогда решился вопрос о его жизненном пути…. И вот мы в театре, сгорая от восторга и затаив дыхание, вместе с Риенци становимся народным трибуном Рима и переживаем его последующее падение. Когда всё закончилось, было уже за полночь. Адольф, засунув руки в карманы пальто, молчаливый и замкнутый, шёл по улицам к окраине города. Обычно, получив художественные впечатления, которые взволновали его, он сразу же начинал говорить, резко критикуя постановку. Но после «Риенци» он долго молчал. Это удивило меня, и я спросил, что он думает об опере. Он бросил на меня незнакомый, почти враждебный взгляд и грубо сказал: «Замолчи!».. Я хотел спросить, куда мы идём, но его мертвенно-бледное лицо было настолько страшно, что я подавил в себе вопрос. Словно толкаемый вперёд невидимой силой, Адольф взобрался на вершину Фрайнберг, и лишь теперь я осознал, что мы больше не одни и не в темноте, потому что над нами ярко сияли звёзды. Адольф встал передо мной, схватил меня за обе руки и крепко сжал их. Никогда раньше он этого не делал. По хватке его рук я почувствовал, насколько сильно он взволнован. Его глаза лихорадочно блестели от волнения. Слова не лились плавно из его уст, как бывало, а скорее вырывались, хриплые и бурные. По его голосу я даже ещё больше мог понять, насколько сильно увиденное потрясло его. Постепенно его речь успокоилась и слова потекли свободнее. Никогда — ни до, ни после — я не слышал, чтобы Адольф Гитлер говорил так, как тогда, когда мы стояли одни под звёздами, словно были единственными людьми в мире. Я не могу повторить каждое слово, произнесённое Адольфом. Меня поразило нечто необычное, чего раньше не замечал, даже когда он разговаривал со мной в моменты величайшего возбуждения. Было такое чувство, будто его второе «я» заговорило изнутри и взволновало его так же, как и меня. И это был не тот случай, когда говорящего увлекают его же собственные слова. Напротив, я скорее чувствовал, что он с удивлением и душевным волнением слушает то, что вырывается из него с первобытной силой. Подобно наводнению, прорывающему плотину, слова рвались из него наружу. Как по волшебству, он заставил появиться грандиозные, вдохновляющие картины собственного будущего и будущего своего народа».

Скорее всего, аналогичные ощущения испытывал и Адольф Ланц, который после оперы Маршенера окончательно убедился в необходимости стать тамплиером. Не исключено, что именно благодаря опере Ланц сформировал свои представления об атрибутике, относящейся к тамплиерам. В первую очередь это касалось замка тамплиеров. Сам же он писал: «Когда после многолетних поисков мест, связанных с тамплиерами, я предался усталому малодушию, был готов опустить руки, то моему взору на несколько минут явилось сказочное по своей красоте зрелище. В пурпуре вечернего заката я увидел руины замка Хельхенбург. Я решил назвать его Верфенштайн. Я желал себе этот замок, а потому решил, что приобрету его, сколь дорого бы он ни стоил».

Несмотря на то что Ланц пребывал под впечатлением от легенд о тамплиерах, он предпочел не ограничиваться пустыми мечтаниями, но решил воплотить их в жизнь. Он пытался найти необходимые для этого средства. В целом образ тамплиеров, который

сформировался к началу XX века, был очень сложным. В нем слились воедино и представления о рыцарях, и мистические представления о религиозных орденах. Именно глубокий и непонятный мистицизм отличал тамплиеров от многих других рыцарско-духовных орденов Средневековья. Скорее всего, эта сторона образа тамплиеров манила Ланца сильнее всего. Наверное, это и стало толчком к тому, чтобы он оказался в аббатстве Святого Креста. Если не было возможности стать именно тамплиером, то Ланц хотел непременно оказаться в одном из старых религиозных орденов.

Описанные выше психологические установки привели к тому, что год спустя после сдачи экзаменов на получение аттестата зрелости Адольф Ланц направился в аббатство Святого Креста. 31 июня 1893 года он был принят в него в качестве послушника. Это обстоятельство указывает на то, что свои поездки в поиске «мест, связанных с тамплиерами» Ланц совершал в еще более юном возрасте. Это был вполне осознанный шаг. Позже он пытался представить его своим сподвижникам как «голос крови». Имеет смысл еще раз указать на ту часть некролога, в котором говорилось об этом событии. Ланц «внял голосу своей крови и по собственному побуждению направился в цистерцианское аббатство Святого Креста, расположенное в Венском лесу».

Оказавшись в монастыре Святого Креста, где Ланц принял имя брата Георга, он развил энергичную деятельность. В большинстве своем она касалась написания исследовательских работ, которые во многих случаях были посвящены истории местных достопримечательностей. Именно в этом качестве Ланц смог дать волю своей фантазии. Одна из самых принципиальных работ этого периода, написанная Ланцем, появилась на свет в 1894 году. Она назвалась «Бертольд фон Тройн». Свое авторство Ланц в заголовке выразил следующим образом: «написана фра Г.о.ц.» (братом Георгом, ordinis cisterciensis, то есть пресвитером цистерцианского ордена). У этой исследовательской работы была своя предыстория.

На территории аббатства Святого Креста еще со времен Средневековья находилось множество надгробий и надгробных памятников. Большая часть из них была обнаружена, когда производился ремонт крытой галереи вокруг монастырского двора. Среди найденных памятников было также надгробие Бертольда фон Тройна. Когда надгробие было извлечено из земли и очищено, то обнаружилось, что на его обратной стороне имелся барельеф.

Именно на этот барельеф обратил внимание брат Георг (Ланц), предпринявший попытку его специфической интерпретации. О том, какое большое значение Ланц придавал этому надгробию, говорит тот факт, что он написал отдельную работу, посвященную этому памятнику. Брат Георг (Ланц), предполагал, что на барельефе был изображен Бертольд фон Тройн, имя которого было высечено на лицевой стороне надгробия. Особенность барельефа заключалась в том, что изображенный фон Тройн попирал ногами непонятное звероподобное существо. Ланц трактовал это существо как символ зла. Сам барельеф Ланц описывал следующим образом: «Правая рука, которая обычно является символом чести, указывает вниз на звероподобное существо, которое согнулось под ногами человека. Вытянутая правая нога придавливает хвост животного. Согнутая в колене левая нога поставлена на спину животного, которое пытается приподнять голову. Левая нога являет собой энергию подавления. Теперь можно понять, что означают гримасы существа, которое находится под ногами человека и на которое указывает правая рука. Это — зло, с которым человек должен бороться всю свою жизнь и которое может победить только через свою смерть. Это борьба является высшей честью».

Подобная трактовка барельефа удовлетворила отнюдь не всех. Работа Ланца оказалась в «Союзе любителей древности Вены», члены которого предложили собственное истолкование изображения. Так, редактор вестника «Союза любителей древностей Вены» доктор Линд предположил: «Надпись и барельеф явно не подходят друг к другу. Кажется, их можно датировать различным временем. А потому по своей сути они далеки друг от друга». Предполагалось, что на обратной стороне надгробия было изображена сцена Страшного суда,

на которой Христос предопределял судьбу мира. Кроме этого выдвигалось предположение, что изображение-барельеф возникло раньше, и лишь затем каменная плита стала использоваться в качестве надгробного памятника, собственно, когда на ней и было выбито имя Бертольда фон Тройна.

В 1959 году на свет появилась работа Карла Эттингера «Старейший надгробный памятник герцогу Австрийскому». В ней была предпринята попытка анализа надгробия, найденного в конце XIX века. В своем исследовании Карл Эттингер пытался опираться на известные исторические факты. Он пришел к выводу о том, что надгробие принадлежало молодому, никогда не правившему герцогу Генриху Жестокому, сыну Леопольда VI Австрийского. Во время отсутствия своего отца, который вместе с королем Генрихом находился в Северной Италии, сын задумал узурпировать власть, а возможно, даже лишить своего отца жизни. Однако герцог Генрих Жестокий умер в весьма молодом возрасте. В аббатстве Святого Креста среди многих погребений была найдена могила, в которой тело было сожжено дотла. Эттингер предположил, что тело молодого герцога в качестве наказания за преступление против отца было сожжено. Эттингер писал: «Если обобщить все вышесказанное, то получается следующее. Найденная плита является старейшим сохранившимся надгробным памятником светского характера. Оно принадлежало человеку, умершему приблизительно в 1230 году. Изображенный умерший, босыми ногами попирающий обезьяну (символ демона) на надгробии, является демонстрацией символической борьбы с указанным демоном. Жест рукой и положение фигуры указывает на то, что эта борьба была существенной. В данном случае барельеф приобретает неповторимый смысл, а именно стремление злосчастного преступника искупить свои грехи. Он может полагаться только на милость Божью… Это позволяет объяснить, почему надгробие было очень быстро опрокинуто при загадочных обстоятельствах. Также можно понять, почему могилу Генриха Жестокого и его супруги Агнес накрывают плиты без креста… Для самих монахов воспоминание о преступнике, рискнувшем поднять руку на своего глубокочтимого родителя, с самого начала было раздражающим фактором. Тем не менее именно летописи аббатства Святого Креста дают самое детальное описание жизни и смерти этой мрачной фигуры. Когда монахи решили восстановить опустошенный монастырь, то они перенесли надгробие Генриха из капители, установив его на некотором удалении на могиле маршала фон Тройна, который, вероятно, был погребен здесь в 1254 году. Надгробие перевернули и на его обратной стороне высекли эпитафию. Могилы же Генриха Жестокого и его супруги были накрыты обыкновенными плитами, чем их предали забвению».

Если же отвлечься от этих описаний, то надо отметить, что нас должно в первую очередь интересовать не та или иная трактовка надгробия, а то, что в указанном случае работа брата Георга (Ланца) на полном серьезе рассматривалась историками. К слову сказать, сами австрийские и немецкие исследователи до сих пор не пришли к единому мнению относительно найденного в аббатстве Святого Креста надгробия Бертольда фон Тройна. Так, например, в 1976 году была опубликована работа Вольфганга Хильгера «Мнимый надгробный памятник Генриха Жестокого», в которой автор предположил, что плиту с барельефом изначально планировалось использовать для возведения хорового зала готической церкви монастыря. В данном случае высказывалось предположение, что на барельефе был изображен ветхозаветный пророк Даниил. Искусствоведы, как прошлого, так и настоящего, сходились только в одном — изображенный на барельефе человек, попирающий звероподобное существо, являлся кем угодно, но только не тамплиером.

Сам же Ланц в силу своей мечтательности предпочитал видеть в надгробии именно историческое свидетельство о «рыцарях Храма». В одной из бесед со своими приближенными Ланц-Либенфельс рассказал о том, что во время пребывания в монастыре Святого Креста ему было ночное видение. Ему привиделось идеальное лицо, обрамленное белокурыми локонами. После этого Ланц «понял», что это был маршал Тройн, который «в действительности» был тамплиером. Как видим, даже в роли цистерцианца Ланц не отказался от своих фантазий на

тему тамплиеров. Однако если ранее «тамплиерские фантазии» были связаны с образами, почерпнутыми из исторической литературы и оперных постановок, то теперь они как бы опирались на исторический артефакт — найденное надгробие Бертольда фон Тройна. С этого момента и до самой смерти тамплиеры были той темой, которая играла центральную роль в мировоззрении Ланца.

С сугубо исторической точки зрения тамплиеры, или орден храмовников, возникли в 1119 году. Девять лет спустя деятельность ордена была санкционирована папой римским. Главная задача ордена заключалась в том, чтобы охранять паломников, направлявшихся в Святую землю, а также оберегать храм Гроба Господня. Название ордена «тамплиеры» или «храмовники» являлось производным от местонахождения гроссмейстера, резиденция которого располагалась на месте бывшего храма Соломона в Иерусалиме. После того как в 1291 году пал последний оплот христиан в Палестине город Аккон, гроссмейстер ордена тамплиеров перенес свою резиденцию на остров Кипр. По инициативе французского короля Филиппа IV Красивого и с санкции папы римского в 1312 году орден храмовников был разгромлен. Однако эти исторические сведения фактически не имели никакого отношения к «тамплиерской идеологии» Ланца-Либенфельса. Ланц предполагал, что «истинной» задачей тамплиеров, равно как и всей средневековой церкви, было сохранение расовой чистоты «блондинов», равно как и предотвращение расового смешения. Тамплиеры стали неким символом, вокруг которого стала формироваться идеология Ланца. Он предполагал, что все люди делились на две группы. С одной стороны находились светловолосые люди, которых он позже стал называть асингами (производное от асов — германских богов), хельдлингами (от немецкого слова Held — герой) или ариогероиками. Они мыслились Ланцу как представители благородной расы господ. Всех остальных людей он относил к чандалам (одна из низших индийских каст) или аффлингам, то есть «обезьяноподобным». Наибольшее презрение Ланц испытывал к евреям, которых мог именовать в своих построениях больши, ванинги, шреттлинги («напоминающие леших»). Чистокровные асинги должны были всеми силами поддерживать свою расовую чистоту, в том числе бороться и подавлять чандалов. Согласно трактовке Ланца на надгробии маршала Бертольда фон Тройна был изображен ариогероик, который попирал своими ногами утратившего человеческий облик аффлинга. Попытка изобразить церковную деятельность Средневековья как попытку сохранения расовой чистоты не нашла понимание в аббатстве Святого Креста. Позже Ланц высказывал версию, что именно по данной причине он был вынужден покинуть монастырь.

Надгробие, которое могло принадлежать как Бертольду фон Тройну, так и Генриху Жестокому, одной из самых одиозных фигур в австрийской истории, Ланц связал со своей собственной теорией, сделав этот памятник едва ли не отправной точкой своего мировоззрения. В № 18 журнала «Остара», который позже стал выпускаться Ланцем-Либенфельсом, он сообщал о надгробии следующее: «Надгробный камень Бертольда фон Тройна, австрийского маршала (скончался приблизительно в 1260 году), является одной из старейших романских скульптур юго-восточной Германии. Она была найдена в 1894 году в крытой галерее аббатства Святого Креста и дала толчок автору этих строк, чтобы он занялся ариософскими изысканиями. На барельефе изображен человек, попирающий сирену». Для Ланца такие мифологические существа, как сирены, фавны, сатиры, были выражением представителей низших рас, которые непременно хотели низвергнуть высокородных арийских героев. В этом отрывке весьма показательным является и еще один момент: Ланц говорит об Австрии как «юго-восточной Германии».

В упоминавшемся уже некрологе, который был написан Теодором Чеплем, данная история была изложена следующим образом: «Был извлечен и в последующем установлен надгробный

камень маршала Бертольда фон Тройна, верного вассала Фридриха Воинственного, последнего из рода бабенбергских герцогов. Надгробие нашло свое последнее место обитания в зале капители монастыря. Во время этого он [Ланц-Либенфельс] обнаружил связь с орденом тамплиеров. Это заставило его отказаться от духовного сана, чтобы затем воплощать идеалы ордена в миру. Это было невозможно сделать, пребывая в монастыре. Таким образом, он предпочел светскую одежду монашескому облачению. Он выполнял свою миссию в качестве одного из самых выдающихся цистерцианцев нашего времени, будучи мистиком, романтиком и воссоздателем древних, давно забытых традиций и мистерий».

Прежде чем рассмотреть сюжет, связанный с тем, как Ланц покинул монастырь Святого Креста, надо отдельно указать на тот факт, что он еще в качестве послушника обрел наставника в лице Ниварда Шлёшя, знатока Ветхого Завета и восточных языков. Поздние труды Ланца-Либенфельса несут на себе отчетливый отпечаток глубочайшего знания Библии, малоизвестных апокрифов и гностических текстов, а также религиозных традиций Древнего Востока. Сам же Шлёгль был убежденным антисемитом, который полагал евреев Ветхого Завета самонадеянным и надменным племенем. Комментарии к Ветхом Завету, автором которых являлся Шлёгель, были настолько пропитаны антиеврейскими настроениями, что они даже попали в список книг, запрещенных Ватиканом. Несмотря на некоторые противоречия, которые существовали между Ланцем и Шлёгелем, едва ли можно отрицать, что именно этот наставник оказал существенное влияние на формирование расистской идеологии «новых тамплиеров».

Если же говорить о выходе брата Георга (Ланца) из монастыря, то в своей книге Рудольф Мунд сообщал, что он это сделал с согласия приора, чтобы «осуществить идею восстановления ордена тамплиеров». Данная информация совершенно не соответствует действительности, так как в летописи аббатства Святого Креста эта история описывалась следующим образом: «Поддавшись искушениям мира и соблазнам плотской любви, 27 апреля 1899 года он отверг монашеское одеяние и честь священника, католическую, а также, вероятно, христианскую веру и с позором покинул нас». Архивариус аббатства Святого Креста П. Вацль в беседе с исследователем Вильфридом Даймом отмечал, что его предшественники были «добросовестными людьми», которые не использовали казенные формулировки, а описывали только то, что имело место быть в действительности. Поскольку в случае с Ланцем упоминаются «соблазны плотской любви», то не исключено, что в этом деле была замешена женщина.

Точка в анализе этой версии была поставлена только в начале XXI века, когда было выяснено, что Ланц в указанный период сочетался браком на острове Хельголанд (Северное море). Поначалу предполагалось, что его женой стала некая особа, которая после смерти первого мужа-еврея финансировала приобретение Ланцем замка Верфенштайн. Якобы Ланц развелся с ней, когда та разорилась. Ситуацию смог прояснить немецкий исследователь Вальтер Паапе. Особенность обстоятельств заключалась в том, что до 1890 года остров Хельголанд находился в британском владении. После того как он был передан Германии, на острове в течение десяти лет продолжало действовать собственное, отличное от германского, брачное и семейное право. Его отличительной чертой был отказ от официальной регистрации брака как такового. Бракосочетание производилось местным пастором, которому уплачивалась пошлина в размере 200 марок. Одним из самых известных женихов острова Хельголанд был писатель Август Стриндберг (о нем мы поговорим позже). Надо отметить, что при заключении брака на острове у жениха и невесты не интересовались ни их национальностью, ни гражданством, что было весьма либеральной практикой. Это позволяло обойти многие из препон, которые имелись в брачном праве Германии и Австрии. Из документов следовало, что 24 августа 1899 года, то есть четыре месяца спустя после того, как Ланц покинул аб-бегство Святого Креста, он сочетался браком на острове. Его избранницей стала Фрид ерика Хелена Антония Конрид (в девичестве Шиффердеккер). Она была на 13 лет старше своего жениха.

Она была дочерью кенигсбергского пивовара Шиффердеккера, который в 1869 году продал свое предприятие, чтобы на вырученные деньги открыть в Гейдельберге цементное предприятие. Сведения об этой свадьбе, конечно же, не снимают всех вопросов. Например, об очень редко встречающейся подписи Ланца-Либенфельса — дон Хорхе Ланца ди Леонфорте.

Впрочем, описанная выше история нисколько не противоречит тому, что все-таки Ланц счел невозможным оставаться в монастыре из-за своих расистских убеждений. Принимая во внимание слова о том, что «отверг католическую, а также, вероятно, христианскую веру», кажется весьма странным пассаж из некролога, в котором Чепль упоминает Ланца-Либенфельса как одного из «выдающихся цистерцианцев нашего времени». После оставления монастыря Ланц вообще едва ли мог считаться цистерцианцем. Однако в этом утверждении все-таки был свой специфический смысл. Ланц на протяжении долгого времени рассматривал свою жизнь как некое сакральное действие. После того как он принял новое духовное имя, он стал рассматривать это деяние как установление связи с традициями ордена. Немалое значение играло также и то, что он получил в качестве духовного имени имя Георг (Йорг). Как известно, святой Георгий до сих пор воспринимается в христианской традиции как один из самых известных драконоборцев. Нечто аналогичное брат Георг (Ланц) мог увидеть и в барельефе надгробия маршала Бертольда фон Тройна. В данном случае борьба с драконом и попирание звероподобного существа, весьма напоминавшего обезьяну, могли рассматриваться как символическое выражение борьбы светловолосых ариогероиков и темнокожих чандалов. В этих условиях Ланц мог полагать, что имя Георг идеально подходило для пропаганды его расистских тезисов.

Так, например, в легендариуме (сборнике легенд «Ордена новых тамплиеров») Йорг Ланц-Либенфельс писал, что «святой Георгий являлся не чем иным, как христианизированным древним арийским божеством строгой расовой селекции», которое «должно было в ожесточенной борьбе освободить высокородную женщину от власти не-дочеловеческого монстра или обезьяноподобного существа». Если согласиться с предложенной трактовкой, то нет ничего удивительного в том, что Ланц решил оставить себе духовное имя Георг.

После того как Ланц-Либенфельс основал свой собственный орден, то это можно было рассматривать как попытку подтверждения легальности использования своего духовного имени. Однако на этот раз Ланц решил строить свой орден на основании «древних идеалов тамплиеров». Нет никакого сомнения в том, что он был с самого начала убежден в том, что средневековый католицизм был предназначен для того, чтобы сохранять чистоту расы. Кроме того, он не сомневался в том, что основателями цистерцианского ордена были именно ариогероики. Цистерцианцы утратили свою былую роль под давлением «еврейских» иезуитов (якобы второй генерал ордена был евреем — позже Ланд отказался от этой версии). Именно на иезуитов Ланц возлагал вину за то, что в католичество стали обращаться чандалы, которые в итоге исказили смысл изначального христианства. Однако эта идея выкристаллизуется не сразу же после того, как Ланц покинет аббатство Святого Креста.

Иоганн Вальтари Вёльфль в 101-м номере журнала «Остара» предпринял попытку дать обобщенное изложение учения Ланца-Либенфельса. Вёльфль утверждал, что «религия, по сути, является культом предков и расовым культом». В связи с этим делалось предположение, что Ланц полагал «раннее христианство арийским культом предков». «И только в руках выходцев из Средиземноморья оно стало страшным бичом, при помощи которого планировалось вырастить породу благородных людей». Якобы именно поэтому в 1899 году Ланц «решил освободиться от Рима, чтобы в итоге не стать иезуитом».

Иными словами, Ланц во время своего пребывания в аббатстве Святого Креста предположил, что оно находилось под влиянием иезуитов, а потому и захотел стать «свободным от Рима». Лозунги, провозглашавшие «свободу от Рима», весьма охотно использовал австрийский депутат Георг фон Шёненер. Он был не просто ярым антисемитом, но требовал выделения немецкоязычных территорий Австро-Венгерской империи, дабы те

могли присоединиться к Германии. Эти идеи не пользовались большой популярностью, хотя и нашли себе некоторое количество приверженцев в интеллектуальной среде. Некоторые источники указывают на то, что во время пребывания Гитлера в Вене над его кроватью была повешена застекленная табличка, которая была написана черно-красно-золотым шрифтом (немецкие национальные цвета). Надпись на табличке гласила: «Без Иудеи и без Рима мы возведем германский собор. Хайль!»

Так или иначе, в 1903 году Ланц-Либенфельс издал книгу, которая назвалась «Католицизм против учения иезуитов». Некоторые авторы, например Николас Гудрик-Кларк, полагают, что это было отражением его антиклерикальной деятельности. С подобными категоричными выводами нельзя согласиться, так как Ланц-Либенфельс не раз заявлял своим приверженцам, что «не стоило идентифицировать учение иезуитов с католицизмом, так как в католицизме было сокрыто очень много истин, почерпнутых из арио-христианства». По этой причине Ланц всегда относился с большим почтением к Святому Писанию. Он говорил: «Библия — это книга человека-повелителя. Это книга, в которой железными бессмертными словами была отражена борьба против человекообезьян». В другом месте он заявлял: «Поэтому наши предки во времена Средневековья воспринимали «христианскую церковь» как ариософский институт сакральной селекции героической расы». На основании этих высказываний можно сделать однозначный вывод о том, что Ланц чувствовал себя «истинным христианином», который был окружен представителями «ложного» иудео-христианства. Именно по данной причине он мог покинуть монастырь. Несмотря на это, Ланц почти на протяжении всей своей жизни считал себя связанным с аббатством Святого Креста. Это выразилось, например, в просьбе похоронить его после смерти именно в данном аббатстве.

Глава 2

СОЗДАНИЕ ОРДЕНА

Сохранились воспоминания Ланца-Либенфельса, в которых он рассказывал о том, как произошло учреждение «Ордена новых тамплиеров». Эти сведения были приведены в книге Рудольфа Мунда, но почему-то не использовались другими исследователями:

«Заканчивался 1900 год, приближалось Рождество. У меня было очень много работы. Богатый событиями, но в то же время крайне беспокойный год заставлял меня постоянно переезжать с одного места на другое. У меня не оставалось ни минуты свободного времени, чтобы можно было остановиться и спокойно подумать. Меня буквально накрыл поток новых идей, и вся моя деятельность состояла в том, чтобы успеть зафиксировать возникавшие в моей голове новые мысли, которые я пытался спешно записывать. Все происходило столь стремительно, что у меня фактически не было времени оценить эти идеи с практической точки зрения. В этот и предыдущий год меня больше всего занимали две идеи, которые я пытался оформить, чтобы запатентовать в качестве изобретений. Речь шла об автоматической системе торможения железнодорожного транспорта «Телебинет» и о «дискотраке» (дисковом колесе-пропеллере), которые могли выступать в качестве универсальной переходной крыльчатки в самолетах, парусных судах, подводных лодках, парусных санях, гоночных автомобилях. Они бы приводились в движение ветром за счет использования специальных турбин. Однако оформление патентов только на эти два изобретения, которые были важными для всех цивилизованных государств мира, требовало множество дальних поездок, изучения материала в библиотеках, посещения заводских цехов. Кроме этого надо было вести переговоры с патентным бюро, изготовителями моделей и прочими заинтересованными лицами.

Когда же мне все-таки удалось получить патенты, я смог перевести дыхание и уделить больше внимания гуманитарным наукам. Меня интересовали любые книги, которые моши мне помочь с осуществлением моей главной мечты, мечты жизни, а именно с возрождением ордена тамплиеров. Тогда я как раз писал отзыв на книгу д-ра Александра фон Пееца, которая была посвящена святым и священным местам. Я хотел встретиться с ним в Вене, чтобы побеседовать. Кроме этого я рассчитывал, что он покажет мне в Вене несколько церквей, которые упоминались в его работе. Также я хотел побеседовать с братом Хервигом и братом Фридолином, чтобы обсудить запланированное пару лет назад создание «Ордена новых тамплиеров». Официальному учреждению ордена я тогда не придавал никакого значения с силу нескольких причин:

Все мои друзья, умудренные жизненным опытом люди, считали это начинание не только безнадежным, но и весьма небезопасным, так как именно в наше время чандалы достигли своего высшего расцвета. Никто и предположить не мог, что нам когда-то удастся победить чандалов и сломить их мировое господство.

Я с самого начала хотел облачить вдохновлявшую нас идею о новых тамплиерах в форму научно-популярных книг и духовных публикаций.

Материальную основу для нашего учреждения должно было создать собственное строение и недвижимое имущество.

Так как в предшествующие годы технические изобретения, дальние командировки и связанные с ними хлопоты не позволяли мне заняться безмятежной писательской работой, исследованиями и поисками предназначенного для общины новых тамплиеров здания. Кроме этого я не находил ничего подходящего, а потому не слишком торопился с официальным основанием ордена. Пока нас было только трое, и мы пребывали в полном душевном спокойствии, ожидая Божественного знака. В то время я был молод, нетерпелив, бесцеремонен. Препятствия испытывали мое терпение, которого, кстати, было не так уж много. Если бы я только знал тогда, насколько сложной и продолжительной будет эта моя добровольная деятельность, то наверняка у меня бы не хватило мужества и сил взяться за нее.

Я прибыл в Вену 23 декабря. Я запланировал, что в первой половине дня 25 декабря встречусь с Хервигом и Фридолином, чтобы обсудить с ними некоторые детали. Вечер 24 декабря, который каждый хочет использовать, чтобы провести в кругу семьи или близких друзей, чтобы отдохнуть с ними, я решил использовать, дабы направиться из Вены к одному из мест паломничества, Марию-Ланцендорф. Дело в том, что еще в начале 1900 года упоминавшийся ранее д-р Александр фон Пеец просил меня написать статью об австрийских святых и культовых местах, которая бы могла стать дополнением к его книге о Карле Великом. Во время моих деловых поездок я пытался попасть в церкви, музеи, центры искусства и на исторические объекты. Это было совмещением приятного с полезным.

Однако подготовленная мною работа в итоге так и не вошла в качестве приложения к книге д-ра Пееца. Она была напечатана в 1908 году с небольшими сокращениями в виде доклада в журнале «Австрийские сокровища» (издатель — барон Швайгер фон Лерхенфельд). Именно это произведение стало непосредственным поводом для того, чтобы 25 декабря 1900 года был официально учрежден «Орден новых тамплиеров».

Я попытаюсь вкратце рассказать о событиях того времени. В первой половине дня 24 декабря я прибыл в Ма-рию-Ланцендорф. Я бывал здесь достаточно часто, но тогда я был слишком молод, чтобы понять, какое значение Мария-Ланцендорф могла иметь для тамллиерства. Однако до этого момента я не сделал никаких сколько-либо заметных открытий, связанных с этим местом паломничества. Я не заметил, что кроме паломнической церкви было создано подобие Голгофы и Гроба Господня, что на самом деле являлось христианизированными Хёрзельбергом и имением известного миннезингера Тангейзера. Эти

объекты располагались по соседству с Марией-Ланцендорфом. Это была в высшей степени романтическая местность, что мне всегда приходилось по вкусу.

Я выбрал тихий спокойный день, когда осматривал Голгофу, церковь и находившуюся рядом капеллу. Я пребывал в счастливом рождественском настроении, полный надежд и смутных ожиданий. И меня ожидал прекраснейший рождественский подарок.

Это был превосходный подарок, рождественский подарок от Господа. Когда я обходил снаружи капеллу и бегло рассматривал фрески и надписи, мой взгляд приковало слово, которое поразило меня как удар молнии. Это было слово АРТУР. По сути, это было древнее слово, даже если оно относилось к изображению эпохи барокко. Она (эта надпись) утверждала не более и не менее, что в этом священном месте некогда пребывал король Артур, предводитель рыцарей Грааля! Это было воистину чудесное открытие, которое наполнило меня неописуемым счастьем. Я преклонил колени на ступенях и поблагодарил Господа за его великую милость. Когда я покинул церковь и с вокзала вернулся в город, я пребывал в глубоких раздумьях. Как могло получиться, что во время моих прошлых визитов в те края я не смог заметить изображение с Артуром, которое обнаружил только сегодня? Мне пришли в голову слова Парцифаля: «Находясь в замке Грааля, из-за своей вопиющей слепоты ты не заметишь, что находишься в доме Грааля». Чтобы узреть, надо не просто смотреть, но хотеть увидеть. Зрение и действительность зависят от нашего желания. После этого у меня в голове всплыла мысль: переживание в паломнической церкви не было какой-то случайностью, а знаком, ниспосланным свыше!

Когда-то я уже небрежно проходил мимо Грааля. Теперь мне пришло повторное напоминание: надо служить не идолу материализма и техники, прекрасному времени, не молодости, не силе, а мне, твоему Богу. Мне свыше как бы говорили, вот увидишь, как я могу поддерживать тебя и сделать тебя счастливым!

Элементы головоломки сложились воедино, предопределив дело всей моей жизни. Я был настроен решительно убрать все препятствия, которые мешали моему желанию двигаться по пути, уготованному мне Богом. Не надо было отвлекаться, не стоило сворачивать ни вправо, ни влево, а двигаться непосредственно к цели, как я того и хотел.

Грааль нового тамплиерства должен был возникнуть в этих местах, и ни в каких других! Я уже знал пророчества Нострадамуса, что Грааль церкви Святого Духа возникнет на широте 48 градусов. А в других пророчествах говорилось, что люди будут передвигаться со скоростью молнии, переговариваться друг с другом на расстоянии и летать над облаками.

Теперь я точно был уверен — наступило время пробуждения старого ордена храмовников, который должен быть возрожден новыми тамплиерами. Телекинет, который при помощи электричества мог посылать вдаль самолет или подводную лодку, а затем управлять ими, был уже изобретен и запатентован. Я также принял решение. Когда в первой половине праздничного рождественского дня ко мне прибыли Хервиг и Фридолин, то мы очень быстро смогли договориться, провести первый праздник по древнему ритуалу. Обнявшись и скрепив решение рукопожатием, мы поклялись соблюдать правила и ритуалы новых тамплиеров, после чего формально основали «Орден новых тамплиеров».

Однако это был весьма рискованный шаг! Мы должны были заново создать религиозную общину со своими мировоззрением и богопостижением, которая имела множество врагов и почти не имела друзей. Ей бы противостояли масоны, евреи, иезуиты, к которым могли присоединиться националисты. У нас еще не было напечатанных книг, у нас не было здания, которое бы смогло стать центром и домом для наших идей. Эти мысли не давали мне покоя, пока я вел Хервига и Фридолина к трамваю. После этого я простился с ними и пошел по Виднескому проспекту в направлении церкви Св. Павла. Когда я вошел в нее, то хор пел невыразимо красивую бенедиктинскую мессу Франца Шуберта. Это была одна из моих любимейших вещей. Но в этот раз я был потрясен и слушал словно парализованный

неведомыми чарами. Я вдруг забыл о суете человеческого мира. У меня текли по лицу слезы счастья».

Как следовало из приведенного выше рассказа, основателями «Ордена новых тамплиеров» являлись фра Георг (Ланц), фра Хервиг и фра Фридолин. О последних двух фактически не сохранилось никаких сведений. Некоторые моменты, изложенные в книге Рудольфа Мунда, позволяют предположить, что они были старше его возрастом. «От молодого Ланца исходило такое сильное излучение, что ему удалось завоевать сердца закаленных жизнью опытных мужчин». Если о фра Хервиге и фра Фридоли-не нет никаких сведений, то в случае с четвертым членом «Ордена новых тамплиеров», фра Арманом, ситуация была совершенно иной. Это орденское имя принадлежало имперскому барону Швайгеру фон Лерхенфельду. Он происходил из древнего каринтского аристократического рода, на гербе которого были изображены жаворонок, роза и «дикий человек», который как бы призывал молчать, приложив указательный палец ко рту. Швайгер фон Лерхенфельд родился 17 мая 1846 года в Вене. Он по примеру своих предков решил выбрать военную профессию. Сначала он учился в Венской военной академии. В 1866 году только что получивший офицерское звание молодой лейтенант был направлен в части австрийской армии, которые под командованием эрцгерцога Альбрехта находились в Венеции. Будущий фра Арманд принимал участие в битве под Кустоццо, в которой австрийцы одержали победу над итальянцами. После окончания итальянского похода молодого офицера направили в Далмацию, где он нес службу в форте Сан-Лоренцо, располагавшемся близ Рагузы (Дубровник). В то время Далмация была землей, плохо знакомой австрийцам.

Однако барон Швайгер фон Лерхенфельд не был ограниченным служакой. Он много путешествовал, делал географические заметки, пытался писать путевые рассказы. После того как барон оставил военную службу, он получил должность в «Багдадском железнодорожном обществе», которое должно было проложить магистраль из Малой Азии, через Месопотамию к Багдаду. Кроме этого он был одним из первых европейцев, кто побывал в неизведанных тогда районах Курдистана и Ближнего Востока. Этот наполовину солдат, наполовину географ на лошади с винтовкой за спиной и теодолитом в руках сделал все возможное, чтобы возникла новая железнодорожная магистраль. Однако она была построена только полвека спустя.

Известный во второй половине XIX века географический журнал «Обозрение Петермана» постоянно публиковал нарисованные фон Лерхенфельдом географические карты заново открытых областей. В результате барон приобрел мировую известность в качестве географа и до конца жизни воспринимался исключительно как писатель, посвятивший себя изучению нашей планеты. Им были написаны следующие книги: «Под полумесяцем» (1876), «Африка» (1885), «Средиземное море» (1888), «Греция», «Дунай», «В царстве циклопов» (1899), «Женская жизнь», «История культуры» (1906–1907). В последние годы своей жизни он издавал «толстый» научно-популярный журнал «Камень мудрости», при помощи которого он хотел заинтересовать молодежь техникой, естественными науками и туризмом.

Не исключено, что именно барон фон Лерхенфельд обратил внимание небольшой группы «новых тамплиеров» на замок Верфениггайн, расположившийся на берегу Дуная (об официальной версии мы расскажем несколько позже). Фра Арманд, совершивший множество поездок и путешествий, считал это место красивейшем в Европе.

Затем в «Орден новых тамплиеров» вступил потомок древнего рода из Базеля, который по материнской линии являлся родственником парижского архиепископа, венчавшего Наполеона и Жозефину. В ордене он был известен под именем фра Эммилус. За ним последовал фра Альберих — курьер австрийского двора Алоиз Фишер. Несмотря на свой относительно невысокий пост, он был человеком с большими связями. Например, он являлся комтуром[1] португальского «Ордена рыцарей Христа». Он даже был знаком с трагически погибшим португальским монархом Доном Карлосом. Когда происходила его коронация, то Алоиз Фишер находился в свите австрийского эрцгерцога Евгения. Именно Фишеру «Орден

новых тамплиеров» был обязан тем, что в его распоряжении оказались финансовые средства, позволявшие приобрести замок Верфенштайн. Фра Альберих умер в возрасте 86 лет 24 мая 1926 года и был похоронен в Гарсе (Нижняя Австрия).

Со временем в «Ордене новых тамплиеров» оказалось значительное количество военных. Рассказ о них лучше начать с фигуры австрийского фрегатген-капитана (капитана второго ранга) Фридриха Швикерта. Он родился 16 сентября 1857 года в Южной Богемии в городке Крумау. Он был сыном мелкопоместных дворян, которые находились на службе черногорских князей. С раннего детства Фридрих мечтал стать моряком. Его мечта сбылась. Он не только повидал весь мир, но даже являлся начальником морского штаба австро-венгерской флотилии, которая была послана в Китай, когда там вспыхнуло так называем «боксерское восстание». Рудольф Мунд говорил по поводу этой международной карательной экспедиции: «Она была первой и, наверное, единственной военной операцией, для осуществления которой объединились все белые государства мира». Сам же Фридрих Швикерт, получивший в ордене имя фра Гонзалво, во время этой военной экспедиции смог обзавестись хорошими связями с представителями политической и военной элиты многих европейских стран. Некоторое время спустя эти связи были с выгодой использованы «новыми тамплиерами». Впрочем, нельзя не заметить, что знание восточных языков позволяло фра Гонзалво спокойно общаться и с азиатской аристократией.

Подобно многим военным, состоявшим в «Ордене новых тамплиеров», Фридрих Швикерт не был типичным солдафоном. Основываясь на личном опыте, он придавал очень большое значение гуманитарным наукам, мистике и познанию Бога. Со временем увлечение мистикой стало его вторым призванием. Он занялся астрологическими изысканиями. Под псевдонимом Синбад (явный намек на морскую профессию Швикерта) он в 1927 году издал в Мюнхене фундаментальное пятитомное изыскание по астрологии. Отдельное внимание он уделял проблеме астрологии и медицины. Словно желая оправдать увлечение Швикерта астрологией, Рудольф Мунд писал: «Под влиянием Просвещения и обожествления интеллекта все народы за исключением англосаксов отказались от астрологии и гуманитарных наук, включая «веру в Бога» как от слепого суеверия. Только англосаксы на протяжении XVIII, XIX, XX веков продолжали обращаться к древним знаниям, что можно доказать на многочисленных примерах времени Второй мировой войны (1939–1945); они управляли экономикой, политикой и вели войны в соответствии с космическими принципами. Истинной заслугой фра Гонзалво, пресвитера «Ордена новых тамплиеров» было разоблачение этой тайны, что позволило постичь секрет успеха англосаксов». Фридрих Швикерт умер в Вене 15 октября 1930 года.

Несмотря на склонность к мистике, многие из «новых тамплиеров» были успешными в своей карьере, а потому их никак нельзя было назвать «беспочвенными мечтателями». Мечтателем не был и Блазиус фон Шемуа, известный в ордене как фра Готхардт. Он был генералом от инфантерии и некоторое время занимал пост начальника Генерального штаба австро-венгерской армии. На этом посту он сменил Конрада фон Гёцендорфа.

Фон Шемуа родился 2 января 1856 года в Клагенфурте. Его отец был майором, происходившим из семьи военных и горных крестьян. Будущий фра Готхардт закончил Венскую военную академию, где продемонстрировал блестящие знания, что дало толчок для его дальнейшей карьеры. Вначале он был направлен военным советником в Персию, где австрийская военная миссия должна была помочь организовать армию по европейскому образцу. Выполняя это задание, фон Шемуа, бывший еще совсем молодым офицером, заработал себе имя в военных кругах. Подобно многим «новым тамплиерам», выходцам из военной среды (фра Арманд, фра Гонзалво и т. д.), фон Шемуа близко познакомился с культурой, философией и религиозными традициями восточных народов. Это сначала пробудило в нем интерес к мистике, а затем привело в «Орден новых тамплиеров». Фон Шемуа входил в кружок, который сложился вокруг известного писателя-мистика Густава Майринка. К великому сожалению, архивы, в которых содержались документы, касающиеся

взаимоотношений Майринка и «новых тамплиеров», оказались уничтоженными в годы Второй мировой войны. Впрочем, сохранились некие косвенные указания, содержащиеся в книге Вилли Шрёдтера «Тайные искусства розенкрейцеров».

Известно, что интерес фон Шемуа, равно как и всего кружка, связанного с Майринком, возбудил случай с Майландером. В какой-то момент своей жизни этот неграмотный и небогатый человек услышал внутренний голос, который приказал ему сесть в машину и ехать на запад. Он собрал свои скудные пожитки, погрузил семью в машину и направился в указанном направлении. Как долго он ехал, неизвестно, однако около Дармштадта он оказался без средств и не мог двигаться дальше. После этого «внутренний голос» приказал ему остаться на месте и ждать. Далее версии истории разнятся, одна говорила о том, что Майландер встретил промышленника Гебхардта, являвшегося кроме всего прочего президентом немецкого «Теософского общества». Тот якобы заинтересовался «внутренним голосом» Майландера, и после этого семья не знала проблем с деньгами. Согласно другой версии Майландеры работали ткачами, но внезапно уволились. После чего тот же Гебхардт сделал Майландера пророком для влиятельных баварских кругов. В любом случае пражский кружок Майринка, куда входил и фон Шемуа, постоянно поддерживал связь с указанным Гебхардтом.

Именно склонность к мистицизму привела фон Шемуа в «Орден новых тамплиеров». Не в последнюю очередь его привлекали тезисы Ланца, который пытался истолковать эмпирическими средствами веру в Бога. Получив орденское имя фра Готхардт, фон Шемуа до конца жизни поддерживал связь с пражским кружком. На первый взгляд могло показаться, что подобный склад характера и подобные интересы должны были мешать военной карьере. Однако в жизни все происходило с точностью до наоборот. Сначала фон Шемуа был командующим австрийским корпусом в Далмации. В 1912 году он сменил Конрада фон Гёцендорфа на посту начальника Генерального штаба. Предвидя надвигавшуюся Первую мировую войну, фон Шемуа загодя стал готовить к ней вверенную ему армию. В это время все свои военные надбавки он тратил на благотворительные цели. Именно под командованием фон Шемуа австрийская армия смогла одержать первую победу в начавшейся мировой войне. Это произошло в августе 1914 года близ местечка Замосць («битва при Комарове»). Будучи разочарованным в жизни, фон Шемуа «решил обрести утешение и силу среди новых тамплиеров». Он смог подняться в ордене до ступени пресвитера. На одном из торжественных собраний он произнес: «То, что я безуспешно искал всю свою жизнь, я обрел в замке Верфенштайн среди новых тамплиеров». Во время революции имение фон Шемуа оказалось разорено. Больше всего он переживал по поводу утраты бесценной библиотеки. Фра Готхардт скончался 21 ноября 1920 года в Клагефурте.

Приблизительно в то же самое время, что и фон Шемуа, в «Ордене новых тамплиеров» оказался фельдмаршал-лейтенант[2] Дитрих фон Нордготен, получивший имя фра Рудольф. Он родился 27 января 1859 года в Хорватии, закончил Венскую военную академию. В годы Первой мировой войны он командовал артиллерийскими частями в составе 3-й австро-венгерской армии генерала Бруцермана (Восточная Галиция). Рудольф Мунд отмечал, что «фра Рудольф с большим воодушевлением воспринял идею создания тамплиерского ордена». Дитрих фон Нордготен скончался 1 мая 1936 года.

Из множества «ветеранов» «Ордена новых тамплиеров» надо отдельно выделить фра Георга (Хауэрштайна). Он был один из первых активистов так называемого расового движения. В 1910 году он приобрел имение Тюре, располагавшееся близ Ганновера. Там он решил создать идеальный фруктовый сад. Когда 4 мая 1914 года скончалась его супруга, то на ее могиле он установил надгробие с изображением свастики, на котором было написано «Бог — это любовь». Сам Хауэрштайн погиб от разрыва ручной гранаты во время боев в Северной Франции.

Весной 1905 года Ланц начала сотрудничество с несколькими известными теологами, предполагая подготовку научного издания ранних еврейских текстов. Эта публикация была

предпринята издательской комиссией, представляющей точки зрения иудаизма, католицизма и протестантизма. В нее входили: Мориц Альтшулер, ученый-раббинист, который издавал «Ежеквартальный вестник по вопросам изучения Библии», Вильгельм Нейман, профессор теологии и каноник аббатства Святого Креста, Август Вюнше, профессор-ориенталист. Анонс предстоящей серии, названной «Монументальная иудаика», обнаруживал честолюбивую природу их намерений. В первой части серии предполагалось издать ранние арамейские источники Пятикнижия; последующие ее разделы должны были быть отведены под самарийские, сирийские, готские и арабские тексты, а также посвящены их интерпретациям. Вторую часть предполагалось посвятить влиянию, которое могли оказывать вавилонские и ассирийские идеи на еврейскую религиозную традицию. Ланц был выбран католическим издателем вместо Нейманна, а его титулы, «доктор философии и теологии, профессор и пресвитер ордена цистерцианцев», свидетельствовали как о его немалой известности среди теологов, так и об относительном примирении между ним и аббатством Святого Креста. Его пригласили к сотрудничеству благодаря его глубоким знаниям текстов Библии (Сегпуагинты, Вульгаты и готской Библии Вульфилы). Задуманная серия не была издана полностью — к 1908 году вышли только первые пять томов. Ланц непосредственно отвечал за издание книги Бытия на основе текстов Септуагинты и Вульгаты.

Вскоре журналистика настолько увлекла Ланца-Либенфельса, что он решил на время оставить свои теологические исследования. Кроме этого его связи с антисемитскими и фёлькише-союзами во многом мешали участию в проекте, посвященному истории иудаизма. Так, например, в 1905 году Ланц познакомился с Теодором Фричем, издателем известного антисемитского журнала «Молот» («Хаммер»). Приблизительно в то же сааме время Ланц начинает издавать собственный журнал, который он назвал «Остара». Среди сотрудников «Остары» можно было обнаружить Адольфа Гарпфа, Людвига фон Вернута, Адольфа Вармунда, Харальда Гравелла ван Йостенооде. Некоторые из авторов «Остары» были известны как члены «Общества Гвидо фон Листа».

Если говорить о знакомствах, которые Ланц завел в теософских кругах, то прежде всего надо упомянуть Харальда Гравелла ван Йостенооде (1856–1932), проживавшего долгое время в Гейдельберге. К 1908 году этот ариософ написал несколько текстов, которые по своему стилю весьма напоминали работы фёлькише-исследователей. В 1905 году он издал теософский труд «Арияварта», который представлял собой смешение мотивов христианской и буддистской веры. Кроме этого ван Йостенооде принимал участие в издании различных националистических и теософских журналов. В 1913 году он продолжил издание журнала Франца Гартмана под названием «Новые цветы лотоса». В июле 1906 года ван Йостенооде подготовил к печати один из номеров «Остары», на страницах которого потребовал возвращения немецкой империи бриллиантов габсбургской короны. Это требование символизировало собой силу милитаристских надежд австрийских пангерманистов. Веком раньше, 6 августа 1806, когда Священная Римская империя формально распалась, последние императоры обосновались в Вене, там же хранились и их имперские регалии. Империя, созданная Бисмарком в 1871 году, не включила в свой состав Австрию. Для пангерманистов многонациональной габсбургской империи это было большим «упущением». Возвращение регалий новой имперской столице означало бы, по их мнению, реставрацию Великой Германской империи под знаком Гогенцоллернов и она включала бы в себя исторические немецкие земли Австрии, Богемии и Моравии. Двенадцать положений, подпитываемых расистскими, националистическими, антикапиталистическими и антифеминистскими чувствами вместе с проектом национальной церкви завершали план пангерманской империи, которая в итоге должна была включить в себя Бельгию, Голландию и Скандинавию.

Следующий эпизод, связанный с теософскими проектами, опубликованными на страницах «Остары», был связан с деятельностью ван Йостенооде в июле 1908 года. На этот раз он сформулировал целиком расовую теософскую концепции. Кроме этого ван Йостенооде

предлагал реставрацию арийской власти во всем мире. Цитируемыми оккультными источниками для него послужили тексты Анни Безант, которая считалась наследницей Блаватской в качестве лидера Международного теософского общества в Лондоне, и Рудольфа Штейнера, секретаря немецкого филиала общества в Берлине.

После этого Ланц стал издавать серию брошюр, которая назвалась «Библейские документы». Однозначно теософское содержание этих брошюр определялось участием ван Йостенооде в данном проекте. Второй вариант этой серии: «Теософия и ассирийские зверолюди» — продемонстрировал, как Ланц мог использовать материалы современной теософии, как это уже было в случае с археологией и антропологией, для того, чтобы реально воплотить собственную неогностическую религию. Он начал с избирательной интерпретации главного труда мадам Блаватской («Тайная доктрина»), сравнивая ее оккультную антропогению с результатами современной палеонтологии. Он разделял ее веру в исчезнувшие континенты Лемурия и Атлантида и воспроизвел палеогеографическое картирование мира для сравнения с картой Лемурии, исполненной английским теософом Вильямом Скотг-Эллиотом. Он сравнивал рассуждения Блаватской об утраченном третьем глазе с теориями Больше и Клаца, вместе с тем соглашаясь с ней в вопросе о классификации доисторических монстров. Последнее и наиболее важное обстоятельство состояло в том, что Ланц нашел поразительное теософское подтверждение своей демонической концепции грехопадения человечества. Так, например, Блаватская заявляла, что древние лемурианцы впервые разделились на два пола и что они утратили божественное благоволение, смешиваясь с привлекательными, но низшими видами и производя при этом уродов. «Они брали к себе животных женского вида, женщины-животные были прекрасны, но дочери их не имели ни души, ни разума. Монстров они брали к себе, злых демонов». Свою благосклонную оценку «Тайной доктрины» Ланц завершил сравнением схемы пяти корневых рас с антропогенической теорией палеонтолога Штраца, которая была опубликована в 1904 году в журнале «Естественная история человека». В соответствии с Ланцем четвертая корневая раса атлантов разделилась на чистые и бестиальные подвиды, соотносимые с ранними антропоидами и антропоморфными обезьянами. Роковой ошибкой наследников первого подвида, пятой корневой расы арийцев или homo sapiens, стало упорное скрещивание с наследниками второго подвида.

Использование Ланцем теософии для своей сексуально-расистской идеи произошло в контексте близкого знакомства с квазинаучными идеями «Монистической лиги», осуществлявшей свою деятельность на территории Германии. Первым свидетельством такой известности может служить номер «Остары» за 1910 год. Здесь Ланц обсуждал такие философские концепции, как монизм Эрнста Геккеля и Вильгельма Оствальда, неовитализм немецких восприемников идей Бергеона. Хотя Геккель считал себя материалистом, его романтическая натурфилософия и панпсихизм (вера в мировую душу и ее обнаружения в качестве энергии во всякой материи) были очень далеки от обычного механического материализма. Ланц, участвовавший в издании монистического журнала «Вольное слово», присоединялся к подобным идеям и ставил панпсихическую традицию в связь с творчеством средневековых и других мистиков, таких как Альберт Великий, Комениус, Бёме и Ангелус Силезиус. Он утверждал, что «идеалистический монизм» является последовательным продолжением прогрессивной точки зрения героической арийской расы, тогда как материализм — это приземленное и пессимистическое мировоззрение, свойственное низшим темным расам. Эзотерические потребности Ланца отнюдь не препятствовали развитию его связей с современным монистическим движением.

Таким образом, этот «идеализм», который может быть возведен к романтизму начала девятнадцатого века и более поздним философиям воли и жизни, наряду с элементами монизма и современного оккультизма сформировали интеллектуальную базу для теологического сексуально-расистского гностицизма Ланца. Ланц-Либенфельс был убежден, что доктрина энергии лежит в самом сердце воображаемой традиции арио-христианской

мистики; что первоначально она культивировалась кланом богов, а затем сохранялась усилиями монастырей. Первым в этом ряду стояли библейские тексты, затем организации святого Бенедикта, святого Бернарда из Клерво и святого Бруно, затем ряд продолжали апостолы арио-христианской мистики, такие как мастер Экхарт, Парацельс, Иоганн Георг Гаманн, Карл дю Прель и т. д. Этот обширный список исторических носителей тайного знания указывал на то, как хорошо использовал Ланц отдельные западные традиции монастырской жизни, средневековой мистики, ренессансного герметизма в целях представления их как единой традиции теозоологического знания. Необходимость мифологических оснований для его расистских взглядов также обнаруживает сходство с идеями Листа, несмотря на все различие их теологических и культурных предпочтений. Подобно Листу, Ланц возводил хранителей и приверженцев тайной традиции в статус элиты.

В рамках этой книги мы будем неоднократно цитировать Гвидо фон Листа. В частности, в последующих главах будет указано на то, какое влияние могли оказать идеи фон Листа на восприятие символа свастики в «Ордене новых тамплиеров». Пока, же надо отметить, что Ланц-Либенфельс поддерживал очень тесные отношения с Гвидо фон Листом. Вильфрид Дайм в своей знаменитой исследовательской работе пытался обнаружить некие параллели между национал-социализмом и мировоззрением фон Листа. Он не смог установить, что Гитлер и фон Лист были знакомы, а потому предпочел говорить о некой параллельности мышления первого из создателей ариософии и фюрера национал-социалистической партии. Некоторые из этих утверждений кажутся надуманными. Например, приводится фактически никак не подтверждаемое высказывание некой Эльзы Фальк, что Гитлер очень ценил работы Гвидо фон Листа, в частности книгу «Немецко-мифологические образы ландшафтов». Желая доказать, что фон Лист имел отношение к зарождению национал-социализма, тот же исследователь привел сведения о том, что после очередной пирушки фон Лист вместе со своей компанией закопал пустые пивные и винные бутылки под так называемыми «Языческими вратами» Курнунтума. «Уникальность» данной ситуации заключалась в том, что закопанные бутылки были выложены в форме свастики. Однако если принимать во внимание, что Гитлер весьма скептически относился к «фелькише-фантастам», а Генрих Гиммлер пытался всячески ограничить хождение книг Гвидо фон Листа в Третьем рейхе, то связь между этим австрийцем и национал-социалистами кажется надуманной. Однако было бы бессмысленно отрицать тот факт, то Гвидо фон Лист оказал определенное влияние на Ланца-Либенфельса.

До настоящего момента почти нет ни одной биографии Гвидо фон Листа, ему была посвящена пара глав в работе Николаса Гудрика-Кларка «Оккультные корни нацизма». Кроме этого в 1917 году вышла книга Йохана Бальцли «Гвидо фон Лист, заново открывший древнюю арийскую мудрость». Из более поздних биографий фон Листа надо упомянуть специальный выпуск «Журнала по вопросам человековедения и исследования судьбы», в котором была приведена «исследовательская ариомантия» Ланца-Либенфельса и нечто вроде краткой биографии Гвидо фон Листа, которая была написана его учеником Артуром Вольфом-Вольфсбергом.

Если говорить о биографии Гвидо фон Листа, то надо отметить, что он родился 1848 года, а потому может считаться страшим современником Ланца-Либенфельса. Отец оставил Гвидо фон Листу в наследство приличное состояние, однако большая его часть пошла на уход за матерью. Впрочем, нельзя сказать, что фон Лист когда-то нуждался в деньгах — его охотно поддерживали богатые друзья и спонсоры. Если верить полуофициальной версии жизни Гвидо фон Лиса, то он, будучи 14-летним юношей, оказался в венских катакомбах перед разрушенным алтарем, который находился под собором Святого Стефана. В этот момент мальчик произнес: «Когда я стану большим, то возведу храм во имя Вотана». В своей статье Вольф-Вольфсберг писал: «То, что снизошло в таинственный момент просветления на 14-летнего мальчика, годы спустя стало реальностью. Гвидо фон Лист подарил нам храм Вотана, в высоких залах которого нам надлежит молиться, чтобы в каждой немецкой душе неосознанно

проснулась вера в мощную Всегерманию». Однако Гвидо фон Лист не сразу же начал свой творческий путь с исследования германских древностей и «восстановления» ариогерманских утраченных традиций. Поначалу он решил посвятить себя поэзии. До нашего времени дошла масса стихотворений, которые были написаны фон Листом в самые различные годы. Насколько известно, они до настоящего момента так и не вышли в рамках единого издания. Если говорить о более-менее заметных литературных работах фон Листа, то прежде всего надо отметить его эпос «Посвящение в валькирии» (1895 год). Кроме этого фон Лист написал мистическую пьесу «Пробуждение Валы», которая был представлена публике в 1895 году. Некоторое время спустя автор пьесы сочетался браком с актрисой, которая исполняла главную роль в постановке. Другими драматическими произведениями Гвидо фон Листа были: «Король Ванниус» (королевская драма), «Золотая монета» (любовная драма в пяти действиях), «Синий цветок» (феерия), «Летнее солнцестояние» (мистическая постановка). Уже из названий этих произведений видно, что фон Лист с юности тяготел к мифическим и фантастическим сюжетам. Вольф-Вольфсберг отмечал в своей статье: «Он принадлежал миру чудесных сказаний, которые подобно заре освещали сказочно красивую страну германской древности. Это было время, когда происходила борьба с Римом, а Германия была родиной чудес и приключений». Кроме этого Гвидо фон Лист написал несколько романов, которые обнаруживали отчетливые черты мифической романтики. В них постоянно встречались таинственные символы, «богато украшенные фантастическими аллегориями». Наиболее показательным из них был роман «Карнушум», увидевший свет в 1889 году. В основу этого литературного произведения фон Лист положил версию о том, что на территории Австрии еще до римского завоевания существовала высокоразвитая германская цивилизация. В наиболее плодотворном для Гвидо фон Листа 1895 году был опубликован двухтомник «Пипара». В 1903 году был напечатан сборник новелл, озаглавленный «Сказки мандрагоры».

Однако имя Гвидо фон Лист сделал все-таки не на литературных и драматических произведениях, а на околонаучных исследованиях, которые позже стали основой ариософии. Широким кругам общественности он стал известен благодаря появившемуся в 1891 году двухтомнику «Немецко-мифологические образы ландшафтов», в котором он, в частности, упоминал замок Верфенштайн. В этом произведении Гвидо фон Лист пытался показать, что древние германские мудрецы («арманы») пытались «сокрыть и сохранить свои знания в ландшафтах через использование странных микротопонимов, названия гор, рек и населенных пунктов».

В своих многочисленных фантазиях он уделял немало внимания «тайным знаниям древних германцев», на базе которых планировал воссоздать «ариогерманскую религию». В религиозном проекте фон Листа принципиальным моментом было наращивание общедоступных (экзотерических) сведений на конструкцию тайной (эзотерической) доктрины. Опираясь на многочисленные мифы и легенды, он разработал так называемый вотанизм. Это учение было открытым, в то время как существовало и «тайное учение», которое обозначалось понятием «арманизм». В своей модели фон Лист характеризовал экзотерический вотанизм как «религиозную систему». В то же самое время эзотерический арманизм должен был обосновывать принципы «религиозной системы», то есть вотанизма. Как видим, в религиозной схеме Гвидо фон Листа имелись четкие границы: вотанизм предназначался для широких масс, в то время как арманизм был уделом посвященных. Подобное религиозное деление, по мнению фон Листа, некогда отвечало социальной структуре древнего германского общества. Вотанизм проповедовался среди крестьян, был древней крестьянской религией, а арманизм — тайным учением древних жрецов (арманов), которое было сокрыто от глаз «посторонних».

Во время работы над «Немецко-мифологическими образами ландшафтов» Гвидо фон Лист впервые проявил себя в качестве исследователя. Следы этого древнего наследия Гвидо фон Лист искал в археологических памятниках, названиях лесов, рек, холмов, пустошей, а также в многочисленных легендах, народных обычаях, которые продолжали существовать прежде

всего среди жителей сельских районов. В старых рунических надписях и древних символах он видел доказательства существования древней германской религии. Формируя и развивая принципы собственной мифологии, Гвидо фон Лист все больше и больше обращался к понятиям и элементам, присущим теософии. В своих изысканиях он предпочитал полагаться не на научные методы, а на собственные чувства и интуицию. Его интересовали причудливые холмы и утесы, он разыскивал культовые места древних германцев и т. д. Свое решение заняться исследовательской работой Ланц-Либенфельс обосновывал как раз примером работ, вышедших из-под пера Гвидо фон Листа. В своей статье, посвященной «исследовательской ариомантии», Ланц-Либенфельс писал: «Еще при жизни Листа я настойчиво уговаривал его сделать в исследованиях больший акцент на современной фольклористике, значительно сократив чисто художественные моменты… Впрочем, он обладал настолько мощной интуицией, что уже в зрелом возрасте совершенно самостоятельно пришел к познанию многих вещей, усердно служа фольклористике и делу изучения национальных древностей».

Серия подобных работ была написана фон Листом в 1908 году. Он был убежден в необходимости использовать интуицию и те качества, которые мюнхенский философ-мистик Альфред Шулер назвал «внутренним восприятием». Это было что-то вроде ясновидения, которое позволяло черпать исторические образы из так называемой наследственной памяти. К наследственной памяти пытались обращаться многие из тех, кто был связан с арийскими культами и с постижением глубин истории. Кроме фон Листа к подобного рода практикам прибегал Карл Мария Вилигут, который в окружении Генриха Гиммлера был известен под ритуальным именем «Вайстор». Аналогичным образом пытался объяснить историю и Альфред Шулер. В характерной поэтической манере он описывал путь познания: «Я погружаюсь в катакомбы внутреннего восприятия со слабо горящей лампой моей души, при свете которой я пытаюсь разглядеть и расшифровать настенные фрески». Ланц-Либенфельс, описывая метод исследовательской работы Гвидо фон Листа, дал приблизительно такую же картину: «По большому счету он не пользовался академическими сведениями. Я лично убедился в том, что он писал свои книги при помощи психологических средств, не используя никаких справочных пособий. И только затем он обращался к уже напечатанным книгам, чтобы проверить, не описывал ли кто-то еще изложенные им соображения».

В историографии принято весьма критически оценивать работы Гвидо фон Листа, которого нередко называют «дилетантом» и даже «шарлатаном». Однако появившиеся в 1908 году работы обладали вполне приличным научным потенциалом. В первую речь идет о «Религии ариогерманцев в эзотерическом и экзотерическом проявлениях» и «Переходе от вотанизма к христианству». Гвидо фон Лист предполагал, что переход от вотанизма к христианству поначалу не вызывал никаких проблем. Фактически ему вторил Ланц-Либенфельс, полагавший, что «христианство в чистом виде было идентично ариософии». Фон Лист и Ланц-Либенфельс сходились во мнении, что «проникновение в среду христианских священников чандалов привело к значительным разногласиям и конфликтам» с ариогерманцами (ариогероями). По версии Гвидо фон Листа, этот расовый конфликт привел к тому, что вотанистов стали преследовать, а потому они были вынуждены скрывать свою истинную веру. Вотанизм оказался зашифрованным, сокрытым в естественной среде. По этой причине Гвидо фон Лист видел свою основную задачу в том, чтобы найти истинно германские традиции, которые надлежало отделить от напластований христианства, со временем утратившего свою арийскую суть. В этом отношении Гвидо фон Лист был похож на Зигмунда Фрейда, который строил свой психоанализ на «толковании снов». Оба они хотели найти бессознательный смысл, который был спрятан за некими очевидными фактами. Хотя бы по этой причине является недопустимым провозглашать Гвидо фон Листа «шарлатаном». Он имел совершенно правильную исследовательскую целевую установку. Хотя нельзя отрицать того, что его трактовки и толкования нередко были откровенно фантастичными.

Чтобы популяризовать его работы, было специально создано «Общество Гвидо фон Листа». В 1905 году Фридрих Ванек, его сын Фридрих Оскар Ванек, Ланц фон Либенфельс и еще примерно пятьдесят человек подписывают обращение, в котором призывают к поддержке «Общества Гвидо фон Листа». Изучение подписей, поставленных под этим документом, свидетельствует о широкой и мощной волне сторонников среди общественных деятелей Австрии и Германии. Здесь можно найти имена Карла Люгера, антисемита и бургомистра Вены; Людвига фон Бернута, предводителя одной из фёлькише-организаций; Адольфа Гарпфа, издателя «Марбургской газеты»; Германа Пфистера-Швагхузена, профессора лингвистики в университете Дармштадта и энтузиаста австрийского пангерманизма; Вильгельма фон Пикль-Шарфенштайна (барон фон Виткенберг), составителя нескольких антисемитских справочников; барона Швайгера фон Лерхенфельда, издателя популярного журнала «Камень мудрости»; Аурелиуса Польцера, издателя националистических газет; Эрнста Вахлера, националистического писателя, драматурга, который пытался провести преобразование театра; Вильгельма Ромедера, мюнхенского просветите-ля-пангерманиста; Артура Шульца, издателя берлинских журналов; Фридриха Вигершауза, главы эльберфельдской ветви мощной «Немецкой национальной ассоциации коммерческих служащих», и Франца Винтерштайна, члена комитета антисемитской «Немецкой социальной партии».

Ланц-Либенфельс уже в 20-е годы утверждал, что члены этого общества должны были обеспечить финансовую поддержку австрийскому исследователю, что получалось лишь отчасти, так как Гвидо фон Лист даже на пике своей популярности не мог похвастаться приличным состоянием. Между «Обществом Гвидо фон Листа» и «Орденом новых тамплиеров» существовала определенная сцепка. Так, например, Ланц-Либенфельс был и почтенным и ординарным членом «Общества Гвидо фон Листа». Туда же входили многие люди, которые были близки к «новым тамплиерам». В их числе можно было обнаружить уже упоминавшегося выше бургомистра Вены Карла Люгера, фельдмаршала ЙозефаНоймайера, писателя-романтика Франца Херндля. С другой стороны, Гвидо фон Лист в степени фамиляра входил в «Орден новых тамплиеров». Как видим, между двумя создателями ариософии существовала обширная зона взаимопересеченных интересов. Не без помощи Ланца-Либенфельса при «Обществе Гвидо фон Листа» была создана «библиотека» — так называлась специальная книжная серия, в которой планировалось издавать книги «мастера». Именно в этой серии была выпущена получившая в настоящее время широкую известность в России работа Гвидо фон Листа «Тайна рун». В этой работе автор фактически впервые повел речь о том, что руны являлись не просто имитацией римской письменности, не знаками, которые предшествовали появлению германского и скандинавского письма, а древнейшим нордическим культурным достоянием. Именно Гвидо фон Лист стал наделять руны особым сакральным смыслом. Затем в «Библиотеке Гвидо фон Листа» была напечатана книга «Арманство ариогерманцев». Потом последовала «Рита ариогерманцев», в которой фон Лист пытался сформулировать правовые принципы, на которых строилось общество древних германцев. Затем были изданы «Названия германских народных племен и их интерпретация» и «Иероглифическая письменность ариогерманцев». Последняя работа еще будет упоминаться нами в связи с попыткой дать толкование свастике и тому, как она должна была восприниматься в «Ордене новых тамплиеров». В итоге появилась книга «Праязык ариогерманцев и язык их мистерий». Ланц-Либенфельс даже не пытался скрыть своего восхищения этой работой. Он оценивал «Праязык ариогерманцев» как «воистину титанический труд, который превзошел все ожидания и опередил время, в которое он возник».

Гвидо фон Лист скончался в 1919 году, так и не успев закончить написание книги «Арманизм и каббала». После похорон выяснилось, что рукопись бесследно исчезла. Кто украл последний труд Гвидо фон Листа, выяснить так и не удалось. В исторической литературе постоянно приводится версия, что, скорее всего, это сделал один из фанатичных поклонников идей Гвидо фон Листа.

Если же все-таки детально разбирать доктрины Листа и Ланца-Либенфельса, то необходимо указать на принципиальные различия между ними, которые в первую очередь касались различного отношения к христианству. В то время как Лист отвергал христианство в любом его виде, то Либенфельс создавал «ариохристианство». В этой доктрине он использовал многие элементы, с которыми познакомился во время своего монастырского воспитания. Так, например, он почитал Библию, полагая ее «бесценным источником по расовой истории». Напомним еще раз слова, которые в 1906 году Ланц-Либенфельс написал для третьего номера журнала «Остара»: «Библия — это книга человека-повелителя, в которой бессмертными строками и железными словами оказалась запечатлена борьба против человекообезьян».

Если описывать ариософию несколькими фразами, то ее можно характеризовать как «германизированную теософию», ядром которой являлась дуалистическая расовая идея. В ариософской интерпретации человеческой истории когда-то имелось высокоразвитое, «расово чистое» общество арийцев, которые пребывали под руководством гностического духовенства. Эти арийцы воплощали собой принципы «добра» и «благородства», которым постоянно угрожало «зло», представленное «низшими» расами. По мысли ариософов, заговор «низших» рас оказался удачным — именно этим объяснялись процессы расового смешения и упадка древнего арийского строя. Однако если верить этим идеям, то арийские вожди вовремя осознали масштабы угрозы, а потому стали создавать тайные ордена, в которых должны были храниться высшие знания и превозноситься добродетели арийцев. Планировалось, что это позволит им пережить эпоху упадка. Новое культурное процветание и духовное «выздоровление» было возможно лишь при условии повторного обращения к древним культурным ценностям.

Когда Ланц формировал свои теории, то в книге «Введение в расоведение» он дал следующее определение расы: «Комплекс определенных физических и духовных качеств, которые передаются по наследству и определяют различные ступени в развитии человечества». Ланц вполне осознанно отказывался от антропологических понятий и определений, противопоставляя себя ученым и исследователям, которые работали над проблемой систематизации расовых типов. Для Либенфельса устремления ученых были изначально «ложными», так как базировались «на односторонних методиках изучения лишь нескольких расовых признаков». Он обвинял представителей науки в том, что «они сознательно дезориентировали и вводили в заблуждение публику»! В системе Ланца арабы («жители Ближнего Востока»), негры и монголоиды противостояли «арийской расе». В качестве некой пятой расы также выступали многочисленные «метисы». Впрочем, подобное расовое деление мира никак не затрагивало дуалистическую картину мира: блондины были противопоставлены брюнетам, «раса господ» — «зверолюдям».

Глава 3

«ТЕОЗООЛОГИЯ»

Принято считать, что основная деятельность Ланца-Либенфельса сводилась отнюдь не к организационным мероприятиям, а к написанию книг. Действительно, после основания «Ордена новых тамплиеров» он написал несколько работ. В предыдущих главах уже упоминалась книга «Католицизм против учения иезуитов», которая увидела свет в 1903 году. В ней Ланц-Либенфельс описывал то, как «католицизм попал под власть евреев», чему способствовали иезуиты. В данном случае версия о том, что сами иезуиты попали под пресловутое «еврейское влияние», со временем стала бессмысленной и нелепой, так как на протяжении долгого времени у них существовало нечто воде «арийского параграфа». Однако

«Католицизм против учения иезуитов» не был основным трудом Ланца-Либенфельса. Таковым принято считать «Теозоологию», которая была напечатана в 1904 году. Это настолько показательное произведение, что оно было переиздано в конце 1920-х годов. Однако во втором случае оно было опубликовано не отдельной книгой, а выходило отрывками в нескольких журналах «Остара». Это были номера 5 (1928), 6–7 (1928), 8–9 (1928), 15 (1929), 16–17 (1929), 18 (1930) и 19 (1930). Поскольку эта книга оказала существенное влияние на многих представителей фелькише-группировок и национально ориентированных интеллектуальных кружков, то ей необходимо уделить особое внимание. Далеко не случайно Иоганн Вальтари Вёльфль назвал «Теозоологию» главной работой в «наследии Либенфельса».

Мысли, которые позже были положены в основу «Тео-зоологии», впервые высказывались Ланцем-Либенфельсом в статье «Антропозоон библикум», которая была опубликована в 1904 году в «Ежеквартальном вестнике по вопросам изучения Библии» (Берлин). В основу этой статьи был положен анализ тайных культов, описанных такими древними авторами, как Геродот, Плутарх, Страбон и Плиний. Ланц пришел к выводу, что древние античные цивилизации хранили в тайне все, связанное с сексуальностью, поскольку все, что происходило в этой области, — происходило в рамках оргиастических ритуалов. Он также убедился в том, что принципиальная локализация этих культов связана с Ближним Востоком. Обдумывая эти результаты, Ланц развил свои исследования в свете недавних археологических находок в Ассирии. Он подразумевал два отчетливых изображения с клиновидными надписями, «дающими ключ к загадке этих культов». Оба эти изображения были найдены в 1848 году британским ориенталистом сэром Остеном Генри Лайярдом. На указанных изображениях были представлены ассирийцы, ведущие рядом с собой странных животных неизвестных видов как прирученных или домашних. Сопутствующая клиновидная надпись на первом рельефе сообщала, что король страны Мюсри послал маленьких животных («пагату») Ашурназирпалу II в качестве дани. Подобные животные были получены также от короля понтийцев и египетского фараона. Надпись содержала информацию о том, что Ашурназирпал разводил этих животных в своем зоологическом саду. Надпись на втором рельефе говорила о двух других видах животных, которые также поступали как дань из Мюсри. Косвенные свидетельства, почерпнутые из антропологии и этнологии, позволили Ланцу выдвинуть серию гипотез касательно изображений на отпечатках.

Он предположил, что изображенные на барельефах животные в действительности были пигмеями, описанными в некоторых научных исследованиях; но важнее была его уверенность в том, что арийская раса предавалась преступному соитию с этими низшими видами, произошедшими из очень ранней и совершенно особой ветви в животной эволюции. В качестве подтверждения этой версии Ланц использовал древние тексты, сведения об археологических находках, антропологические, отдельные главы Ветхого Завета. Отдельные положения статьи Ланца были посвящены тщательному истолкованию книг Моисея, Иова, Еноха и пророков с точки зрения выдвинутой гипотезы. Как отмечала Николас Гудрик-Кларк, это статья завершала первоначальную фазу в развитии неогностической религии Ланца. Уже на этом этапе он определился относительно природы зла в мире и установил «аутентический смысл» Священного Писания. В соответствии с его теологией, грехопадение означало просто расовый компромисс арийцев, случившийся благодаря их безнравственному скрещиванию с низшей породой животных. Следствием этих устойчивых пороков, позже превратившихся в сатанинские культы, стало возникновение нескольких смешанных рас, угрожавших подлинной и священной власти арийцев во всем мире, особенно в Германии, где эта раса была особенно многочисленна. Помимо интерпретации греха, такой тип мышления предлагал объяснение невыносимым для человека условиям, сложившимся в Центральной Европе, которые для Ланца были личной проблемой.

Кроме этого в указанной статье Ланц-Либенфельс предположил, что язык Библии являлся чем-то вроде тайного послания, которое надо было расшифровать. Занимаясь «дешифровкой»

Библии, Ланц-Либенфельс пришел к самым «неожиданным» результатам. Так, например, он предположил, что слово «камень» на «библейском тайном языке» являлось характеристикой чандалов. Слово же «ангел» относилось к ариогероикам. Так, например, фраза «И один сильный Ангел взял камень, подобный большому жернову, и поверг в море» (Откровение Иоанна Богослова, 18–21) в трактовке Ланца-Либенфельса получала совершенно новое значение. Она якобы обозначала ариогероика (ангел), который поверг чандала (камень). Много позже Ланц-Либенфельс писал в «Фестивариуме»: «Поэтому каждое библейское изречение имело тройственный смысл: а) расово-исторический или расово-хозяйственный; б) расово-моральный; в) расово-мистический». Приминая во внимание этот принцип, Ланц-Либенфельс полагал, что не составляло особого труда найти в Библии массу «тайных слов». Впрочем, сама «Теозоология» отнюдь не была стройной и логичной книгой, которую можно было бы легко прочитать за один раз. Главные идеи «Теозоологии» были настолько запутанными, что нередко противоречили друг другу.

По большому счету «Теозоология» стала первой попыткой Ланца-Либенфельса написать обобщающую работу, которая бы была в состоянии объяснить весь мир. Он начинал с прямого понимании этого слова с допотопных времен. Ланц-Либенфельс описывал «старый союз», который был заключен Адамом со «старым Богом». Свое же повествование Ланц-Либенфельс заканчивал описанием концепции бессмертной Божественной Церкви. Ланц-Либенфельс исходил из того, что наряду с ариогероическим человеком существовали обезьяноподобные существа. В данном случае он опирался на выводы генетиков и некоторые из исторических версий, которые пытались объяснить изначальную историю человечества. Однако в своей первоначальной диалектике «Теозоология» базировалась на мысли о противостоянии богов (асов) и демонов. Предполагалось, что «боги» являлись «более древними племенными формами человеческого рода и человеческой расы». Кроме этого «боги» обладали специальными умениями и возможностями. Это были сверхлюди, обладавшие особыми «электрическими органами», которые атрофировались после их грехопадения. Воздаянием стало то, что «боги» оказались лишенными своих исключительных способностей.

«Теозоология» воспроизводила основные положения упоминавшейся выше статьи в рамках развернутой схемы библейской интерпретации, охватывающей оба Завета. Целью первой главы была попытка понять природу и происхождение человека. Четыре главы, под названиями «Гея» (земля), «Пегу» (вода), «Руг» (огонь), и «Эфир» (воздух), рассказывали историю происхождения расы зверо-людей. Ланц использовал ранее сформулированный принцип трактовки Библии, согласно которому слова «земля», «камень», «дерево», «хлеб», «золото», «вода», «огонь» и «воздух» означали получеловека, а глаголы «называть», «видеть», «знать» и «скрывать» являлись синонимами половых отношений. Рассмотрение Ланцем божественного принципа предполагало использование современных научных материалов. Он употребил для формирования своей доктрины данные археологии и антропологии. Не меньшее внимание он уделял открытиям в сфере техники, в первую очередь в области электроники и радиологии. Одно из первых открытий, воодушевивших Ланца, касалось тепловой эмиссии электронов от горячих тел; ее наблюдал Бондлот и назвал в 1887 году N-лучами. Спустя несколько лет Вильгельм Рентген открыл Х-лучи, за что был награжден Нобелевской премией в 1901 году. К указанным формам электромагнитных излучений следует добавить открытие радиоактивности, совершенное супругами Кюри в 1898 году. Они последовательно помещали в изолированный источник элементы полония и радия, за что также незамедлительно получили Нобелевскую премию. Поразительные открытия захватили воображение народа, и их влияние еще усилилось попытками использования радиосвязи между 1898 и 1904 годами, последовавшими за работами Маркони и Герца. Ланц в полной мере оценил общечеловеческое значение этих форм энергии будущего и включил представление о них в свое описание богов.

В одной из частей «Теозоологии» Ланц-Либенфельс писал: «Боги были живыми электрическими и передающими станциями». Они постоянно вели борьбу с «демонозами», под которыми подразумевались древние чудовища, например драконы, левиафаны и т. д. Эти «боги», по-видимому, возникли в результате биологической эволюции, которая имела своей целью появление человека. Причем многочисленные виды животных воспринимались Ланцем-Либенфельсом как ответвления, возникшие в процессе указанной биологической эволюции. «Боги» должны были заниматься чистой селекцией человека, но постоянно поддавались искушению провести скрещивание с обезьянами или «демонозами». После того как был нарушен принцип чистой селекции, «Ева», человеческая женщина, вступила в связь с демоном, от которой на свет появилось странное существо — человек-животное. Именно это нарушение «высшего закона» было провозглашено Ланцем-Либенфельсом первородным грехом, который осквернил кровь всех людей. Ланц-Либенфельс предполагал, что грех прибыл в мир людей именно через женщину. Якобы именно женщины имели склонность к вступлению в любовные связи с существами, не принадлежавшими к человеческой расе. По мнению Ланца-Либенфельса, женщины были склонны к инстинктивным поступкам, то есть они должны были быть отдельной расой, подчиняющейся мужчине-господину, что могло предотвратить дальнейшее смешение рас. «Мужчины героической расы в длившейся на протяжении 10 тысяч лет работе мечом, плугом и духом создали культуру и положили ее к ногам женской расы. Но разве не является более гнусной неблагодарностью и пылкой бездумностью после этого шагнуть навстречу врагам высшей расы и высокой культуры?» Именно таким вопросом задавался Либенфельс в своей статье «Права мужчин как спасителей, основанные на необходимости продолжения рода в женской экономике».

Вступление в связь с обезьяноподобными существами привело не только к передаче благородной крови тварям низшего уровня, но вызвало угрозу, что рожденные от этих связей дети будут значительно умнее, нежели их предки обезьяны. Ланц-Либенфельс писал: «Нынешние цветные расы являются не чем иным, как порождением связи аффлингов (обезьян) и homo heroicus… Сегодня они являются столь же опасными, как и в доисторическое время. Благодаря своему любовному искусству они могут осквернить нас, опустить нас вниз по лестнице эволюции, но при этом сами смогут подняться по ней наверх».

Всемирная история, написанная Ланцем-Либенфельсом, была полна драматичными конфликтами между истинными «богами» (хорошая раса) и «идолами», которые являлись божествами зверолюдей. Первая заповедь «бога», которого Ланц-Либенфельс полагал великим «электрозом», обладавшим полнотой своей электрической силы, выглядела якобы следующим образом: «Ты не должен на мое место ставить никаких божеств зверолюдей». По большому счету Ланц-Либенфельс провозглашал, что все языческие божества были «демонами», то есть объектами поклонения зверолюдей. «Это были содомские твари, которые доводили людей до распутства». Борьба ариогероев против «демонозов», «содомитских тварей», «аффпингов» (обезьяноподобных существ) преподносилась Ланцем-Либенфельсом как неустанная борьба за белокурых женщин. Низшие существа якобы всегда намеревались похитить у белокурых ариогероев их женщин. В данном случае Ланц-Либенфельс не раз приводил Житие Святого Георгия, который должен был отбить девушку у злобного дракона. Вместе с тем, он полагал, что «если женщина выбрала в качестве мужа представителя низшей расы, то она фактически совершила супружескую измену, так как не дала сложиться ариогероическому браку».

Следующие четыре главы книги, озаглавленные «Патер», «Пневма», «Хиос» и «Экклезия», были посвящены Новому Завету. Внимание здесь было сосредоточено на пришествии Христа и якобы возрожденного им расового учения, необходимого для того, чтобы спасти избранных людей, а именно арийскую расу. Чудеса Христа, его магические способности и, наконец, само Преображение, — все это рассматривалось как «верное доказательство» его электронной природы. Ланц подтверждал эту гипотезу обильными цитатами из

апокрифических материалов, служивших предметом изучения для современного немецкого научного сообщества. Страсти Христа Ланц интерпретировал как попытку насилия, искажения природы, предпринятую пигмеями, сторонниками демонических культов, стремящихся к скрещиванию. Как отмечал Гуцрик-Кларк: «Зачастую неприличные и всегда радикальные интерпретации Священного Писания логическим образом включали в себя и уже знакомые иудео-христианские идеи линейности времени и апокалипсиса. На месте древних, четко отличавшихся друг от друга божественных и демонических видов, возникли несколько смешанных рас, из которых арийская была наименее тронута чужой кровью».

Ланц утверждал, что на протяжении всей истории низшие расы своим беспорядочным скрещиванием угнетали арийцев, стараясь устремить их вниз, на первые ступени эволюционной лестницы. История религии описывала эту ситуацию как борьбу между эндогамным и бестиальным культами. Финалом этой неоманихейской временной схемы выступало обещание окончательного искупления и Второго пришествия. Концепция «золотого века», изображенного Ланцем, выглядит целиком проникнутой культурным пессимизмом. Он рассматривает современный мир как принадлежащий совершенному злу: «Время пришло! Порода Содома выродилась и ничтожествует по всему Средиземноморью и Среднему Востоку… Наши тела покрыты порчей, их не спасет никакое мыло, они удумизированы, пагатизированы, базиатизированы[3]. Жизнь человека никогда не была так убога, как сегодня, несмотря на технические достижения. Демоны наступают на нас, миллионы людей гибнут в убийственной войне, развязанной ради личных целей. Дикость звероподобных людей рушит основы культуры… Почему вы ищете ад в другом месте? Не это ли ад, где мы живем, где мы горим; не ужасно ли то, что бесчинствует внутри нас (стигмы испорченной крови)?»

В случае с «Теозоологией» Ланц-Либенфельс описывал Библию как инструмент, который взывая к этическим нормам, был предназначен для того, чтобы остановиться расовые упадок и вырождение. Автор «Теозоологии» в качестве примера указывал на первую заповедь, полученную Моисеем от Бога («Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим»). То есть целью библейской этики должно было стать «искоренение зверочеловека и развитие новых, высших человеческих форм». Однако в противоположность этому своему утверждению Ланц-Либенфельс в одном из мест «Теозоологии» высказывал мысль о том, что в людях продолжают жить семена главного принципа «богов» (селекции чистой расы), а это означает, что «в телесных гробницах человеческих тел» продолжает жить «божественная» искра. Надлежало вновь заняться расовой селекцией, для чего Ланц-Либенфельс и создал свой «Орден новых тамплиеров». Он полагал, что католическая церковь отказалась от этой высшей и благородной миссии, а поэтому человечеству требовались новые институты. Ланц-Либенфельс планировал, что итогом его деятельности, направленной на расовую селекцию, станет возникновение «Бессмертной Божественной Церкви», которая избавится от проклятия древней расы. Более того, Ланц-Либенфельс планировал возрождение некогда утраченного «божества». Возникшая на основе ариогероической «новая» раса должна была обладать качествами древних «богов», а именно «электро-магнитно-радиологическими» органами. При помощи этих органов «новая» раса должна была стать «всемогущей, всеведущей, всемудрейшей», что должно было позволить ей вернуть на землю древнюю флору и фауну.

«Мессианские муки» Ланца отражают его отношение к распространившемуся по всей Европе социокультурному хаосу. Они должны предвещать собой «золотой век» в форме сексуально-расистской религии возрождения среди арийцев. Время действительно «пришло». «Восходящее движение низших рас» (национально-освободительное движение) во всей Европе и ее колониях планировалось обратить вспять. В этом пункте Ланц обнаруживал всю свою нетерпимость, пангерманские и монархические чувства, лежащие в основе его целостной теозоологической доктрины. Низшие классы общества он смешал с потомством низших рас и обвинил их в упадке немецкого величия и господства над миром; в соответствии с логикой западного апокалипсиса они должны были быть искоренены. Ланц обрушился на лживую

христианскую традицию сострадания к слабым и несчастным и потребовал, чтобы нация совершенно беспристрастно осудила существ, не имеющих привилегий. Социализм, демократия и феминизм по причине их эмансипирующей силы служили особенно важной мишенью для его беспощадной миссии. Женщины рассматривались как специальная проблема, поскольку считалось, что они гораздо более склонны к сексуально-демоническим влечениям, нежели мужчины. Только строгое подчинение их арийским мужьям могло гарантировать успех расового очищения и обожествления арийской расы. Этот процесс мог быть ускорен гуманным искоренением низших рас при помощи стерилизации и кастрации.

Предстоящий «Золотой век», изображенный Ланцем, открывался волшебным пейзажем Германии, одновременно утопическим и аристократическим. Ланц утверждал, что следы священного электронного могущества еще присутствуют в старых немецких княжеских династиях. При условии подлинности их родословной эти семьи можно было считать ближайшими живыми наследниками древнего божественного племени. Ланц подчеркивал, что эти князья всегда культивировали искусство и талант в своих замках и дворцах, признавая их за единственный исторический инструмент прогресса. И напротив, всегда существовал мертвый груз низших каст, подвергавший развитие нации опасности сентиментальными и вульгарными требованиями раздела власти, совершенно не учитывавшими при этом собственную расовую и гностическую неспособность к делу управления. В сфере иностранных дел Ланц настаивал на абсолютной правоте ариогерманцев и необходимости распространить их истину за рубежом, а в мировом масштабе отстоять их право первородства. Германия уже не могла себе позволить «лишиться золотого руна мира», поскольку вся планета была ее естественной колонией с фермой для каждого смелого солдата и, в соответствии с принципом расовой чистоты, поместьем для каждого офицера.

Апокалипсическая битва должна была разразиться над упорствующим в заблуждениях миром. Слова Ланца предвосхищали пророчества о Первой мировой войне самого Листа: «Под ликующие возгласы освобожденных божественных героев мы могли бы завоевать всю планету, испепелив врага огнем наших пушек и батарей, установив порядок среди драчливых банд человекообезьян». Желанный порядок виделся пангерманистским и расистским иерархическим раем, предназначенным для гностических иерофантов и новой касты воинов; по сути дела, это был образ мировой революции, которая должна была завершиться вечным мировым господством. «Но хаос не будет длиться долго, потому что в земле электрона и Священной Чаши уже рождается новое священство… Великие принцы, доблестные воины, одержимые священники, красноречивые барды, ясновидящие святые древней Германии уже идут, чтобы заковать в цепи обезьян Содома, учредить церковь святого духа и превратить землю в «Острова блаженства»».

Апокалипсическое видение смешивало в образе нового отечества несколько немецких интеллектуальных традиций. Барды и святые раннего романтизма шли в религиозный рай рука об руку с принцами и воинами доиндустриального консерватизма, объединенные такими неогностическими символами, как чаша Священного Грааля, электрон и церковь Святого Духа. Достижение рая обусловливалось тотальным подчинением низших рас. «Теозоология», таким образом, представляла собой экстраординарное сочетание теологических и научных идей в пользу безусловной аристократической власти в царстве пангерманизма.

Глава 4
СВАСТИКА НАД ЗАМКОМ ВЕРФЕНШТАЙН

Попытки создать новый религиозный орден, который бы по своей сути напоминал тамплиеров, Ланц стал предпринимать сразу же после того, как покинул стены аббатства Святого Креста. Ланц планировал создать не просто религиозную организацию, но орден, который преследовал расово-политические и расово-религиозные цели. Он решил обратиться

за поддержкой к влиятельным людям. В середине 30-х годов Ланц-Либенфельс вспоминал: «То, что мы тогда пережили и испытали, едва ли можно было назвать делом рук человеческих, это было творением духовных сил. Не удивляйтесь, я бы даже сказал, что это было Божественное вмешательство! Поверьте мне, не было бы никакой нужды заботиться о героических арийцах, если они даже сегодня не были бы столь упрямыми, столь заносчивыми, столько высокомерными и недоброжелательными, как и 34 года назад, когда я в первый раз начал проповедовать Евангелие арийского христианства. В начале моей миссии я испытал разочарование, которое сделало меня малодушным и лишило внутреннего мужества. Я обратился в первую очередь к самым чистокровным представителям героической расы, к высшим слоям, к аристократии. Я полагал, что они должны были жадно воспринять наше заново открытое учение. Я полагал, что им надо было только помочь. На деле же все произошло с точностью до наоборот. В этих кругах с холодным презрением отвернулись от меня. Они даже не удосужились прислушаться к моим словам. Я нашел понимание только у небольшой группы людей, скромных, смиренных, но в первую очередь благочестивых. И эта маленькая группа должна была стать первой носительницей движения, которое теперь является одним из сильнейших движений в мире».

Как видим, начало самостоятельной деятельности Ланца-Либенфельса было весьма сложным. Он не смог найти должную поддержку у австрийской аристократии. Незначительное число приверженцев его идеи стало костяком будущего ордена. Само собой разумеется, для того, чтобы учение об арийском христианстве воплотилось в конкретные организационные формы, а именно орден, требовалось определенное время. В одночасье не могли быть приобретены орденские замки, составлены молитвы, разработаны специфические ритуалы.

Цели и задачи нового ордена были сформулированы Ланцем-Либенфельсом в 1907 году. Они были изложены в специальной программной брошюре, которая назвалась «Орден нового храма». Прежде чем привести текст этого документа, надо отметить, что Ланц-Либенфельс предпочитал использовать в качестве божественного имени не слово «Иисус», а слово «Фройя», которое употреблялось для обозначения Спасителя в готском переводе Библии. Готское наречие было вторым из германских языков, на который с греческого была переведена Библия. Перевод был осуществлен арианским епископом вестготов Вульфилой (Ульфилой) (331–383). Ланц же полагал, что имя Фройя имело однозначно ариогероическое звучание. Сама программа выглядела следующим образом:

«Государства должны быть заинтересованы в том, чтобы сохранять свою культуру, а потому они должны перейти к планомерному выведению людей арийской расы, которые должны воспринять эту культуру и то государство.

Мы не должны полагаться на волю случая, мы сами должны формировать процессы, предварительно вооружившись всем необходимым.

В первую очередь надо выявить всех единомышленников, с которыми надо либо связаться письменно, либо встретиться лично. С этой целью учрежден журнал «Остара», который может принести хорошие плоды в самые кратчайшие сроки.

Мы рекомендуем нашим друзьям, чтобы они во время благотворительных пожертвований постоянно обращали внимание на расу. Человеку арийской расы надо давать больше денег и без всяких промедлений. Начать это можно с чаевых.

При составлении учредительных документов отдельных заведений, при составлении завещаний, при распределении доходов надо обращать внимание не на диплом человека, а на его расовую принадлежность. Предпочтете надо отдавать людям с золотистыми волосами, голубыми и серыми тазами, розовым цветом лица, продолговатым черепом, вытянутым лицом, плотно прижатыми ушами, тонким прямым носом, пропорциональным ртом, здоровыми белыми зубами, ярко выраженным подбородком, высокого роста, тонкими руками и ногами. Среди нескольких претендентов такие люди должны всегда обладать преимуществом. Они являются

носителями арийских расовых признаков и кроме этого являются прекрасными сами по себе. В этом деле не может быть никаких личных предпочтений.

Организация конкурсов среди носителей расовых критериев арийской красоты. Подробности можно будет узнать из печатных уведомлений. Журнал «Остара» через некоторое время планирует издавать собственные «Остара»-открытки, которые должны содержать на себе изображения прекраснейших людей арийской внешности. Открытки предполагается превратить в художественную серию, которая будет иметь своей целью пробуждение идеалов расовой красоты. Я уже сделал шаг к организации музея арийской расовой красоты, в распоряжение которого предоставлено специально предназначенное место[4].

Журнал «Остара» должен содействовать осознанию святости крови и законов наследственности. С этой целью он будет бесплатно выдавать каждому читателю справку о происхождении семьи, о смысле и возрасте родового имени и родового герба.

Содействие созданию колоний по выведению чистых асингов. Арийская раса может свободно развиваться только на сельской земле. Город убивает ее и в физическом, и в духовном плане. На земле еще имеются огромные просторы, где асинги смогут вести свободную жизнь господ собственной земли. Там они смогут приобрести за сотню марок сотню гектаров плодородной земли. Для таких колонистов я написал специальное пособие («Колонист», издательство «Люмен», Вена VTI/3). Прибыль от этой книги будет направлена мною исключительно на основание колоний по выведению чистых асингов.

Во всех делах каждый из нас должен чувствовать себя апостолом Нового Храма и апостолом Фройя. Мы должны искать асиского человека, его красоту и сердечную доброту подобно тому, как ищут драгоценные жемчужины. Асингам заповедано мировое господство и царство небесное. Таким образом поступал и Фройя. «Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал всё, что имел, и купил ее. Еще подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и, сев, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон (Матфей, 13,45–48)». Для «жемчужин» — все! Для «худых рыб» — ничего!»».

Как уже следовало из текста, когда Ланц-Либенфельс писал его, то «Орден новых тамплиеров» уже имел в своем распоряжении замок Верфенштайн и журнал «Остара». Несколько лет спустя Ланц-Либенфельс писал об «Ордене новых тамплиеров»: «До некоторого времени немецкие и австрийские газеты печатали заметки об инициативе шведского доцента создать государственные институты, которые бы занимались человеческой селекцией. Самое интересное заключается в том, что эта идея была высказана впервые отнюдь не шведским доцентом. Она была сформулирована в 1900 году доктором Й.Л. фон Либенфельсом, предложившим создать свободно религиозную общину по выведению чистой расы. «Новые тамплиеры» смогли продвинуться в осуществлении этого начинания на немецкой — читай австрийской — земле. Первое заведение «новых тамплиеров» расположилось в известном и весьма живописном замке Верфенштайн, который был приобретен учредителем «приората тамплиеров». Он располагается на берегу Дуная в Верхней Австрии. Он возвышается на высокой гранитной скале близ «рощи тамплиеров». В 1910 году обитатели замка обнаружили здесь мраморные надгробия, заново восстановили колонны, после чего замок стал местом паломничества многочисленных людей, которые приезжают сюда из Австрии, Германии, Англии и Франции. С этим замком связаны многие историко-литературные моменты. Замок Верфенштайн, который ранее именовался Хельхенбург («Замок госпожи Хельхе»), возможно, упоминается в «Песне о Нибелунгах» и «Песне о Вальтари». Согласно Рюдигеру фон Бехеларену, этот замок некогда принадлежал Хельхе, супруге легендарного короля гуннов Этцеля.

Вероисповедание новых тамплиеров отвечает вызовам современного времени. Оно предполагает связь искусства и науки, формирование характера, мероприятия по расовой

гигиене, имея в качестве предпосылки строжайшее разделение религии и государства. В общину могут входить только голубоглазые блондины, которые обязуются рожать на свет детей только в союзе с такими же женщинами и содействовать благотворительности, направленной на улучшение расовой породы. Перед вступлением в общину исследуется происхождение, физические свойства и заболевания претендента. Также изучаются причины смерти его предков, после чего эти результаты заносятся в специальные списки. Замок приората одновременно является и архивом, и выставочным помещением, и праздничным помещением, и культовым местом. Соответствующий законам частный культ состоит в научных докладах и художественных мероприятиях, которые начинаются с символической литургии, во время которой участники мероприятия одеты в специальные облачения.

Это позволяет настроиться на нужный лад. В догматике «новые тамплиеры» придерживаются терпимости в отношении иноверцев. Каждый из новых тамплиеров может рассуждать о трансцендентных вещах, как он того хочет. Он может являться для себя самого и для своих детей духовником и проповедником. Благодаря австрийскому писателю Францу Херндлю «новые тамплиеры» были прославлены в социально-реформаторском романе «Замок Труцбург». Они упоминались и в другой беллетристической литературе. Я направил выше указанный циркуляр о соблюдении моих прав приоритета в 500 немецких и зарубежных газет».

Официально Ланц-Либенфельс должен был именоваться «братом» — фра Йорг, однако поскольку он был приором ордена, то он неоднократно обозначал себя в качестве «отца», а всех остальных «новых тамплиеров» не рез именовал «детьми». Например, в одном из писем он сообщал: «Конзальво и Эрна! Ты просил меня, мой сын…» и т. д. Сам орден обладал четко разработанной структурой, в которой имелось множество степеней посвящения. Достижение каждой из них, равно как и само принятие в орден, во многом зависело от расового происхождения претендента. Предпочтение отдавалось мужчинам с ярко и частично выраженной «ариогероической пластикой» (фраза Ланца-Либенфельса). Однако на практике, чтобы стать братом «Ордена новых тамплиеров», отнюдь не требовалось быть абсолютным блондином с пронзительно голубыми глазами. В зависимости от внешности можно было находиться на разных ступенях посвящения. Если идти по иерархической лестнице «Ордена новых тамплиеров», то она выглядела следующим образом.

СНТ	Сервиент	Мог приниматься в орден без расовой проверки. Мог быть младше 24 лет. Мог обладать 50 %-ной расовой чистотой
ФНТ	Фамиляр	Принимался в орден, но не являлся его действительным членом, нередко обозначался как «почетный член»
НОНТ	Послушник	Должен был обладать не менее 50 % расовой чистоты, должен был быть старше 24 лет, принимался в орден без расовой проверки.
МОНТ	Магистр	Должен был обладать 50—75 % расовой чистоты, мог достигнуть степени пресвитера ордена, для чего надо было открыть новый филиал «Ордена новых тамплиеров»
КОНТ	Капитуляр	Положение остается не слишком понятным. Должен был обладать 50—75 % расовой чистоты
ПОНТ	Пресвитер	Мог совершать культовые таинства, проводить посвящение. Принимал эту степень, когда открывал новый филиал «Ордена новых тамплиеров»
ПОНТ	Приор	Неоднократно упоминается как «отец». Обладал правом на принятие новых членов ордена и возвышение их по иерархической лестнице. В ордене могло существовать несколько приоров, которые в своей деятельности были совершенно независимыми друг от друга

После принятия в орден его новый брат становился частью иерархии одного из «орденских домов». При достижении определенной степени посвящения брату в ордене полагался собственный герб. По крайней мере, это правило действовало в дитфуртском филиале. Подобно приорам филиалы «Ордена новых тамплиеров» были независимы друг от друга. Возникавшие споры должен был судить архиприор (эрцприор), которых в ордене было тоже несколько человек. Всего же существовало три эрцприората: Мариенкамп, Штауфен (Дитфурт) и Верфешптайн. Ланц-Либенфельс являлся «отцом-приором», что фактически было равно главе всего ордена. Поскольку каждый из братьев «Ордена новых тамплиеров» был закреплен за определенным эрцприоратом, то это должно было отразиться на его духовном имени. Звучать они могли следующим образом: фра Август Верфенштайн (брат Август из эрцприората Верфенштайн), фра Риг Штауфен (брат Риг из эрцприората Штауфен).

Братья «Ордена новых тамплиеров» в качестве одеяния носили белую рясу, что указывало на некую связь Ланца с цистерцианским орденом. Однако в отличие от цистерцианцев на груди

рясы «новых тамплиеров» находился красный опорный крест (крест-молот, крест-патент). Однако в своей работе «Оккультные корни нацизма» Николас Гудрик-Кларк указывает на то, что «новые тамплиеры» носили на груди красный «рыцарский крест», форма которого варьировалась в зависимости от степени посвящения. Скорее всего, в данном случае подразумевались вариации тамплиерского креста, который широко распространен в гербах братьев из эрцприората Штауфен. Опорный же крест нередко назывался «крестом рыцарей Тевтонского ордена». На самом же деле опорный крест был известен еще с древних времен и его принято считать одной из разновидностей так называемого Иерусалимского креста.

Оформляя литургические действия, которые совершались в «Ордене новых тамплиеров», Ланц-Либенфельс составил несколько текстов, которые были позже объединены в так называемые Тойч-псалмы. В данном случае слово «тойч» являлось чем-то средним между deutsche (немецкий) и teuten (тевтонский). В этих псалмах Ланц исходил из того, что истинной религией являлось арио-христианство. В своей работе «Библиомистикон» Ланц-Либенфельс писал: «Я с самого начала говорил об этом! Иисус не может являться еврейским именем, оно может принадлежать только ариогероическому человеку! Оно означает — асинг». В итоге Ланц-Либенфельс предпочитал изображать Иисуса как высокого, светловолосого и голубоглазого Спасителя, опираясь на некоторые из икон раннего христианства.

«Тойч-псалмы» являлись основой литургической практики «Ордена новых тамплиеров» на протяжении нескольких десятилетий. Существенные преобразования произошли только в 1945 году. Именно тогда был написан «Фестивариум новых тамплиеров» (молитвенник ордена). Он состоял из трех книг. Первой из них был «Легендариум», который заключался в «исторических и научных чтениях тамплиеров, которые были почерпнуты из печатных материалов различного времени». Принципиальным в данном мифологизированном собрании фактов было то, что они должны были касаться истории и деятельности ариогероических народов. Чтение отрывков из «Легендариума» надо было включать в заутреню каждого дня. Второй книгой был «Евангелиум», который содержал в себе нравоучительные истории. Во время дневной службы их должен был зачитывать «новый тамплиер», обладавший особо выразительным голосом. Третьей книгой был «Визионариум», составленный из мистических и таинственных историй различных ариогероических народов. Чтение отрывков из него было положено во время вечерней службы. Кроме этого имелась книга «Гебдомадариум», которая не входила в состав трехтомного молитвенника «Ордена новых тамплиеров». Эта была одна из самых таинственных служебных книг ордена. Предполагается, что она была составлена из самых потаенных молитв, которые обладатели высших степеней (посвящение) должны были произносить во время всего дня. «Гебдомадариум» состоял из трех частей, которые относились, соответственно, к утренним, дневным и вечерним молитвам.

Если говорить о «Легендариуме», то в первую очередь бросаются в глаза объемы этой книги, которая насчитывала 1400 страниц. К слову сказать, Ланцу-Либенфельсу была присуща «литургическая плодовитость». Стараясь подражать настоящим духовным орденам, он писал книги не просто большого, но чудовищно гигантского объема. Ярчайшим примером может служить «Библиомистикон, или Тайны Библии, открытые посвященным». Назвать это произведение просто книгой не поворачивается язык. По своему содержанию «Библиомистикон» был собранием ариософских комментариев к Священному Писанию. Однако его объемы были просто поразительными. «Библиомистикон» состоял из десяти томов, причем четвертый том был разделен на три отдельные книги, а восьмой, девятый и десятый — на две. Поскольку в каждой из книг было приблизительно 260 страниц, то общий объем «Библиомистикона» составлял приблизительно три с половиной тысячи страниц!

До нас дошло описание одного из празднеств «новых тамплиеров», которым никак нельзя пренебречь. Речь идет об одном из фрагментов романа Франца Херндля «Замок Труцбург. Автобиографические записки поселенца на острове Вёрт». Это литературное произведение увидело свет в 1909 году и весьма высоко ценилось Ланцем-Либенфельсом, о чем

свидетельствуют его собственные высказывания. В романе были такие строки: «Несколькими неделями позже рано утром до моего острова донеслись звуки выстрелов, которые раздавались у замка Верфенштайн. Сигнальные ракеты разорвали пелену утреннего тумана, покрывавшего всю дунайскую долину. Я вышел из своей одинокой хижины, дабы уточнить, что же происходило. Я бросил взгляд на замок Верфенштайн, пытаясь выяснить, для чего производился весь этот шум. «Замок тамплиеров» был полностью украшен флагами. Судя по всему, там проходило какое-то торжество. Мои предположения оказались верными. Вскоре по Дунаю прибыл пароход, который доставил сотню венских гостей. Как я позже узнал, до обеда они расположились в различных гостиницах Сан-Николы и Штрудена. Во второй половине дня их ожидали в «замке тамплиеров». Там «Орден новых тамплиеров» проводил одни из своих праздников. После обеда до самого вечера из двора замка доносились звуки оркестра. Там для удобства гостей были установлены столы и скамьи. Вечером в замке зажглись огни, и всю ночь до меня доносились отзвуки песнопений».

Несмотря на то что роман Херндля был несколько наивным и в чем-то даже приторно слащавым, он все-таки может восприниматься как некий исторический источник. Именно из него мы можем узнать, что на крупных мероприятиях «новых тамплиеров» звучали не только речи, обличающие расовое смешение и вырождение человечества, но также подавался венский вюрстель (мясное блюдо) и крепкое «мартовское» пиво. Не исключено, что многие из гостей замка Верфенштайн воспринимали свои визиты к «новым тамплиерам» как некое развлечение, своеобразный туризм по экзотическим местам. Исследователь Вильфрид Дайм писал, что «эти люди играли с чудовищными идеями, подобные детям, которые забавлялись с динамитными шашками». Впрочем, наряду с помпезными празднествами, на которых развивались знамена, звучали капеллы, произносились громкие речи, были и более скромные мероприятия. Это были так называемые «мистерии Грааля». Они были рассчитаны не на внешний эффект, а на внутреннее преображение принимавшего в них участие человека. То есть они были в большей степени интенсивными, чем экстенсивными. Ланц-Либенфельс на свой манер пытался истолковать почти все христианские таинства. «Мистерии Грааля» имитировали католическую мессу. Подобная религиозная практика продолжалась фактически до 60-х годов XX века.

Первый замок, который Ланц-Либенфельс приобрел для «Ордена новых тамплиеров», был Верфенштайн. В предыдущих главах уже указывалось, что Ланц обратил внимание на руины этого замка еще до того, как он был пострижен в монахи. Он вспоминал об одном из эпизодов своей жизни: «В сопровождении двух моих друзей: Армандо[5], офицера, который в качестве картографа побывал в далеких краях, и Альбигероса, придворного австрийского императора, в 1896 году я направился в Грайн, чтобы начать переговоры с кастеляном о продаже». Поскольку в указанное время Ланц уже был цистерцианцем, то можно предположить, что он лишь на время оставил монастырь. То, что в это время Ланц задумал приобрести замок, кажется в высшей мере странным, так как это противоречило монастырскому уставу и общему правилу, согласно которому монахи не имели права обладать собственностью.

Упоминая о процессе переговоров, Ланц вспомнил о том, что владелец замка Юлиус Канне, придворный курьер английской королевы, скончался несколькими годами ранее. Согласно сведениям, которые исследователь Вильфрид Дайм получил от Теодора Чепля, покупка состоялась лишь в 1907 году. Подобная задержка была вызвана не столько финансовым положением самого Ланца, сколько из-за того, что процесс вступления в наследование замком был очень долгим, связанным с множеством сложностей и проблем. К слову сказать, во время первого посещения замка Верфенштайн Ланц познакомился с писателем Юханом Стриндбергом, по крайней мере так утверждал сам Ланц. С этим сюжетом мы познакомимся позже, а пока имеет смысл сосредоточить внимание на самом замке Верфенштайн.

Руины замка Верфенштайн находились близ одного из самых живописных мест Австрии — городка Штрудене. Здесь Дунай менял свое течение, проходя между отрогами Богемского горного массива и Альпами. Именно на изгибе течения Дуная на высокой скале в свое время был выстроен замок Верфенштайн. Близ него находятся пара небольших городков: уже упоминавшийся Штруден и Сан-Никола. Далее по течению Даная лежат Грайн, Ардаггер и Дорнах. Указанные места всегда являлись объектом повышенного интереса со стороны пангерманистов, ариософов и немецких националистов. Во многом это связано с тем, что эти края были связаны со множеством мифов, сказаний и легенд.

Например, многие соотносили эти края с местом, где, согласно «Песне о Нибелунгах», бургунды пересекали Дунай, желая попасть в страну гуннов. В Австрии была весьма популярна версия о том, что автором «Песни о Нибелунгах» являлся Рюдигер фон Бехеларен (в отечественной версии Рюдигер из Бехеларна), одно из действующих лиц этого германского эпоса. Поначалу считалось, что Рюдигер был мифологическим лицом, однако во второй половин XIX века его соотнесли с реальным историческим персонажем — маркграфом Пёхеларна, который владел землей по Дунаю. В «Песне о Нибелунгах» Рюдигер фон Бехеларен намеревается выдать свою дочь за молодого бургунда Гизельхера. Этому пытается противиться Хаген, который в отличие от Рюдигера напрочь лишен христианских добродетелей. Конфликт заканчивается кровавой расправой на праздничном пиру. Кроме этого Хаген не раз позволяет себе дерзкие выходки. Например, он крадет одежду у купавшихся в Дунае «вещих сестер» (в немецком варианте «русалий»). Это мифическое действие якобы произошло в непосредственной близости от Штрудена. В обмен за возвращение одежды Хаген хочет знать, чем закончится поездка к гуннам, ко двору короля Эгцеля. В ответ он слышит пророчество о том, что из поездки никто не вернется живым, кроме дворцового капеллана, а всех остальных ожидает смерть. Не будучи уверенным, что «вещие девы» сообщили ему правду, Хаген решил проверить правдивость их слов. Во время переправы через Дунай он бросает указанного капеллана в воду, желая увидеть, утонет тот или нет. Когда капеллан стал обратно вскарабкиваться на борт ладьи, то Хаген столкнул веслом его обратно в воду. После этого священнослужителю пришлось плыть к берегу. Ему удалось выбраться из воды, после чего он направился прочь от реки. После этого Хаген начинает опасаться, что в предстоящей поездке он и все его спутники погибнут.

Если же говорить о самом замке Верфенштайн, то предполагалось, что он являлся частью укреплений, некогда принадлежавших Хельхе — первой супруге короля гуннов Этцеля. Несмотря на то что во многих своих высказываниях Ланц-Либенфельс проявлял себя как убежденный женоненавистник, мифическая владелица замка могла стать вполне убедительным мотивом желания приобрести его руины. Места, связанные с подобными сказаниями, должны были автоматически манить к себе любителей мифов, старины и национально ориентированных романтиков. Кроме того, не надо забывать о том, что руины замка Верфенштайн были действительно весьма живописными, а потому едва ли можно было удивляться тому, что они могли околдовать молодого Ланца. Тот же для начала решил изучить историю этого строения. В «Путеводителе по Грайну и окрестностям» одна из глав была посвящена как раз истории замка. В ней отмечалось: «Это была местность, которая пользовалась дурной славой, а в древних легендах она называлась не иначе как «привал смерти»». Причиной подобных утверждений были опасные воздушные вихри и стремительное течение Дуная, которые не раз приводили к кораблекрушениям на этом участке реки». Относительно «дурной славы» Ланц-Либенфельс от себя решил добавить: «Легенды поведали нам, что Карл Великий основал замок Верфенштайн как опорный пункт против аваров. Кроме этого весьма характерна скала, на которой расположился замок, в древности она использовалась германцами для совершения жертвоприношений. На это, несомненно, указывает ее положение, равно как и мифологическое название этого речного участка».

Отчасти Ланц-Либенфельс был прав. Замок Верфенштайн вместе с населенным пунктом Штруден образовывал подобие мощного боевого укрепления. Уже во время правления династии Габсбургов замок Верфенштайн перешел во владение австрийских князей, что сделало это строение, возвышавшееся над Дунаем, значимым средневековым объектом. Скорее всего, облик замка был окончательно сформирован при Якобе Старом, когда здание стало нависать непосредственно над Дунаем. При этом же князе, наверное, в скале прорубили дорогу, которая спускалась к реке. Итогом этого строительства стало появление у скалы весьма характерного выступа. В упоминавшемся выше путеводителе говорилось, что изначально дорога шла к Дунаю не под скалой, на которой стоял Верфенштайн, а выходила к задней части замка. Если верить Ланцу-Либенфельсу, то замок был перестроен в 1354 году. В 1416 году он был осажден, а затем захвачен Альбрехтом V. В 1486 году владельцем замка Верфеннггайн стал Каспар фон Рогендорф.

Кроме этого Ланц-Либенфельс выдвинул версию, что замок Верфенштайн был изображен на одном из рисунков Дюрера. Несмотря на то что исследователи его творчества не смогли однозначно определить авторство упоминавшегося рисунка, Ланц-Либенфельс утверждал: «Как я установил, Альбрехт Дюрер посетил замок Верфенштайн приблизительно в 1500 году. Тогда же он нарисовал его. Причина этого крылась в том, что в это время Дюрер был весьма дружен с тогдашними владельцами замка Иоргом и Вольфом фон Рогендорфами». К сожалению для многих историков, Ланц-Либенфельс не указал, на какие исторические источники он опирался, когда делал подобные умозаключения. По этой причине его версия является никак и ничем не доказуемой. Впрочем, Вильфрид Дайм в своей работе сообщал, что Ланц-Либенфельс во время состоявшейся личной беседы все-таки показал ему упоминавшийся рисунок, заявив, что его автором был Дюрер. Из этого следовало не только, что великий немецкий художник запечатлел замок Верфенштайн, но и все-таки бывал в Австрии. Это могло стать историческим открытием, так как имеются лишь сведения о том, что Дюрер бывал в Тироле, а также планировал направиться в Венгрию. Предпринятые уже во второй половине XX века исследования показали, что речь шла о рисунке «Скальный замок над водой», оригинал которого хранится в художественной галерее Бремена. Несмотря на то что авторство этой работы продолжает оспариваться, она действительно датируется 1500–1501 годами.

Исследователь творчества Альбрехта Дюрера Вильгельм Вецольд в своей книге «Дюрер и его время» писал, что немецкий художник создавал свои пейзажи «на отдыхе во время путешествий, когда меняли лошадей». Однако это утверждение во многом было ошибочным, так как нередко Дюрер прибегал к своей фантазии, благодаря чему «дорабатывал» свои пейзажи. В его творчестве были как реальные, так и выдуманные пейзажи. В некоторых случаях реальность смешивалась с художественным домыслом. Если принять в расчет, что во время предполагаемого визита Дюрера в замок Верфенштайн у здания еще не было башни, а также высеченной в скале дороги, то можно с определенной долей вероятности допустить, что Дюрер все-таки изобразил замок, который много позже стал принадлежать «Ордену новых тамплиеров». Если великий немецкий художник все-таки успел запечатлеть замок до того, как там были закончены основательные переделки, то это все равно не снимает подозрений относительно того, что в облике изображенного замка могли отразиться черты других строений, то есть рисунок мог быть совмещением реальности и фантазии, столь характерной для творчества Дюрера. Так, например, некоторые из исследователей указывают на то, что виднеющиеся на заднем плане леса и земляные укрепления в большей мере были характерны для Франконии или Швейцарии. Некоторые из искусствоведов полагают, что на рисунке был запечатлен не Верфенштайн, а швейцарский замок Гроссвайнштайн. Однако даже эта версия не является признанной абсолютно всеми, а потому едва ли может восприниматься как бесспорная.

В своем историческом исследовании о судьбе замка Верфенштайн Ланц-Либенфельс предположил, что дорога в скале была выбита в 1501 году. Теперь она проходила не за

замковым строением, а фактически под ним. Замковая башня была построена приблизительно в 1530 году. Тогда же были перестроены стены Верфенштайна — они стали выше и более неприступными. В данном случае становится очевидным, почему Ланц-Либенфельс настаивал на том, что Дюрер посещал замок именно в 1500 году. На его рисунке не были отображены эти изменения в замковой структуре. Справедливости ради надо отметить, что строение на рисунке, который приписывается Дюреру, действительно весьма напоминает замок Верфенштайн.

В годы Тридцатилетней войны замок постепенно пришел в упадок, приняв вид, в котором его можно застать даже в настоящее время. Кроме этого в этих краях в центре Дуная был обнаружен так называемый «Тесовый камень», водоворот, который создавался окружающими скалами. Этот «Тесовый камень» в значительной мере мешал движению по данной части Дуная. Гвидо фон Лист, фактический создатель ариософии, о котором мы уже говорили ранее, на раз обращал внимание на замок Верфенштайн и его окрестности. Так, например, он упоминает замок Верфенштайн в своей книге «Немецко-мифологические образы ландшафтов» («Немецкие мифические пейзажи»). Поскольку эта работа увидела свет в 1891 году, то Ланц-Либенфельс не стеснялся провозгласить Гвидо фон Листа «современным первооткрывателем» замка. Гвидо фон Лист исходил из того, что название замка — Верфенштайн — являлось производной от «Аурфенштайн». Это слово, в свою очередь, выводилось из немецкого слова «auswerfen» — то есть «выделять сумму, ассигновать». Фон Лист предполагал, что в древние времена здесь приносилась добровольная жертва, которая позже превратилась в принудительный налог, а затем трансформировалась в таможенную пошлину. Предполагалось, что эта жертва приносилась стремительным водоворотам, которые затрудняли прохождение суден и кораблей по Дунаю. Некоторое время спустя Гвидо фон Лист напишет, что замок Верфенштайн «находится в собственности выдающегося и достойного признания исследователя расового вопроса доктора Йорга Ланца фон Либенфельса, Ульфилы[6]современности, который превратил замок в резиденцию «Ордена нового храма»».

В четвертой части книги «Бурги и рыцарские замки австрийской монархии», которая увидела свет в 1839 году, также излагалась история замка Верфенштайн. Она выглядела следующим образом: «Верфенштайн, замок князей, располагается ниже водоворота у скалистого острова, что находится посреди Дуная. Он, наверное, принадлежал к приходу Святого Николая, замка Грайн, Мельничного квартала. До сих пор здесь можно видеть древние стены, выложенные из крепкого камня. Глубокий ужас охватывает каждого, кто приближается к этим обломкам прошлого, покрытых черным мхом. Сейчас здесь обитают лишь дикие птицы, которые селятся на стенах руин. Свист этих птиц — единственные звуки, которые оглашают окрестности. В некоторое время перед замком можно увидеть печально известный водоворот. На северном берегу Дуная близ замка Верфенштайн находится старая башня. Она уже давно не имеет крыши и деревянных перекрытий. Она упоминается в связи со сказаниями о «дьявольской буре» и приведении черного монаха, которое здесь нередко видят местные жители. Говорят, что сюда в 1045 году прибыл император Генрих III, которого сопровождал епископ Бруно фон Вюрцбург и несколько придворных. В это время здесь появился призрак черного монаха, который стал возносить страшные проклятия в адрес епископа. Некоторое время спустя под епископом проломился пол и тот упал, сломав себе несколько ребер. На седьмой день после этого несчастного случая епископ скончался. В 1530 году камни, из которых была построена башня, были использованы при строительстве укреплений для ведения войны против турок. Но даже сейчас пожилые люди проходят мимо этого строения, накладывая на себя крестное знамение, и пытаются миновать его как можно быстрее».

Эта история приведена нами, так как она была специфически интерпретирована Гвидо фон Листом. Он предположил, что в христианское время в Верфенштайне приносились жертвы в честь святого Николая. Однако изначально они предполагались для «дохристианского божества Никуса, который считался отцом русалий». Поскольку русалки (в некоторых

отечественных переводах — «вещие девы») на немецком именовались как никсы (никсен), то имя их отца было со временем трансформировано в Нихус, а затем и в Нику с. Гвидо фон Лист предполагал, что Никус входил в ближайшее окружение «отца богов», Вотана. В данном случае призрак «черного монаха» мог трактоваться как явленное христианам древнее божество Никус. Не исключено, что смерть епископа, который сопровождал императора Генриха III, была результатом попытки «заклять» водоворот посредством католической мессы.

Если же говорить о творчестве самого Ланца-Либенфельса и его приближенных, то в журнале «Остара» было опубликовано по меньшей мере два стихотворения, авторы которых пытались пролить свет на историю замка Верфенштайн, равно как и то, как он был связан с орденом тамплиеров. Автором стихотворения, которое называлось «Песнь о потоке Нибелунгов», являлся фра Эмилиус. Стихотворение же звучало следующим образом:

Источники, что текут с ледников Ратина,
С древних времен впадают в Инн и Дунай.
В царстве Остары они, как мощные потоки,
Приветствуют Линц и его соборы.
И все-таки вода точит гранит,
Над которым когда-то звучали голоса Нибелунгов.
Сейчас поток проложил путь своим волнам,
Которые текут мимо замка, высящегося
На прибрежной скале.
Там вас приветствует в лучах весеннего солнца
Знамя с крестом, что установлено над Верфенштайном.
Знамя со свастикой!
Волны Дуная шепчут, как в древние времена,
О союзе друзей благородных, что звать тамплиеры.
Новый союз был создан мастером,
Что готов служить Богу словом и делом.
О духе воли радостно слушают люди,
Которые продолжили дело служителей храма.
Их силы стремятся к чистейшим источникам,
Что, не старея, создают новую жизнь.
И замок, и этот союз посвятили себя чистоте,
Которую надо блюсти в водовороте времен.

Второе стихотворение («Замок и роща Верфенштайн») принадлежало перу фра Детлефа. Его текст был следующим:

Брат, то, что видит твой глаз
Здесь посредь блаженной рощи,
Взывает к твоему сердцу
И зовется это «Верфенштайн».
Не тревоги будничной жизни
Возвышают человека.
Только если величественный дух

Овеял его, то жизнь становится
Достойной и благородной.
И внутреннему взору предстает,
Что Господь уготовил человеку,
Как может возродиться душа,
Отринув тяжкие прегрешения.
Здесь в долине есть замок Грааля,
Что прокладывает путь к светлой высоте.
Однако слишком труден этот путь,
Чтобы без проблем его удалось пройти.
В храмовой роще мы можем видеть
Облаченных в белые одеяния.
Это братья Верфенштайна,
Что вручили себя воле Фройя.
Их немного в нашем мире,
Однако они избраны,
Чтобы выполнять волю Господа.
Они поклялись чистоте.
Чистоте в теле и
Чистоте в устремлениях духа.
Чистотой зовется их благородство.
Чистота возносит их к Господу.
Иди и блюди это слово:
Чистота в сердце.
Сделай свое сердце редким сокровищем,
Сокрытым в замке Верфенштайн.

Если не принимать в расчет сугубо художественно-литературную сторону дела, то можно обратить внимание на то, что стихотворения явно носят культово-ритуальный характер. Была в них и своя специфика. Бросается в таза, что самым используемым словом в стихотворениях являлось слово «чистота». В данном случае не стоит путать это слово с общехристианским понятием, которое может трактоваться и как свобода от греховной жизни, и как строгое соблюдение десяти заповедей, и как ограничение себя в сексуальных желаниях. Однако для Ланца-Либенфельса и для «новых тамплиеров» слова «чистота», «целомудрие» означили всего лишь ограничение расового смешения, то есть «расовую чистоту». В «Библиомистиконе» Ланц-Либенфельс писал: «В слове «целомудрие» кроется осознанная видовая селекция. По большому счету все учение Иисуса является решительным и последовательным неприятием смешивания видов. Современные толкователи Библии полностью забыли эту главную мысль учения Иисуса».

За свою историю «Орден новых тамплиеров» приобрел несколько замков. В отличие от Верфенштайна они могли определяться совершенно по-разному. Если замок Верфенштайн считался главным замком, архиприоратом ордена, то приобретенный в 1925 году замок Мариенкамп был простым архиприоратом. Этот замок был приобретен в венгерском городе Ст. Балаж, который располагался на берегу озера Балатон. Кроме этого орден приобрел замок в Баварии, находившийся в окрестностях города Ульм. 31 декабря 1927 года в Германии был

основан архиприорат Штауфен. Также в замке Хертесбург было основано пресвитерство «Ордена новых тамплиеров», которое формально считалось дочерним учреждением Мариенкампа. Хертесбург находился на берегу Балтийского моря. Это учреждение «Ордена новых тамплиеров» продолжало свою деятельность даже после окончания Второй мировой войны. В 50-е годы Вильфрид Дайм попытался получить сведения из музея Даре, расположенного на одноименном полуострове. В ответ ему была прислана справка о том, что владельцы или арендаторы капеллы «новых тамплиеров» не принимают никаких гостей, ведут затворнический образ жизни и не позволяют фотографировать внутреннюю обстановку своего здания. Многочисленные историки говорят о том, что национал-социалисты якобы запретили деятельность «Ордена новых тамплиеров». Эта информация явно не соответствует действительности. Указанные земли в годы национал-социалистической диктатуры были национализированы по инициативе Германа Геринга, являвшегося главой Пруссии. Однако национализация не коснулась капеллы «новых тамплиеров». Не исключено, что формальным поводом стало то, что капелла относилась к парку дикой природы, а ее обитатели никак не использовали окружающий их лес.

В распоряжении Ланца-Либенфельса имелись и другие культовые места ордена. Например, в 1937 году в Венгрии в местечке Ст. Керест (Святой Крест) была открыта «ячейка» «Васкарпу». «Ячейка» обладала статусом пресвитерства. Кроме этого имелось архипресвитерство Патена. Оно располагалось отнюдь не в замке, а в обыкновенном здании. Нечто аналогичное также было создано в Зальцбурге. Ланц-Либенфельс постоянно планировал создать самостоятельное учреждение в отдельно стоящей башне замка Верфенштайн. Башню предполагалось использовать для самых «потаенных» ритуалов, что полностью отвечало многочисленным легендам о «жившем» в ней призраке «черного монаха». В самой же башне были созданы помещения для «господ» и для «мастера».

На Рождество 1907 года «мастер» Ланц-Либенфельс впервые провел обряд, в ходе которого над замком Верфенштайн было поднято знамя со свастикой. Таким образом, можно смело утверждать, что Верфенштайн стал первым местом, в котором в Новое время было официально использовано полотнище с изображением свастики. Этот факт нам должен представляться интересным, так как многочисленные западные исследователи поспешно провозглашают Ланца-Либенфельса предшественником Гитлера, «человеком, который дал идеи фюреру». В данном случае они пытались указать на то, что национал-социалисты были отнюдь не первыми, кто использовал знамя со свастикой. Некоторые исследователи, напротив, пытаются не просто оспорить этот факт, на даже отвергают само существование у «новых тамплиеров» знамени со свастикой. В связи с этим весьма примечательными кажутся слова, которые Ланд-Либенфельс записал в 1928 году: «Более чем 20 лет назад мы публично вывесили знамя со свастикой, которое сейчас стало символом порожденного нами важного и весьма перспективного движения!» Если отбросить версию о том, что национал-социализм был «порождением новых тамплиеров», то нетрудно вычислить, что впервые они использовали знамя со свастикой на рубеже 1907 и 1908 годов. Это полностью подтверждается описанием Иоганна Вальтари Вёльфля, который утверждал, что «новые тамплиеры» решили использовать знамя со свастикой на Рождество 1907 года. Это утверждение кажется вполне правдоподобным, так как в 1909 году в оформлении отдельных выпусков журнала «Остара» уже использовалась свастика. Кроме этого имелось приложение к «Остаре», которое было посвящено юбилею города Детмольд. В данном случае речь шла о печати почтовых открыток четырех видов. Принимая в расчет местоположение Детмольда, а также указанную дату, станет понятным, что открытки были посвящены не самому городу, а 1900-летию битвы в Тевтобургском лесу, когда германские племена под предводительством Армина Херускера разгромили римские легионыВаруса. Сама битва произошла в 9 году нашей эры, а значит «орден новых тамплиеров» решил выпустить эти открытки к 1909 году. В нашем случае о них

можно было бы не заводить речь, если бы при оформлении открыток не была использована свастика.

Итак, с конца 1907 года «Орден новых тамплиеров» в качестве одного из своих символов использовал свастику. До нас дошло даже описание знамени со свастикой, которое развевалось над замком Верфенштайн. Оно сохранилось в романе Франца Херндля «Замок Труцбург». Автор его некоторое время проживал на острове, расположенном как раз напротив замка Верфенштайн, и потому мог свидетельствовать о некоторых деталях. «Я заканчивал одну из моих традиционных прогулок по острову, когда на Дунае показался почтовый пароходик. В этот момент мой взгляд упал на находящиеся напротив меня руины замка Верфенштайн. Я заметил, что над ними развивались два незнакомых мне флага. Я сразу же схватил подзорную трубу, чтобы иметь возможность их лучше разглядеть. Один флаг находился над башнями прежнего «дворца». Он являл собой красное полотнище с изображением серебряного орлиного крыла. Другой флаг был вывешен на сохранившейся башне. На золотом полотнище были изображены четыре синие лилии, которые обрамляли красную свастику. У меня сразу возник вопрос: неужели руины замка сменили владельцев? Обычно новые флаги вывешивали только при этих условиях… Последние три десятилетия ими владел какой-то заслуженный англичанин. Мое любопытство смог удовлетворить знакомый мне директор школы — господин Топиц. Он был подающим надежды ботаником, и потому нередко прибывал ко мне на остров, чтобы собирать здесь растения. Когда он посетил меня в очередной раз, то поведал мне новость. Оказывается, руины замка приобрел венский расовый теоретик доктор Йорг Ланц фон Либенфельс, что решил здесь основать центр воссозданного ордена тамплиеров».

Несмотря на то что роман Херндля был художественным произведением, в нем имелось множество вполне документальных описаний. Поскольку роман был опубликован в 1909 году, то можно предположить, что он был написан в 1908 году, то есть именно в то время, когда Ланц-Либенфельс вывесил над замком Верфенштайн знамя со свастикой. Достоверность этого описания подтверждается тем фактом, что в нем достаточно точно воспроизведен герб Либенфельсов (серебряное крыло на красном поле). Широкие круги общественности могли узнать о нем только из некролога, написанного Теодором Чеплем (фра Дитрих). Однако Франц Херндль едва ли мог быть посвящен в такие детали в 1908 году. А это позволяет предположить, что он описывал события и вещи, которые происходили в действительности, а не были плодом его художественной или литературной фантазии.

Что же мог означать флаг? Если применять геральдические принципы, то золотое полотнище могло означать вечность, лилии были символом (расовой) чистоты, а свастика — знаком пробуждающихся ариогероев. Свастика также неоднократно использовалась для орнаментального украшения титульных страниц журнала «Остара». В качестве примера можно привести выпуски 19/20 (январь 1908 года), 37, 38 и 40 (1910 год). В связи с этим имеет смысл задаться вопросом, что же значила свастика для «новых тамплиеров»? Нельзя не отметить, что вначале Ланц-Либенфельс отдавал предпочтение в качестве символа ордена именно свастике, но затем она была почти полностью вытеснена опорным («тевтонским») крестом. Если Ланц-Либенфельс первым стал использовать знамя со свастикой, то это не означало, что он первым стал придавать исключительное значение этому символу. В этом отношении у него было два предшественника. В Австрии свастику «смыслом своей жизни» сделал Гвидо фон Лист, а в Мюнхене — философ Альфред Шулер. Из сведений, которые оставил Людвиг Клагес, один из участников кружка «мюнхенских космистов», лидером которого был Альфред Шулер, мы можем узнать, что еще в 1895 году Шулер предполагал защитить диссертацию, посвященную исключительно свастике. Позже он сделал этот символ предметом своих докладов и дискуссий, которые происходили в мюнхенском кружке.

Людвиг Клагес писал: «Например, Шулер уже в 1895 году предполагал раскрыть, обнаружить суть гамматического креста, который он предпочитал назвать индийским словом «свастика». Он полагал его центральным символом доисторического человечества. До самого

конца жизни он предпочитал придерживаться трактовок, присущих для его же собственного учения, которое он именовал «внутренним восприятием»». Впрочем, Шулер никогда не поднимал знамени со свастикой. На этого философа как возможного предвестника германского национал-социализма впервые обратил внимание Вильфрид Дайм, посвятив ему пару страниц в своей книге про Ланца-Либенфельса. Однако куда большее внимание Шулеру было уделено в современной работе Франца Вегенера «Альфред Шулер — последний немецкий катар». Если говорить о кружке «мюнхенских космистов», который сложился вокруг Шулера, то в него кроме Людвига Клагеса входили: Теодор Лессинг, Стефан Георге, время от времени там появлялся Райнер Мария Рильке. Альфред Шулер выступал в роли «мастера» и провидца, способного погружаться в прошлое, что в некоторой мере роднило его с Ланцем-Либенфельсом. Однако нельзя не отметить, что в начале XX века кружок космистов распался, дав начало целой плеяде мюнхенских интеллектуальных и философских объединений («кружок Стефана Георге» и т. д.). Несмотря на то что в литературе последних лет высказываются версии о том, что Альфред Шулер мог встречаться с Гитлером, до сих пор не обнаружено никаких сведений, подтверждающих версию о том, что Шулер мог поддерживать связь с Ланцем-Либенфельсом или Гвидо фон Листом. В любом случае именно Шулер со своей антисемитской философией подготовил мюнхенских интеллектуалов к восприятию националистических и расистских идей.

Можно предположить, что Ланц-Либенфельс предпочитал ориентироваться на трактовку свастики, которая в свое время была предложена Гвидо фон Листом. Тот же в своей работе «Иероглифическая письменность ариогерманцев» писал следующее: «Вторым урглифом (древним глифом) является «фюрфос», то есть «огненное зачатие», высший священный и тайный знак арманизма, который может именоваться гамматическим крестом или свастикой. Название «свастика» происходит с санскрита (свасти-счастье), но находит отголоски в имени литовского божества огня «Свайстикс». Это слово возникло из двух древнеарийских корней: «ту» и «аск», что при дословном переводе может означать: нарастающее действие! Следовательно, это слово имеет то же самое происхождение и то же самое толкование, что и имя божества «Туис-фо». Так как теперь глиф «туаск» или «свастика» в качестве священного знака «Туиск-фо» может получить расширенную трактовку, он может быть связан с другим именем — «Фюрфос». Он может восприниматься как глиф стихии огня. Таким образом, он символизирует Муспельхейм, равно как и Сутура, то есть имеет отношение к драконам, саламандрам и прочим существам огненной стихии».

В указанном трактате автор почти никак не увязывает свастику с германским наследием. В другом месте той же самой книги Гвидо фон Лист обращает внимание на то, что свастика обладает «крыльями», в противоположность стрелкам часов указывая на левое вращательное движение. Гвидо фон Лист писал: «Демонический огонь возмущения, который с вулканической силой сметет препятствия, если те мешают возрастанию новых идей. Его гаиф — это нарастающее вращение, которое во время Крестьянской войны использовалось под условным названием «плужного колеса». Поэтому знамена крестьян именовались «колесными знаменами», а предводители крестьян «радельсфюрерами» («зачинателями движения»). Этот знак вращения развился из символа «дорожного перекрестия» и «фюрфоса». Он символизирует собой вращающийся огонь, при помощи которого жрецы и друиды порождал священный огонь».

Несмотря на то что подобные трактовки выглядят несколько странноватыми, они при последующей научной проверке оказались волне достоверными, что указывает на наличие у Гвидо фон Листа хорошо развитой символьной интуиции. Однако в рамках данной книги нас должно интересовать не идейное наследие Гвидо фон Листа, равно как и то, что он говорил, а исключительно только то, что использовалось из его наследия «новыми тамплиерами». В данном случае Ланца-Либенфельса мог привлечь другой отрывок из книги фон Листа «Иероглифическая письменность ариогерманцев». В нем говорилось: «Пятый из этих глифов, головной глиф, является самым священным из знаков арманизма. Это — «говорящая голова»,

которая в современной геральдике превратилась в «мальтийский крест» или «крест ордена иоаннитов». Эта «говорящая голова» возникает, если соединить в единую фигуру восходящий и нисходящий «фюрфос», в результате чего возникнет этот специфический крест… Название глифа «говорящая голова» делает любые комментарии излишними, так как этот знак представляет собой концентрацию духа через все агрегатные состояния материи вплоть до земельной стихии, после чего следует повторный распад до элементов чистейшего духа».

Скорее всего, именно этот отрывок из книги Гвидо фон Листа должен был очаровать Ланца-Либенфельса, который всегда был склонен к гностическим идеям, кои он пытался увязать с германскими традициями. В данном случае левосторонняя свастика должна была символизировать собой превращение духа в плотную материю, а правосторонняя свастика, напротив, восхождение материи до уровня духа. Эта идея не раз повторялась близким другом Ланца-Либенфельса Фроди Ингольфсоном Верманом. В частности, эти идеи были изложены в статье 1929 года, которая называлась «Из трещин земли в свет асов». Можно предположить, что «новые тамплиеры» воспринимали восходящую свастику как символ жизни, а нисходящую — как символ смерти. Подобное предположение косвенно подтверждается изображением, которое содержалось в «Имагинариуме», специальном альбоме, который был выпущен «Орденом новых тамплиеров». В нем можно было найти изображение надгробия. Подпись к иллюстрации гласила: «Старейшее из современных надгробий со свастикой на могиле супруги фра Георга (Хауэрштайн,

1914)». На надгробии можно увидеть левостороннюю свастику, в то время как на знамени «Ордена новых тамплиеров» был изображен символ, вращающийся вправо. Совмещение этих двух символов могло дать изображение опорного («тевтонского») креста, который мог трактоваться как гностический символ, обозначающий и нисхождение духа в материю, и восхождение материи к духу. Если «говорящая голова» была для Гвидо фон Листа одним из важнейших символов (глифов), то «тевтонский» крест в его гностической трактовке мог являться символом мировоззрения Ланца-Либенфельса.

Несмотря на существенные различия в мировоззрении, которого придерживались Гвидо фон Лист и Ланц-Либенфельс, на символьном уровне они обнаружили определенное родство идей. Опираясь на трактовки Гвидо фон Листа, «новые тамплиеры» могли рассматривать «тевтонский» крест (соединение двух свастик) как более существенный символ, нежели любая свастика в отдельности. Сам же Гвидо фон Лист в своей «Иероглифической письменности ариогерманцев» писал: «На странице 55 приводились сведения о «говорящей голове» как двойном глифе. При геральдическом оформлении он претерпел некоторую художественную трансформацию. Отразим ее суть. Нисходящий фюрфос, глиф материализации духа, соответствует физическому уровню. Восходящий фюрфос, глиф возвышения материи к духу, является символом воодушевления. При соединении этих двух глифов получается двойной глиф, который мы называем «говорящей головой», а в геральдике он именуется «мальтийским крестом»». Подобная трактовка способна объяснить, какое значение придавалось свастике в «Ордене новых тамплиеров».

Впрочем, если исходить из того, что «новые тамплиеры» могли также использовать наследие Альфреда Шулера, то в первоначальном варианте свастика, точнее говоря — знамя со свастикой, могла иметь несколько иное значение. Шулер, подобно Гвидо фон Листу, отмечал, что свастика мота вращаться в разные стороны. Однако если фон Лист делал символом духовности «восходящий фюрфос», то Шулер предпочитал говорить в данном

качестве о «нисходящей свастике». Он полагал, что «крюки» должны были отмечать движение креста. Если «крюки» были направлены по часовой стрелке, то крест вращался в обратную сторону. Шулер видел в свастике соединение женского и мужского начал (инь — ян). Во время одного из своих докладов Шулер рассказал о своей интерпретации свастики: «В центре древней жизни находился символ вращающегося колеса — свастика». Далее он отмечал: «На готических навершиях крыш, которые мы до сих пор можем видеть в музее Равенны, имеется следующий символ: полумесяц, на концах рогов которого нарисованы точки, кои я бы хотел обозначить как искры света. В центре этого полумесяца, между его рогами находится диск со свастикой. Я беру этот диск как символ круговорота жизни, как свет между Кастором и Полидевком, как напряженность между двумя рогами полумесяца, которая заставляет его вращаться. В качестве подтверждения этой точки зрения я заявляю о том, что из четырех концов свастики, как и из рогов полумесяца, бьют искры света. А это значит, что колесо жизни вращается».

Глава 5
ВЛИЯНИЕ НА МИР ИСКУССТВА

Среди прочих сторонников идей Ланца-Либенфельса надо отдельно выделить Августа Стриндберга, классика шведской литературы. В своем творчестве он исходил из необходимости следовать в искусстве «правде действительности». В романе «Красная комната» (1879) он выказал симпатии социалистическим идеям, критикуя буржуазное общество. Несколькими годами позже он написал острую сатиру на буржуазную цивилизацию, повесть-памфлет «Новое царство». Преследуемый крайне консервативными кругами, Стриндберг был вынужден с 1883 по 1898 год скитаться по Европе. С конца 80-х годов на его творчество оказывали отчетливое влияние натурализм и импрессионизм, хотя Стриндберг никогда полностью не воспринял эстетику этих художественных направлений. Отдав дань модным в то время течениям, он продолжал выступать с критикой буржуазной действительности. Творчество Стриндберга было во многом противоречивым. Так, например, если в 1885 году в сборнике новелл «Утопии в действительности» он обращался к идеям утопических социалистов (Руссо, Сен-Симон, Чернышевский), то в 1888 году он пишет роман «Исповедь безумца», в котором прославлял Ницше, равно как и всех «сверхчеловеческих» исследователей-индивидуалистов.

Отношения между Ланцем-Либенфельсом и Стриндбергом завязались еще в 1896 году, когда оба встретились в Грайне. Отношения продлились очень долго, хотя реальные встречи Ланца-Либенфельса и Стриндберга были редкостью — их контакты в большинстве случаев ограничивались перепиской. Кроме этого сохранились сведения о том, что Ланц-Либенфельс направил шведскому литературу «Теозоологию», «Тойч-псалмы» и несколько выпусков журнала «Остара». Долгое время исследование данного вопроса было затруднительным, потому что большая часть архивов «Ордена новых тамплиеров», равно как и личная переписка Ланца-Либенфельса, хранилась в Венгрии, так как именно там, близ озера Балатон, находился замок Мариенкамп. Кроме этого надо учитывать, что в годы Второй мировой войны замок Мариенкамп серьезно пострадал во время боевых действий, а потому часть архива была уничтожена. Тем не менее сохранились копии некоторых писем Стриндберга, в которых он давал свою оценку «Теозоологии» и «Тойч-псалмам». Это письмо было воспроизведено в новом издании «Тойч-псалмов», а также в «Имагинариуме» «Ордена новых тамплиеров». По большому счету Стриндберг был одним из немногих известных людей, который не просто ознакомился с работами Ланца-Либенфельса, но и действительно цитировал его. В то же самое время версии о том, что Ланца-Либенфельса мог цитировать Гитлер, кажутся малоубедительными и надуманными. Обильная переписка, равно как и цитирование работ Ланца-Либенфельса, позволяют предположить, что Август Стриндберг мог быть членом «Ордена новых тамплиеров». Есть сведения, что он носил орденское имя фра Август Верфенштайн.

Оценивая отношения между Ланцем-Либенфельсом и Стриндбергом, нельзя забывать о том, что послевоенные версии, предложенные публике главой «Ордена новых тамплиеров», могли быть преувеличенными и утрированными. Ланцу-Либенфельсу всегда льстил интерес известных людей, который они проявляли к его ордену. Достоверно можно утверждать лишь одно — Стриндберг весьма охотно цитировал работы Ланца-Либенфельса, среди которых больше всего ценил «Теозоологию». Однако во всем остальном приходится полагаться на версии самого Ланца-Либенфельса.

Знакомство Стриндберга и Ланца-Либенфельса (в то время еще просто мечтательного юноши-монаха) произошло благодаря тому, что шведский писатель некоторое время был женат на австрийской подданной, Фриде Уль, чья семья жила в имении, располагавшемся в Штрудене. В настоящее время имение приобретено шведской общественной организацией, которая превратила его во что-то вроде места паломничества для почитателей творчества Стриндберга.

Если говорить о браке Стриндберга с Фридой Уль, то надо отметить, что у той была крайне эмансипированная младшая сестра, которая вышла замуж за скульптора, принимавшего участие в оформлении центральной части Вены. Перед Первой мировой войной часть венского замка была перестроена, в частности возникли так называемые врата Михаэлер. В двух сторон от этих ворот находились фонтаны, которые как раз были созданы по проекту деверя Фриды Уль. Левый из фонтанов изображал Нептуна, в котором исследователи опознали тестя Стриндберга Фридриха Уля, который, скорее всего, выступал в качестве модели для скульптуры. Впрочем, имение в Грайне принадлежало матери Фриды Уль, которая долгое время жила отдельно от своего мужа. В 1894 году у Стриндберга в Грайне родилась дочь. В 1896 году он вновь пребывал в Штрудене. В различных литературных произведениях этого времени у Стриндберга постоянно встречаются упоминания Грайна, Ардагтера, Дорнаха.

Именно в это время в Грайне появляется брат Георг (Ланц), который намеревался во что бы то ни стало приобрести замок Верфенштайн. Он уже видел замок несколько лет назад, но теперь хотел осмотреть его еще раз. Во время этой поездки в Грайн Ланца, который еще был цистерцианцем, сопровождало два приятеля. Именно они должны были начать переговоры с кастеляном о продаже руин замка. Позже Ланц-Либенфельс рассказывал, что пока они сидели в комнате в ожидании кастеляна, он (Ланц) предавался «арифмософическим», то есть арифметически-мистическим вычислениям. Когда все трое покинули здание, чтобы направиться к замку, то заметили мужчину, который напомнил Ланцу волшебника Клингсора из поэмы Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль». Это был Август Стриндберг, который сразу же заинтересовался мистической беседой, которую вели между собой приятели. После этого он вызвался сопровождать их до руин замка Верфенштайн. В итоге Стриндберг присутствовал при том, как брат Георг (Ланц) впервые осматривал внутренние помещения замка Верфенштайн, который произвел на шведа «огромное впечатление».

На следующий день все четверо направились на гору, где находился сад расположенного поблизости аббатства. При этом они посетили окутанное мифическими сказаниями ущелье Штилльштайн (Тихий камень). В указанное время брат Георг (Ланц) «еще три или четыре раза» встречался со Стриндбергом. Если верить Ланцу, то во время этих встреч они говорили о том, что Стриндбергу надо было присоединиться к одному из старых орденов. При этом Ланц дал весьма подробную характеристику действовавшим орденским организациям. Кроме всего прочего, Ланц советовал шведскому писателю посещать монастыри, принадлежавшие орденам, где он мог бы почерпнуть мудрость и многому научиться. Стриндберг был достаточно обеспеченным человеком, не привыкшим отказывать себе в удовольствиях жизни, а потому выразил обеспокоенность тем, что в монастырях было запрещено употребление алкоголя и курение табака. В ответ Ланц поспешил успокоить Стриндберга, которому обещал некоторые «послабления». Кроме этого Ланц посоветовал Стриндбергу предпринять шаги к тому, чтобы его произведения были переведены на немецкий язык. Также велись беседы о естественно-

научных исследованиях шведа, которые в некоторых своих моментах соприкасались с европейской мистической традицией. Например, Стриндберг интересовался алхимией.

Много позже Ланц-Либенфельс написал в своих воспоминаниях о прогулке по ущелью Штилльштайн. Во время нее они говорили о многих религиозных вещах. В глубоко врезавшемся в скалы ущелье в то время находилось изваяние Мадонны, что придавала религиозному разговору особую мистическую окраску. «Здесь пролегал путь, который вел нас к залитому солнцем ландшафту. Это уберегло нас от мрачных размышлений, и именно здесь он [Стриндберг] изменил свое отношение к Богу». Действительно, многие биографы Августа Стриндберга отмечали, что отношение шведского писателя к религии стало меняться именно после 1896 года. Он отказался от атеистических воззрений. Однако его вера, если и была христианством, то весьма странным. Несмотря на утверждения Ланца-Либенфельса, едва ли можно допустить, что Стриндберг полностью изменил свои взгляды на жизнь после одной-единственной прогулки по австрийскому ущелью. Скорее всего, Ланц-Либенфельс преувеличивал свою роль в духовной трансформации шведского литератора. Кроме этого не стоило забывать про то, что взгляды самого брата Георга (Ланца) были достаточно странными. Он был цистерцианцем, который охотно рассуждал о нумерологии и даже пытался делать некие «арифмософические» вычисления. Скорее всего, именно последние представляли для Стриндберга особый интерес. Если все же допустить, что «преображение» писателя с мировым именем произошло именно в ущелье Штиллыптайн, то это было отнюдь не спонтанным действием, а итогом очень продолжительного процесса. Мистическое ущелье, таинственный молодой монах, который владел некими «оккультными знаниями», — все этого могло спровоцировать некий духовный прорыв, который зрел в Стриндберге долгое время. Таким образом, брат Георг (Ланц) мог выполнить всего лишь некую психотерапевтическую функцию, подтолкнув шведа к отказу от атеизма.

Впрочем, если мы посмотрим на приблизительное содержание бесед, которые вели между собой Ланц и Стриндберг, то можно заметить, что они были далеки от традиционного христианства. В частности, они говорили о каббалистической мистике чисел. Они пытались применить ее принципы к различным словам. Например, через разложение на цифры Ланц и Стриндберг пытались постигнуть смысл слов «цистерцианец» и «водород».

В воспоминаниях Ланц-Либенфельс указал, что именно нумерологические вычисления оказали воздействие на дальнейшую жизнь Стриндберга. «Истолкованное слово «цистерцианец» в 1896 году имело для Стриндберга решающее значение». С одной стороны, Ланц-Либенфельс полагал, что именно он оказал духовное и мистическое влияние на Стриндберга, с другой стороны, он с явным почтением именовал шведского писателя «нашим большим другом» и «магом Севера». Это указывает на то, что в 1896 году Ланц, будучи молодым монахом, был несказанно рад повстречаться со Стриндбергом. Скорее всего, тон разговоров задавал отнюдь не Ланц. Именно по этой причине он позже пытался представить себя в роли некого духовного проводника шведа, чем мог ввести в заблуждение многих людей. Реальная роль брата Георга (Ланца) была более скромной и менее примечательной.

В момент, когда Ланц встретился со Стриндбергом, он был еще монахом, и хотя бы в силу этого он еще не сформировал собственную расистскую идеологию. Это произошло несколькими годами позже. Поэтому весьма вероятно, что действительное влияние Ланц-Либенфельс оказал на шведа позже, то есть когда создал «Орден новых тамплиеров». Но отнюдь не значило, что непременно надо отрицать тот факт, что молодой монах, брат Георг (Ланц), не мог появиться в творчестве Стриндберга в качестве некой символической фигуры. В частности, речь идет о романе «На пути в Дамаск», одним из действующих лиц которого является таинственный монах. Нет никакого сомнения, что сам Стриндберг выступал в романе в качестве безымянного героя. Шведский писатель описывал свое путешествие в Дамаск, как бы сравнивая себя с Саулом (апостолом Павлом). Никто из реальных монахов не может быть идентифицирован с фигурой конфессора. В нем явно проглядываются черты Ланца-

Либенфельса. Во всяком случае, очень сложно представить себе католического монаха, который бы занимался нумерологией и каббалистикой. Это позволяет предположить, что в основу романа «На пути в Дамаск» Стриндберг положил впечатления, которые он почерпнул в Штрудене.

Сам же Ланц-Либенфельс постоянно цитировал отрывки из произведений Стриндберга. Особенно часто он обращался к тем моментам литературных произведений, в которых описывались пейзажи Штрудена и духовное состояние автора, находившегося в тех местах. Когда мы говорим о цитировании, то речь идет не о каких-то воспоминаниях, которые подкреплялись литературными пассажами. Речь идет о «Легендариуме» «Ордена новых тамплиеров», в котором можно было найти «памятный день фра Августа Стриндберга, тамплиера-фамиляра из Верфенштайна (скончался в 1912 году)». В этой части «Легендариума» приводился следующий текст: «Когда-то он был атеистом, реалистом и противником христианства. Он был полностью погружен в суету этого мира. Но однажды он пробудился лишенный этого дурмана. Он осознал себя самоистязающим пессимистом и антифеминистом. Он пытался найти спасение от чандальных искушений при помощи творчества Эммануила Сведеборга, спасительного островка чистейшего христианства. Он бежал от мира и пытался отыскать временное прибежище в бельгийском бенедиктинском монастыре. Однако он не нашел там того, что искал. Только в христианстве тамплиеров этот вечный странник, вечно ищущий пилигрим, обрел заветный духовный мир. Только там он смог найти алтарь, на котором зажигается огонь веры, и только там можно найти озарение и стремление к обожествлению человека будущего. С Библией на груди Стриндберг отошел в иной мир как тамплиер-христианин».

Не исключено, что Ланц-Либенфельс существенно преувеличивает значение, которое играл «Орден новых тамплиеров» в судьбе Августа Стриндберга. Однако биографы шведского писателя никогда не отрицали факта членства Стриндберга в «Ордене новых тамплиеров». Кроме этого Ланц-Либенфельс знал детали, которые мог почерпнуть только в личном общении с писателем. В частности, он писал в «Легендариуме»: «Решающие перемены в его жизни и в творчестве произошли, когда он вступил во второй брак. Его избранницей оказалась австриячка Фрида Уль, дочь Фридриха Уля, главного редактора «Венской газеты» — официального вестника австрийского правительства. Именно благодаря своей супруге он прибыл в Верхнюю Австрию в местность Грайн. Там оказался в замке новых тамплиеров, в замке Верфенштайн. В этих краях он открыл для себя новый мир». Если внимательно изучить приведенный отрывок, то можно заметить, что Ланц-Либенфельс подтасовал факты. Дело в том, что в 1896 году Верфенштайн еще не был замком «новых тамплиеров». Однако для мистического мышления Ланца-Либенфельса эта несостыковка не являлась большой проблемой. Он полагал, что замок Верфенштайн уже в то время был предназначен для того, чтобы в нем был создан новый орден.

В «Легендариуме» Ланц-Либенфельс не раз цитировал произведения Стриндберга. Немецкие исследователи отмечали, что это были очень «вольные» цитаты. Впрочем, это можно было отнести к особенностям перевода, так как Ланц-Либенфельс не пользовался считающимися классическими в Германии переводами. Поскольку в нашем случае интерес представляют не особенности шведской литературы, а «Орден новых тамплиеров», то приведем те варианты, которые оказались воспроизведенными в «Легендариуме». Из Стриндберга для этой служебно-культовой книги «новых тамплиеров» были взяты следующие отрывки: «В ожидании моего скорейшего отъезда, когда я должен был отправиться (в силу привычки) сам не зная куда, я торопился закончить мои эксперименты с золотом. Цинкованная ванночка, в которой я новым способом пытаюсь синтезировать золото, изнутри покрыта невероятными соляными узорами, которые весьма напоминают причудливый природный ландшафт. Я вижу в этом знак свыше, но даже в тот момент не могу даже предположить, что эта исключительная местность может действительно существовать в природе. Она существует

с хвойными деревьями, заснеженными горами, покрытыми ельником, с холмами, фруктовыми садами и нивами. Все это должно было указывать, что я нахожусь где-то рядом с решением проблемы, рядом с источником силы. Мне видится в соляном инее разрушенная скала с венчающими ее руинами могущественного замка». «Я путешествую по Дунаю, прогуливаясь по заливным лугам, на которые без страха выходят косули. Этот пейзаж будит мои фантазии. Где-то в кустах мне видятся поблескивающие звезды. Я слышу пение невидимой мне овсянки. Именно здесь я нашел самого себя. Здесь меня стали посещать великие мысли. Здесь почувствовал Божье благословение. Здесь я вновь стал верить в Бога, хотя еще не отдавал себе отчет относительно того, что нужно понимать под словом «вера»». «Я поднимаюсь по длинной многокилометровой тропинке на гору. Когда я оказался на вершине, то передо мной открылся удивительный пейзаж. Я вижу крутую котловину, бесчисленные ели по ее краям, которые напоминают края вулканического кратера. В центре это огромной воронки находится деревня. Я вижу церковь, а на высокой скале — средневековый замок. В разных сторонах виднеются поля, лентой вьется ручей, который, плутая между скал, исчезает в ущелье. Взгляд, брошенный на этот странный и уникальный пейзаж, внезапно будит во мне давнишнее воспоминание. Я уже когда-то видел этот ландшафт! Но где? Когда? Точно! Этот пейзаж был нарисован окисью железа на боках цинковой ванночки в парижском отеле «Орфила». Нет никаких сомнений — это та самая местность».

Кроме этого в «Легендариумс» использовался отрывок из автобиографического романа Стриндберга «Инферно». В этом отрывке описывалась прогулка по ущелью Штилльштайн. Однако Ланц-Либенфельс в характерной для себя манере решил передать содержание этой части романа, что называется, «своими словами», используя предложения из романа Стриндберга, которые были совмещены с его собственными комментариями. «В мировой литературе нет более великолепного и непревзойденного описания прогулки по горному ущелью… [далее без кавычек следует текст самого Стриндберга] Мельник, белый от муки как поделочный ангел, крутится у шестерней мельницы, напоминающих приспособление палача. Затем прибывает кузнец и его черные от копоти подмастерья. Они вооружены длинными крюками, клуппами и молотками. Они терзают в огне разлетающийся искрами расклеенный металл. Весь этот шум эхом дрожит в моей черепной коробке, норовя разорвать в клочья сердце и грудь. Мельница, кузница, лесопильный заводик сливают свои звуки в один сплошной адский вой. Огромная пила хрустит множеством своих мелких острых зубов. Она впивается ими в плоть древесины стволов, повешенных на дыбе. И вот по ней на землю потекла прозрачная кровь, состоящая из мелкой щепы. Ущелье вдоль ручья опустошено проливным ливнем. Дорога по всей длине покрыта слоями серо-зеленой омерзительной тины. Я хотел как можно быстрее миновать ручей. Но мостки разрушены и я, пребывая в растерянности, останавливаюсь у скалы. Я не знаю, что делать дальше. [Далее следует пересказ «своими словами».] И в этом момент взгляд Стриндберга падает на странные, но прелестные природные картины, которые можно было бы увидеть в этом аду. Они как бы подсказывают, где искать выход к свету. Нависающая над тропинкой скала рискует в любой момент обрушиться, однако изваяние Богоматери как бы поддерживает ее хрупкими, но божественными плечами, предоставляя путь к выходу. Я направляюсь обратно по своим следам. Погруженный в размышления, я пытаюсь связать воедино все эти случаи, чтобы образовать одно единое и логичное целое. Оно настолько чудесно, что может быть только сверхъестественным».

После того как Ланц познакомился со Стриндбергом в Штрудене, они постоянно переписывались. Как уже говорилось выше, Ланц-Либенфельс направил своему именитому другу «Теозоологию» и «Тойч-псалмы». В ответ на это Стриндберг направил воодушевленное письмо. «В поезде я познакомился с Вашей книгой и был поражен. Если это не сам свет, то по крайней мере источник света. После «Рембрандта как воспитателя»[7] я не слышал столь пророческого голоса. Рад буду Вас видеть. Август Стриндберг. 10 июля 1906 года». Можно было бы предположить, что письмо шведского писателя было просто жестом вежливости.

Однако письмо, которое Стриндберг направил 25 августа 1908 года одному из своих знакомых, говорит, что он действительно был околдован книгой Ланца-Либенфельса. В данном письме сообщалось: «Познакомился с «Теозоологией» (религией содомских обезьян) Ланца-Либенфельса. Это убойная вещь против неоязычников!»

Книги Ланца-Либенфельса произвели на Огриндберга настолько большое впечатление, что он решил некоторые из идей изложить на страницах своего произведения «Синяя книга. Синтез моей жизни». Причем эти идеи приводились исключительно в положительном контексте. Позволим себе привести некоторые отрывки из «Синей книги»: «Обезьяноподобные думают, что душа (дух) — это секреционная железа. В некоторой мере они правы, но только в той части, что касается их самих. Но то, что считается особенным, не может быть всеобщим. Я отнюдь не намереваюсь противоречить этим господам, так как уверен, что они думают своим желудком, своими половыми органами, своей глоткой. Все их поведение заключается в том, чтобы потуже набить себе брюхо. Они на протяжении сорока лет искали родоначальника своего рода в девственных лесах. Однако каждый раз, когда возникало подозрение, что они нашли предка, след сразу же исчезал. И от этого их охватывала великая скорбь. Ланц-Либенфельс в своей «Теозоологии» доказал, что имеются родословные аффлинги, обезьяноподобные. Одним из этих родоначальников является соратник Рамы, король обезьян Хануман. В «Рамаяне» изображено, как он вместе со своим другом следует на войну, сопровождаемый армией обезьян. К ним можно приравнять берсеркеров и вервольфов. Чужие из древних времени были гибридами от аффлингов. Сатиры с козлиными ногами и сирены с неимоверно большими задами были порождены противоестественным развратом. Наши «альпийские кретины» — это не больные люди, а отдельная расовая ветвь, мелкоголовые. Это плод содомского прегрешения. Гунны были их ответвлением». Или другой отрывок: «Происхождение человека, кажется, было двухразовым, так как имеется два вида людей, которые находятся в вечном противостоянии. На одной стороне находятся аффлинги, обезьяноподобные, которые в силу своего темного сознания отстаивают теорию, что их предками были обезьяны (смотри «Теозоологию» Ланца-Либенфельса). Но я говорю не о них, а о других, тех, которые несут в своем сознании память о том, что они были сотворены Богом. Всеведущий и Всемогущий Бог радуется, что создал этот род по своему подобию». И таких кусочков в «Синей книге» было еще несколько.

Весьма показательно, что в своей «Синей книге» Август Стриндберг разместил иллюстрацию, которая имела для Ланца-Либенфельса особое значение. Речь идет о фотографии скульптуры «Похищение», которая была создана в 1887 году французским ваятелем Эммануэлем Френье. Ланц-Либенфельс воспроизводил это изображение по меньшей мере дважды. Первый раз в одном из выпусков журнала «Остара», второй раз в «Имагинариуме» «Ордена новых тамплиеров». Во втором случае изображение сопровождал комментарий, написанный самим Ланцем-Либенфельсом: «Гигантская человекоподобная обезьяна как похититель женщин — современная пластика, в которой отражена трагическая судьба людей в результате смешения рас». Сейчас очень сложно сказать, кто у кого позаимствовал это образ: Ланц-Либенфельс из «Синей книги» Стриндберга или Стриндберг из журнала «Остара»? Впрочем, это не имеет принципиального значения.

Кроме всего прочего, Ланц-Либенфельс регулярно посылал Августу Стриндбергу номера журнала «Остара». Хотя бы по этой причине шведского писателя можно отнести к категории читателей «Остары». Из свидетельств современников известно, что Стриндберг хранил у себя в Стокгольме полную подборку журнала, который выпускал Ланц-Либенфельс. Вильфрид Дайм в своей работе, посвященной судьбе Ланца-Либенфельса, задавался вопросом: насколько велико было влияние Стриндберга на основателя «Ордена новых тамплиеров»? Он позволял себе предположить, что не Стриндберг был почитателем Ланца, а как раз наоборот, более молодой Ланц преклонялся перед талантом шведа. Вели же говорить о том, что значил Стриндберг для замка Верфенштайн, для Ланца-Либенфельса и его приверженцев, то надо

указать на одно рекламное объявление, которое было напечатано в журнале «Остара» в конце 20-х годов. Речь шла о приглашении в пансион «Штруденгау». Этот рекламный материал начинался следующими словами: «Знаете ли Вы о Штрудене? Знаете ли Вы, что Стриндберг жил в одном из прекраснейших мест Европы? Знаете ли Вы, что под впечатлением от этого воистину героического ландшафта он создал свои самые прекрасные и самые зрелые литературные произведения?» Среди многочисленных упоминаний Стриндберга на страницах «Остары» приводился огрызок из его письма, в котором писатель предлагал создавать специальные монастыри для творческих гениев. В «Остаре» было написано: «Мы должны пойти этим путем к созданию тайного ариософского ордена и ариософских монастырей… Барон дю Перль, Стриндберг, Дифенбах и другие люди, которых никак нельзя назвать клерикалами, требуют создания ариософских монастырей для творческих гениев».

В ходе переписки Ланц-Либенфельс попросил Стриндберга, чтобы тот стал членом «Ордена новых тамплиеров». Это указывает по меньшей мере на то, что шведский гений полностью разделял цели ордена. Если доверять воспоминаниям Ланца-Либенфельса, то Стриндберг ответил согласием. Он получил степень фамиляра, то есть «почтенного члена», а стало быть, мог подписываться как фра Август. Кроме этого в качестве преференции для него было разрешено включить в орденское имя фамилию и свое светское имя. Поэтому в «Имагинариуме» и в «Визионариуме» шведский писатель неоднократно упоминался как фра Август Стриндберг, тамплиер-фамиляр из Верфенштайна.

Если абстрагироваться от сугубо политических и мистических теорий, которые были положены Ланцем-Либенфельсом в основу «Ордена новых тамплиеров», то его концепцию можно было воспринимать как некое художественное и даже эстетическое проявление эпохи. Отнюдь не случайно Ланц-Либенфельс оказался связанным со Стриндбергом и Герцмановски-Орландо. Нельзя не отметить, что идеология «новых тамплиеров» была некой политизированной версией скульптуры Эммануэля Френье «Похищение», которая была выставлена в парижском музее д'Орсе. Самое показательное, что большинство людей, которые видели эту скульптуру, хором заявляли, что обезьяноподобное существо похищало именно блондинку. А ведь из скульптуры абсолютно не следовало, какой цвет волос был у девушки. Она могла быть рыжей, шатенкой или вовсе брюнеткой. Можно говорить о том, что рубеж века характеризовался специфической атмосферой, которая находила выражение как в художественных, так и мистико-политических формах. «Похищение» было не просто каким-то биологическим доказанным фактом, который на полном серьезе пытались опровергнуть биологи и зоологи. Это было разновидностью общественного психоза, вызванного, с одной стороны, стремительным техническим прогрессом, а с другой — связанным с этим прогрессом эволюционным учением Дарвина, которое базировалось на принципе «борьбы за существование». Формирование так называемого «социал-дарвинизма» было во многом связано с болезненными мифами о сексуальном поведении представителей «низших» рас. По большому счету теория Ланца-Либенфельса была всего лишь одним отблеском тех расположений духа, которые царили в обществе конца XIX — начала XX века.

Скульптура Френье была отнюдь не единственным художественным проявлением подобных настроений. Если в настоящее время сам Френье и его скульптура «Похищение» известны только лишь специалистам, то имя художника Густава Климта достаточно хорошо известно публике. Он же в 1902 году создал так называемый «Фриз Бетховена», который без всякого преувеличения можно было назвать иллюстрацией к «Теозоологии». В центре этой картины находится пугающий гигант, чудовище Тифон, которое предстало в виде ужасающей большой обезьяны. Годы спустя этот образ будет не раз воплощен в фигуре Кинг-Конга. Это чудище окружают мифические существа. Они лишены романтичности и привлекательности, которую придавали им салонные художники, академисты и прерафаэлиты. Они отталкивающие и пугающие, лишенные любой притягательности. Три дамы справа от гигантской обезьяны символизируют собой «разврат», «наслаждение» и «неумеренность». Находящиеся слева

женщины, скорее всего, являются Горгонами. Возникает ощущение, что Климт писал их с моделей, которые выставлялись в Венском паноптикуме. Не решаясь пугать публику реальными уродствами, как это было в Кунсткамере, в Вене выставляли лишь восковые фигуры. И опять же весьма показательной была реклама этого, с позволения сказать, шоу. Перед дверями была выставлена восковая фигуры обезьяны, которая держала в руке девушку.

Как видим, похищение девушки обезьяной было неким символом, который дублировался и бесконечно повторялся на самых различных уровнях, в том числе в искусстве. Ланцу-Либенфельсу надо было всего лишь дать собственную интерпретацию этому символу, который и без того был знаком, более того — навязан широким слоям европейского населения. Основатель «Ордена новых тамплиеров» только лишь превратил обезьян в чандалов, дал своей конструкции мистическую трактовку. Нечто подобное он уже проделывал с барельефом из аббатства Святого Креста.

Впрочем, связь Ланца-Либенфельса не ограничивается трактовкой бессознательных символов. Весьма интересным будет проследить его отношения с художником Карлом Вильгельмом Дифенбахом и его не в пример более талантливым учеником Хуго Хёппенером, который был известен немецкой публике под именем «мастер Фидус». Это было не просто совпадением политических взглядов, но и эстетических предпочтений. То, что эти отношения все-таки имелись, а не являются гипотетическим предположением, доказывает обложка журнала «Остара» за 1930 год, которая была подготовлена Фидусом. Художник в своей излюбленной манере изобразил обнаженную фигуру, которая утопала в лучах восходящего солнца. Тот факт, что Ланц-Либенфельс обратился к известному и модному немецкому художнику с просьбой подготовить обложку для обновленного издания «Остары», однозначно указывает на то, что оба они поддерживали тесные контакты друг с другом. «Остара» была слишком вызывающим журналом, чтобы художник с мировым именем мог взяться за его оформление, не испытывая при этом симпатий к «Ордену новых тамплиеров». Кроме этого Ланц-Либенфельс не раз утверждал, что учитель Фидус а Дифенбах также был «новым тамплиером». Так кем же были эти художники, учитель и его гениальный ученик?

Карл Вильгельм Дифенбах первоначально был германским подданным. Он родился в 1851 году в Гессене в городе Хадамар. Позже он перебрался в Мюнхен, где в 1875 года сделал свои первые графические работы. Это были черно-белые рисунки, которые можно с уверенностью назвать первыми ласточками немецкого модерна. Очень быстро Дифенбах присоединился к движению «всеобщего преобразования жизни» («жизненных реформ»). Это движение было ориентировано на критику буржуазного общества и возвращение к силам природы. В некоторых моментах оно весьма напоминало классических немецких фелькише, особенно в части неприятия современной цивилизации. Дифенбах сразу же увлекся лечением травами, «культурой свободного тела» (движение, предшествующее нудизму), вегетарианским питанием. Он ходил босиком в халате, который сшил по спроектированным им самим образцам. Это одеяние менее всего напоминало халат, а походило на рясы средневековых нищенствующих монахов.

Жители Мюнхена относились к нему как к чудаку, но, все-таки отдавая дань таланту Дифенбаха, благосклонно называли его «апостолом кольраби[8]». Дифенбах же никогда не умел обращаться с деньгами, а потому постоянно пребывал в долгах. По этой причине почти всегда имелось несколько кредиторов, которые хотели вернуть свои средства. Несмотря на это, художник имел в собственности земельный участок, на котором располагалась открытая каменоломня, а также домик на реке Изар. Там он жил время от времени, там же давал уроки своим ученикам, среди которых был Хуго Хёппенер. Поскольку почти все последователи и ученики Дифенбаха были сторонниками «культуры свободного тела», то это стало поводом для обвинения художника в аморальном поведении, что в итоге привело к судебному процессу, закончившемуся вынесением незначительного штрафа. Штраф был выписан не по предмету

судебного разбирательства, а из-за «неуважения к суду», которое якобы Дифенбах проявил, когда появился босиком и в своем специфическом халате.

Дифенбах очень ценил Хёппенера, о чем говорит хотя бы тот факт, что именно учитель прозвал своего ученика «мастер Фидус». С этим именем Хёппенер прожил до самой смерти. Впрочем, когда между учителем и учеником произошел конфликт, то Дифенбах пожалел, что дал юноше столь звучный псевдоним. После этого он предпочитал употреблять имя «Инфидус», что на латыни означало «коварный». Сам же Фидус стал одним из первых иллюстраторов немецкого журнала «Югенд» («Молодость»), который, собственно, и дал начало «югенд-стилю», позже превратившемуся в модное слово «модерн». Поскольку Дифенбах часто болел, то Фидусу нередко приходилось помогать ему, завершая живописные и графические работы. Однако во многих случаях это было более чем проблематично. Примером такой «совместной» работы стал длинный фриз, который назывался «Через тернии — к звездам». Очевидно, что его основная концепция принадлежала Дифенбаху, но Фидус приложил руку к его созданию. По этой причине длинная складная работа (фриз никогда не умещался на одном листе) всегда печаталась с указанием, что автором являлся Дифенбах, а после этого следовала приписка «С помощью бывшего ученика Фи-дуса». В некоторых исторических и искусствоведческих работах даже указывается, что автором был все-таки Фидус. Части фриза «Через тернии — к звездам», на которых было изображено шествие молодости, нередко воспроизводились и копировались. Так, например, на его основе в Габлонце были созданы стеклянные витражи.

Ланц-Либенфельс, вне всякого сомнения, принадлежал к числу почитателей талантов Дифенбаха. На это указывает хотя бы то обстоятельство, что отдельные части фриза не раз воспроизводились в литературе «Ордена новых тамплиеров». Когда одна из иллюстраций была напечатана в «Имагинариуме», то под ней значилась подпись, из которой следовало, что Дифенбах был братом «Ордена новых тамплиеров». Между ним и Ланцем-Либенфеяьсом было очень много общего. Оба были сторонниками «всеобщего преобразования жизни», оба были убежденными антисемитами. Хотя имелись некоторые различия. Дифенбах был убежденным пацифистом, чего нельзя было сказать про Ланца-Либенфельса. Однако подобного рода «мелочи» никогда не мешали принимать новых братьев в «Орден новых тамплиеров». Точно нельзя сказать, когда познакомились Ланц и Дифенбах. Для этого имелось превеликое множество возможностей. Одна из них появилась, когда художник по приглашению «Австрийского художественного союза» выставлял свои работы в Вене. Выставка открылась 18 февраля 1892 года. В то время Густаву Климту было 30 лет, а Ланцу — 18 лет Сохранились сведения, из которых следовало, что выставку посетило около 80 тысяч человек. Отзывы, оставленные посетителями, составили 40 больших страниц — их можно было бы издать отдельной книгой. Позже выставки Дифенбаха проходили в Вене еще не раз.

Если немного отойти от проблем искусства, то надо отметить, что одним из практических начинаний, которым планировал заняться Ланц-Либенфельс, была реформа патентного права. В ранних выпусках журнала «Остара» он давал объявление, в котором заявлял о том, что разыскивает изобретателей и обладателей патентов на изобретения. Он предполагал, что эти люди были заинтересованы в изменении существующей ситуации. Один из номеров «Остары» (№ 24) был полностью посвящен проблеме юридических вопросов, связанных с патентами на изобретения. Почему же Ланц-Либенфельс заинтересовался техническими изобретениями и их патентованием? Судя по всему, эта мысль не давала ему покоя очень давно. Еще в 1896 году во время беседы с Августом Стриндбергом он заявил, что «занимался аналогичными и родственными науками, а потому решил взяться за дело и запатентовать свои изобретения». Позже он писал об открытиях Стриндберга, которые в большинстве случаев были совершенно бессмысленны (в указанное время) с научной точки зрения: «Из собственного опыта я знал, что открытия Стриндберга были слишком ценны и нуждались в практической оценке. Однако для этого требовалась большая сумма денег, которая ставила под сомнение буквально все. В

дальнейшем существовала немалая опасность, что такие изобретения будут либо украдены, либо будут сделаны аналогичные».

Нельзя сказать, что это направление деятельности Ланца-Либенфельса было совершенно безуспешным — ему все-таки удалось получить несколько патентов. Исследователь Вильфрид Дайм смог найти лишь три из них. В «Немецком патентном каталоге» за 1900 год значились сведения о первом патенте Ланца-Либенфельса. Всего же он получил четырнадцать патентов, однако суть изобретений удалось установить лишь в трех случаях. Перечислим патенты, обнаруженные Даймом.

№ 1227—38 (1900) — настольная военная игра;

№ 155969 (1902) — механизм железнодорожной блокировки;

№ 158208 (1903) — привод для транспортных средств.

Желая проверить, насколько грамотными были указанные изобретения, Вильфрид Дайм направил их на экспертизу профессору Герхарду Генриху из Венского технического университета. В ответ было получено следующее заключение:

Венский технический университет
Кафедра общей механики
и графической статики
Вена IV, 28 января 1956
Карлсплац, 13

Отзыв

О патентах д-ра Георга Ланца
DRP155969/1902 и DRP158208/1903

По просьбе доктора В. Дайма я ознакомился с указанными выше патентами д-ра Георга Ланца и могу вынести по поводу их следующее заключение.

Обнаруженные в обоих патентах изобретательские идеи полностью базируются на реалистической точке зрения, а также безупречны с физической и технической точки зрения. Однако указанные конструкторские и технические новшества не стоит рассматривать как исключительно талантливые. Они могут принадлежать любому одаренному человеку. Поскольку в настоящий момент данные изобретения можно рассматривать как принципиально устаревшие, то мне сложно оценить их техническую стоимость на момент получения патента.

Профессор Г. Генрих

Наверное, это было самое неожиданное открытие, которое касалось Ланца-Либенфельса. Оказывается, он мог проявить себя как реалист, а не как фантаст-расист или мистик. Однако самой большой проблемой оставалось то, что в патентах Георг Ланц значился как «доктор», то есть он должен был иметь университетское образование. Если учесть, что Ланц покинул аббатство Святош Креста в 1899 году, а первый патент получил в 1900 году, то получается, что он всего лишь за год окончил одну из высших школ! Если говорить о Венском университете, то в списках выпускников за 1898–1900 годы его имя не значится. Он, конечно, мог получить образование и в другом университете, но это было весьма затруднительно. Как бы то ни было, но случай с патентами позволяет оценить Ланца-Либенфельса как исключительно талантливого человека, обладающего интеллектом для получения докторской степени (по немецкой системе).

У истории с патентами было свое продолжение. Ланц-Либенфельс в определенный момент упомянул так называемые американские патенты. Сам он описывал случившееся

следующим образом: «Во время мировой войны морское ведомство Соединенных Штатов Северной Америки реквизировало мои патенты, которые относились к конструкции самолетов и подводных лодок. И это в то время, когда я не был враждебным иностранцем. Я никогда не объявлял Соединенным Штатам войну! Я не получил никакой компенсации. Мне лишь оставалось утешаться мыслью, что мне выпала такая сомнительная честь. После этого каждый мог сказать, что мои изобретения не были бессмысленными». В другом месте Ланц-Либенфельс рассуждал о той же самой истории: «Я могу похвастаться тем, что оказался жертвой государства духовных воришек. В нем даже военное и морское министерство являются воришками». Отдельного упоминания достойны сведения о том, что в свое время Ланц-Либенфельс зсл технические дискуссии в ресторане «Золотой шар», где присутствовал инженер Вильгельм (Василий Васильевич) Кресс, один из пионеров австрийской авиации. После этого станет понятным, что изобретения Ланца-Либенфельса все-таки стоит принимать всерьез.

Глава 6

ЛАНЦ-ЛИБЕНФЕЛЬС И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЕЛИЧИНЫ

После организации «Ордена новых тамплиеров» Ланц-Либенфельс совершал множество поездок по Центральной Европе. Во время пребывания в Швейцарии он познакомился с Лениным. Подробности этой встречи были изложены Ланцем-Либенфельсом в 1934 году. Он писал: «Господь терпит демонов, чтобы чандалы смогли стать палачами чандалов. Чингисхан, Ленин, Троцкий, Бела Кун и прочие политические и «социальные» отбросы человечества должны были прибыть в этот мир, чтобы стать палачами чандалов. Вы можете возразить: эти же люди уничтожали арийцев! Я Вам отвечу: все правильно, но Вы думаете, эти арийцы были невиновными? В 1904 году я послал «Теозоологию» различным русским господам, входившим в окружение царя (барон Фредерикс, князь Урусов, и нескольким прибалтийским баронами при императорском дворе). Я хотел, чтобы с ними ознакомились, а кроме этого просил предупредить о страшной угрозе, нависшей над ними. Я натолкнулся не только на полное непонимание сути расы и сословий, но и убедился в том, что «Теозоология» была запрещена в царской России. За ее распространение полагался тюремный срок. С другой стороны, я случайно познакомился с Лениным. Мы беседовали с ним не более часа. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что он основательно проштудировал мою «Теозоологию». Прощаясь, он мне иронично произнес: «Мне обидно за Вас! Ваши идеи верные! Однако реальностью станут наши контридеи. Так как христиане и арийцы, к которым Вы обращаетесь со своими идеями, более не являются ни христианами, ни арийцами. Это свиньи, которых Вам не понять. Они депортировали меня из страны. Была бы возможность, они бы и Вас посадили в тюрьму!» Я вынужден признать правоту главаря большевиков, так как я имел возможность убедиться в прошлом и убеждаюсь и по сей день, что моими самыми непримиримыми и оголтелыми противниками являются высокородные консерваторы и так называемые фёлькише-националы. Единственными, кто понял меня, были лорд Китченер и Ленин. Они извлекли свои уроки. Один — во имя англичан, другой — во имя недочеловечности…

Ленин-Ульянов дал мне и всем нам тот же самый урок, что и святой Бернар. Но все же! Ленин, Троцкий и прочие антихристианские враги арийцев были теми, кто, с одной стороны, преследовал утративших расовое сознание продажных арийцев и потерявших веру христиан, с другой стороны, они пробуждали сознание христиан и арийцев, которых еще можно было спасти. Мне бы не удалось этого сделать своими книгами и воззваниями. Если бы не было

Ленина и Троцкого, то меня бы никогда не стали слушать. Если бы их не было, то не наступила бы эпоха арийского Возрождения, которая теперь переходит от одного народа к другому».

Прежде чем проанализировать приведенный выше рассказ Ланца-Либенфельса, надо обратить внимание на некоторые детали, которые передал основатель «Ордена новых тамплиеров» своим знакомым и сподвижникам. В частности, он указал, что встречу Ленина и Ланца-Либенфельса организовала некая русская баронесса, которой «импонировали расовые явления». Установить, кто была эта русская баронесса, в настоящее время не представляется возможным. Однако в 50-е годы в своей книге Вильфрид Дайм высказал предположение, что это была Елена Петровна Блаватская. Поскольку в указанные годы теория «оккультного рейха» еще не была столь популярной, как в настоящее время, а само имя Блаватской не кочевало из статьи в статью и из околоисторической литературы в откровенно фантастические произведения, то эта версия выглядела не только смелой, но даже в чем-то оригинальной. Вильфрид Дайм писал: «Эта дама играла немалую роль в русских эмигрантских кругах. Именно она способствовала установлению контактов между Лениным и немецкими дипломатами в Берне, что в итоге привело к германской поддержке большевиков. Она была основательницей теософии, от которой позже со своей антропософией откололся Рудольф Штайнер. Так как между всевозможными мелкими группами имелась возможность установить контакт, даже если представители этих групп исповедовали взаимоисключающие доктрины, то само собой напрашивается мысль о связи Ланца и Блаватской. Беседа произошла в Лозанне, и Ленин мог предложить в том числе Ланцу присоединиться к своему движению». В указанном отрывке столь огромное количество неточностей и исторических ошибок, что едва ли стоит использовать эту версию как рабочую. Лучше удовлетвориться тем, что Ланц передал своим знакомым, что встречу с Лениным организовала некая аристократка.

Однако сама мысль о том, что Ленин встречался с Ланцем-Либенфельсом, не кажется совсем уж фантастической. Политизированные эмигранты, находившиеся в Швейцарии, были неплохо знакомы друг с другом и вращались в одних и тех же кругах. Впрочем, содержание беседы в изложении Ланца-Либенфельса не вызывает однозначного доверия. Нет никакого сомнения в том, что Ленин искал союзников, но едва ли он воспринимал в качестве таковых расистов из «Ордена новых тамплиеров». Читал Ленин «Теозоологию» или нет, установить, наверное, не удастся никогда. Впрочем, некоторые из деталей рассказа Ланца-Либенфельса указывают на то, что его беседа с Лениным все-таки имела место быть. Во-первых, достаточно точно подмечена ирония в отношении очевидного противника. Кроме этого слово «контридеи» весьма подходило для марксистского лексикона. Не исключено, что Ленин осознавал, что мистический расизм имел огромный политический потенциал. С этой точки зрения понятно, почему он мог изучить «Теозоологию».

Однако утверждение Ленина о том, что «реальностью станут наши контридеи», высказанное до начала Первой мировой войны, может восприниматься либо как бахвальство, либо выдумка самого Ланца-Либенфельса. Дело в том, что до определенного времени Ленин не верил в возможность реального прихода к власти в России не только большевиков, но даже российских социал-демократов. Вообще с марксисткой точки зрения идеология «новых тамплиеров» мота восприниматься исключительно как расово-мистическое оправдание системы эксплуатации нижних слоев общества. В любом случае беседа «главаря большевиков» и человека, которого нередко относят к «духовным предвестникам национал-социализма», не лишена своего метаисторического «обаяния», так как именно российский большевизм и германский национал-социализм фактически определяли весь XX век.

Во время работы над диссертацией, посвященной творчеству и общественной деятельности австрийского сатирика и поэта Фрица фон Герцмановски-Орландо, польский германист Марек Перликивиц обнаружил статью, которая в 1932 году была опубликована в «Журнале духовного и научного реформирования — Ариософия». Ее автором был указанный Герцмановски-Орландо. Сама же статья называлась «Чем я обязан Ланцу-Либенфельсу». В ней

говорилось: «Нет ничего более удручающего, чем видеть, что наш мир, который является Божественным садом, пришел в запустение и покрыт сорняками. Самые прекрасные цветы в этом саду чахнут. Это дети света с золотыми локонами и тазами цвета сапфира, которые созданы по образу и подобию Бога… Это сад уничтожается дьяволом, отцом лжи и всевозможных комитетов. Мир разрушается его слугами — чандалами. И ни один из них не понес ответственности за это. Они подарили нам костры и чуму, оспенные язвы, сифилис и войны, которые неизменно направлены против ариогерманцев. Мы должны благодарить их за нищету, за темноту глупости, за извращение права и религии, которые искажены до неузнаваемости. Пришло время изменить мир. Мы можем и должны способствовать этому».

Как видим, Герцмановски-Орландо фактически повторяет основные тезисы, изложенные в работах Ланца-Либенфельса. В этом нет ничего удивительного, если знать, что этот австрийский поэт и общественный деятель состоял в «Ордене новых тамплиеров» под именем фра Арчибальд. Он приложил свою руку к формированию комплекса идей «новых тамплиеров». Герцмановски-Орландо писал: «В самые древние времена Фрейзинк был Фрейбургом (замком Фреи), который населяли феи, прекрасные девушки, подобно хагадизам они повиновались воле княгини мира, как звали Афродиту, она же Фрея или Ир. Они следовали законам божественной материи, соблюдали законы чистого зачатия. Для них тщательно подбирали пару, чтобы можно было произвести на свет детей, от которых пошел прекрасный и светлый человеческий род. Эти люди проникали в мир, в то время населенный немногими зверолюдьми». Построенное Ланцем-Либенфельсом расистское и гностическое «арийское христианство» было дуалистическим, а потому весьма жестким. С одной стороны, оно отличалось женоненавистничеством, но, с другой стороны, превозносило качества женщин, следовавших своему долгу. Ланц-Либенфельс писал в одной из работ: «Сегодня чандалы исказили и подчинили себе истинное христианство, главной целью которого являлось очищение человеческой расы от паразитов, получивших демоническую возможность использовать сексуальность женщин высшей расы».

Подобного рода построения оказались положены в основу работ одного из ближайших сподвижников Либен-фельса, Теодора Чспля, который в 1931 году опубликовал брошюру, посвященную культу «арийской Богоматери». По большому счету Теодор Чепль вторил многочисленным авторам из фёлькише-движения, когда утверждал, что «культ Богоматери» («материнский культ») имел своей истинной целью «формирование богочеловечества», для чего должна была использоваться расовая селекция. Чепль видел причины искоренения данного культа в том, что в «арийское христианство» стало примешиваться «восточное иудейство», что не могло не вызвать сопротивления и протестов. Борьба между «арийцами» и «иудеями» в рамках христианства достигла своего пика как раз в том момент, когда представители «низших рас» и евреев инициировали преследование ведьм, которое превратилось в многочисленные процессы: «Сжигались бесчисленные матери племен героической расы вместе со своим нерожденным потомством белокурых сынов асов. Под крики потерявшей человеческий облик черни живодеры тащили их к месту расправы. Разведенные костры поглощали светловолосых девушек, освобождая их дух от бесчеловечных страданий. Это были самые страшные истязания, которые только можно было причинить. Никакие животные не обращались столь жестоко, как обходились недочеловеки, чандалы с арийской расой». Подобно Гвидо фон Листу Теодор Чепль полагал, что «мудрые германские женщины» обладали вполне конкретными магическими способностями. Чепль считал, что они являлись «превосходными расовыми посредницами», «арийскими прародительницами», которые обладали «знаниями Первой Матери». Как и во многих фёлькише-доктринах Чепль сосредотачивал свое внимание на расовой селекции. Он писал: «Эти мудрые женщины именовались хагадизами, что было превращено в современное слово «хексен», ведьма. Они обладали глубокими знаниями не только о первоисточниках жизни в целом, но и о

выращивании и сохранении арийского человечества в частности. Силы арийской расы могли быть подорваны только в том случае, если бы удалось уничтожить «знания Первой Матери».

В поле зрения Ланца-Либенфельса попадали не только немцы и политические эмигранты, но видные деятели Великобритании. Лорд Китченер был, наверное, самой типичной фигурой, представлявшей британскую политику периода расцвета колониальной империи. Он словно был символом власти европейского государства над колониями, белого человека — над цветным. Он вел бесцеремонную борьбу против чернокожих, коих Ланц-Либенфельс полагал «низшей породой». Нет ничего удивительного, что подобная фигура должна была импонировать предводителю «новых тамплиеров».

Лорд Горацио Герберт Китченер, фельдмаршал Его Величества, проделал долгий жизненный путь и сделал блестящую карьеру. Он родился в 1850 году в Ирландии. Во время Франко-прусской войны он добровольно сражался против немцев. В 1874 году он был направлен служить на Ближний Восток. В 1892 году он стал верховным командующим египетской армией. Он смог захватить ряд территорий, в том числе Судан. Наибольшую известность в мире приобрели его победы в сражении близ Хартума и Омдрумана. Ланц-Либенфельс не мог скрыть своего восхищения этим британским агрессором. «В генеральных штабах военные в силу своей необразованности совершенно не обращают внимания на расовое учение… В противоположность этому Китченер еще в довоенное время занялся изучением рас, он создал подобие расового отбора. Он беспощадно посылал в бой цветных, но не использовал высшие расы, пока обладал достаточным количеством резервов». Или: «В этом отношении Китченер, Джоффре и Хай были решительно лучше, так как до прибытия американцев они благодаря бесцеремонному использованию цветных подразделений смогли решить проблему».

В Фашоде Китченер принудил французов сдать позиции. В 1899 году он стал генерал-губернатором Судана. В 1899 году он был направлен в качестве командующего на Англо-бурскую войну, которую ему удалось закончить к декабрю 1900 года. Остается непонятным, вызвало ли у Ланца-Либенфельса восхищение уничтожение Китченером светлокожих буров, которые являлись потомками немецких и голландских переселенцев. В 1902–1909 годах Китченер был главнокомандующим британскими войсками в Индии. В 1910 году он возглавил британские войска, находившиеся в бассейне Средиземного моря. На следующий год назначен генеральным консулом в Египте. Эта служебная карьера отражалась на дворянских титулах, которые ему присваивались. В 1898 году он был произведен в бароны, в 1902 году — в виконты, в 1914 году стал лордом.

Накануне Первой мировой войны Ланц-Либенфельс направил Китченеру подборку журналов «Остара». До сих пор остается загадкой, знал ли Китченер немецкий язык, а потому непонятно, мог ли он перевести присланные ему журналы. Во всяком случае, Ланц-Либенфельс утверждал, что Китченер принадлежал к категории читателей «Остары». Сам же глава «новых тамплиеров» писал: «Блондины арийской героической расы, принадлежащие к разным народам, должны объединиться. «Остара» призвана подготовить это объединение, журнал служит исключительно этой цели. Из небольшого вестника за 17 лет она превратилась в пункт средоточия всех просветленных людей арийской расы. Мне достаточно только назвать двух читателей «Остары»: лорд Китченер и Август Сгриндберг». В кругу близких друзей и единомышленников Ланц-Либенфельс не раз рассказывал о том, что состоял в переписке с Китченером и якобы лорд слал ему воодушевленные письма. Однако поскольку они находились в замке Мариенкамп в Венгрии, который сильно пострадал в последний год Второй мировой войны, то после 1945 года эта переписка считается утраченной.

Ланц-Либенфельс вспоминал Китченера и в связи со своей встречей с Лениным («Единственными, кто понял меня, были лорд Китченер и Ленин. Они извлекли свои уроки. Один — во имя англичан, другой — во имя недочеловечности»). Вне всякого сомнения, Ланц-Либенфельс переоценивал влияние, которое он якобы мог оказать на британского лорда. Едва

ли некий австрийский журнал «Остара» мог оказать реальное влияние на формирование британского политика, который был плоть от плоти колониальной империи.

Если говорить о дальнейшей судьбе Китченера, то в 1916 году он ввел в Великобритании всеобщую воинскую повинность. После этого он получил приглашение от Николая II прибыть в Россию. Он должен был прибыть в Российскую империю на броненосце «Гемпшир». Однако во время этой экспедиции корабль налетел на мину и затонул вместе с экипажем и лордом Китченером. Ланц-Либенфельс не раз рассуждал о деятельности Китченера в годы Первой мировой войны: «Единственным, кто занимался стратегией в мировом масштабе, кто применял при тактическом планировании учение о расах, был лорд Китченер. Европа с самого начала была второстепенным театром боевых действий. Ужасная шумиха и не менее ужасная бойня, вызванные тесными фронтами и близкими позициями, были для него незначительным действием. Он вбивал железные клинья армии в самых расово слабых местах Средиземноморья (Салоники), в Суэце, в Палестине, в Персидском заливе. Он направлял их к Багдаду». По поводу гибели Китченера Ланц-Либенфельс предавался следующим рассуждениям: «Известно, что вожди русского иудео-большевизма по инициативе Бетманна-Холльвега, Ратенау, Баллинса и других евреев были направлены из Германии в Россию. Они специально оплачивали разжигание там революции. Китченер пропал, когда он как раз направлялся в Россию, чтобы спасти русское царство».

В 40-м выпуске журнала «Остара» (1910), который вышел под заголовком «Расовая психология заимствованной жизни. Обнищание блондинов и обогащение темноволосых», имелось примечание, сделанное Ланцем-Либенфельсом. Именно оно сыграло ключевую роль в полемике с Карлом Краусом. Тот факт, что Краус ссылался во время дискуссии на слова Ланца, позволяет судить о том, что он все-таки читал «Остару». Есть, конечно, минимальная возможность того, что кто-то специально показал Краусу указанный выпуск журнала, но первое предположение кажется более правдоподобным. Итак, Ланц-Либенфельс рассуждал в том числе о том, что был готов признать еврейские достижения, но только в весьма ограниченной форме. Глава «Ордена новых тамплиеров» был готов пойти на этот шаг, если у соответствующих евреев имелись ярко выраженные ариогероические черты или европейские расовые признаки. Краус решил использовать эту фразу. Сразу же надо оговориться, что накануне Первой мировой войны Карл Краус, издававший журнале «Факел», был одной из самых значительных личностей в венском обществе. Опубликованная в «Факеле» статья называлась «И все-таки он — еврей». Поводом для нее стало письмо одного читателя, которое пришло в редакцию «Факела» в октябре 1913 года. Его текст был таковым: «Уважаемый господин! То, что Вы в последнем номере «Факела» опубликовали письмо читателя, в котором даже имелось утверждение, что он является евреем, я не могу рассматривать в качестве доказательства Вашего личного мужества. Если же хотите продемонстрировать собственное мужество и желание докопаться до истины, Вы должны ответить на два вопроса. Эти вопросы уже давно беспокоят всех Ваших читателей. Ответ для них является психологической загадкой, как лично для меня, так и для всех читателей.

1. Полагаете ли Вы, что Вам ничего не присуще от качеств евреев?

2. Какие выводы Вы делаете из предложений расовых антисемитов, с которыми соглашается даже Ланц-Либенфельс, заявляющий: «Нельзя оставить свою расу»?

Я полагаю, что в Ваших же интересах начать дискуссию с читателями, необходимость которой просто назрела».

Карл Краус отвечал на это письмо на страницах журнала: «Я придерживаюсь совершенно иного мнения и не думаю, что дискуссия с моими читателями является сколько-нибудь необходимой. Не вижу смысла вести ее по любым вопросам. Я также не считаю, что в моих интересах получать письма, а я их постоянно получаю, и заниматься решением проблем в них

изложенных. Не мое это дело — своей головой пробивать стены для других людей… Далее я должен отказаться от демонстрации собственного мужества и чувства справедливости. С этими заданиями я как-нибудь справлюсь и без посторонних побуждений. Так как мой рабочий день полностью расписан и мне приходится работать сверхурочно до самой ночи, то не хотелось бы вовсе заниматься доказательством чего-либо… Кроме этого хотелось бы отметить, что я не намереваюсь по неосторожности высказывать свои мысли о столь значимых вопросах, как расовая проблема. Моя неподготовленность в данном вопросе является причиной того, что я едва ли могу сказать что-то определенное по проблеме расы. Мне не хотелось бы показаться завсегдатаем клуба, которому всегда есть что сказать по любой проблеме. Не исключено, что доктор Ланц-Либенфельс, на которого вы ссылаетесь, может быть, и понравился бы мне как спаситель ариогерманского мира. Но я совершенно не знаю, откуда господа антисемиты взяли фразу «Нельзя оставить свою расу». Для меня это столь же невыносимо, как школьные проверки выученного урока. Однако я имею подспудное чувство, что нельзя оставить жизнь и при этом не совершить самоубийство. Можно лишь вести духовную жизнь, которая оказалась безнадежно разрушенной, если вы решились лишить себя жизни. По аналогии я полагаю, что можно было бы оправдать высшее положение расы, что не запрещено никакой расе и вообще никому. Не исключено, что я мог бы ненавидеть качества, которые я бы тщетно пытался определить как еврейские… *Я* не ориентируюсь в расовых вопросах… Вам бы я мог ответить сотней способов, но рекомендую все-таки обратиться к Ланцу-Либенфельсу, который подходит к проблеме все-таки как исследователь, а не оратор на партийном собрании… Для ответа на указанные вопросы, я отсылаю к 40-му номеру ежемесячника «Остара». Ланц отнес меня к евреям. Наверное, он обладает какими-то источниками, которыми не обладаю я. Позволю себе процитировать один отрывок, не столько из тщеславия, сколько для удовлетворения любознательности: «В принципе евреи — это средиземноморская монголоидная смешанная… однако от белокурого типа евреев происходит множество гениев. Которые отличаются высоким интеллектом, отчасти достойным уважения характером, а азиатские черты в них совершенно не выражены. К этому интеллектуальному типу с аристократическим мышлением принадлежат Генрих Гейне, Спиноза, издатель венского «Факела» Карл Краус». Как видите, почитаемый Вами исследователь весьма существенно помог мне».

Поскольку Ланц оказался невольно втянутым в полемику, то он решил дать ответ через журнал «Бреннер» («Горелка»). Его статья называлась «Краус и расовая проблема». Она начиналась словами: «Тот, кто когда-нибудь видел Карла Крауса, сразу же согласится, что в его облике нельзя обнаружить ни монгольских, ни средиземноморских черт… у него темно-русые волосы, которые в детстве, наверняка, были совершенно светлыми. У него прямоугольный лоб, верхняя часть лица весьма напоминает ариогероическую пластику. Глаза у него серо-голубые. Я никогда не общался лично с Карлом Краусом, а потому не знаю, каков у него объем черепа… При такой внешности Карл Краус существенно отличается от большинства евреев. Он в большей степени напоминает героический расовый тип, нежели какие-то иные. Это станет понятным из процесса становления Крауса. Он с самого начала пребывал не в собственном окружении, но должен был идти как человек героической расы с людьми низших и смешанных пород (чандалы). Ему было безразлично, сталкивался ли он с крещеным или обрезанным. Но поскольку Краус вышел из недр своей расы, он не стал яростным противником чандалов». После этого Ланц-Либенфельс сформулировал весьма интересную мысль: «Героический человек по своей природе является человеком гениальным. Карл Краус — это гений, истинный гений, так как его деятельность носит творческий и новаторский характер. И одно это говорит о его расовой сути». Ланц-Либенфельс применил хитрый прием из арсенала логики: все ариогероики — гении, Краус — гений, значит, он по своей сути является ариогероиком.

Указанный спор однозначно показывает, что еще накануне Первой мировой войны в расовом вопросе не было какой-то определенности. Даже сам Краус демонстрирует в

отношении Ланца-Либенфельса некую двойственность. С одной стороны — он иронизирует по его поводу, с другой — воспринимает как серьезного исследователя. Кроме этого он обстоятельно цитирует статью, которая была опубликована в «Остаре».

Этот пример показывает, что Ланц (хотя и очень редко) пытался показать расовое смешение как некую внутреннюю проблему самого человека. Как-то он утверждал, что не имеется ни одного стопроцентного ариогероика, а потому расово-моральная проблема может быть актуальной для каждого человека. Глава «Ордена новых тамплиеров» писал: «Каждый должен найти внутри себя чандала, после чего должен учиться правильно относиться к нему, чтобы в итоге преодолеть». В ситуации с Карлом Краусом Ланц допускал в теории, что каждый еврей мог иметь в себе хотя бы небольшое количество арийской крови, а потому мог подавить в себе чандала. В данном случае он объяснял свой антисемитизм тем, что чандал, живший в еврее, в большинстве случае был сильнее ариогероика. Но это не значило, что Ланц не допускал некоторых исключений: «Евреи единственная историческая раса, которая перемешивалась с отбросами погибших культурных народов. Однако они являются живыми свидетелями страданий Фройя, смерти древних героических народов и древнего человечества».

В узком кругу друзей Ланц-Либенфельс рассказывал о том, что как-то еврейская община Вены просила предоставить в распоряжение замок Верфенштайн, чтобы отпраздновать там Суккот. Кроме того, сохранились документы, которые доказывали, что Ланц был дружен с кандидатом в раввины Морицом Альтшулером. Однако тот так и не стал раввином, поскольку показался еврейской общине слишком сомнительной личностью.

Глава 7

ЖУРНАЛ «ОСТАРА»

Как уже говорилось выше, Ланц-Либенфельс учредил журнал «Остара» в 1905 году. Это был в высшей мере странный журнал хотя бы потому, что некоторые из его номеров перепечатывались на протяжении 1905–1931 годов по нескольку раз. Однако для начала надо задаться вопросом, почему для журнала было выбрано именно такое название? Ланц имел для этого несколько причин. В одной из своих работ он цитировал староанглийского писателя Беду Достопочтенного, который упоминал, что древние английские племена назвали пасхальный месяц Эостра. Ланц-Либенфельс предположил, что так могли звать богиню, которая в иных племенах могла назваться Остарой. Он представлял ее как «божество, связанное с весной и светом». Хотя бы по этой причине Ланц-Либенфельс мог дать своему журналу имя германской богини весны, так как полагал, что именно с его издания в истории человечества начнется новая эра процветания («весна»). Однако подобная версия является отнюдь не единственной. Кроме этого Ланц-Либенфельс как-то высказал мысль о том, что восточные готы, то есть остготы, назвали себя в честь германской богини. Подобная интерпретация с исторической точки зрения выглядит более чем сомнительной, хотя и не исключает возможности, что сам Ланц-Либенфельс мог верить в подобное странное предположение. Далее Либенфельс выводил название Австрии (Остеррайх) от названия пламени остготов, а стало быть, от богини Остара.

Поскольку в рамках данной книги нас нисколько не должно интересовать сугубо научное происхождение название страны Австрия, то имеет смысл обратить внимание на некоторые моменты в построениях Ланца-Либенфельса. Он после предпринятых изысканий пришел к выводу, что изначально германская богиня Остара была превращена в Марию, то есть мадонну. Он полагал, что культ Остары был всего лишь трансформирован в культ Богоматери —

католическая церковь только поменяла имена. В подтверждение этого он приводил следующую конструкцию: 25 марта католическая церковь праздновала Благовещение, то есть праздник, когда Дева Мария узнала, что должна родить Богочеловека. Ланц-Либенфельс утверждал, что «в это же самое время в северных божественных рощах и храмах производился отбор ариогероической молодежи, которая должна была соединиться для чистой (расовой) и благородной любви». То есть на свет должны были появиться благородные ариогероиче-ские дети (богочеловеки). Далее Ланц-Либенфельс утверждал, что «Остара является матерью племен благородной, белокурой, ариогероической расы». Наконец, Ланц-Либенфельс цитировал Якоба Гримма, которой обозначал Остару как «божество сияющего утра и восходящего света», что позволяло ее ассоциировать с немецким названием Пасхи — Остерн.

Ланц-Либенфельс писал: «Только теперь мы понимаем, что означают карнавальные праздники, когда обряженные в звериные шкуры куклы либо прогоняются, либо сжигаются, либо бросаются в воду. Это означает не только торжество светлой богини Остары, которая прогоняет темную зиму, но также героическую борьбу ее светлокожих, белокурых сыновей, которая заканчивается победой над темными демонами, то есть зверочеловеками, обезьяноподобными существами, чья кровь до сих пор продолжает течь в темнокожих расах, которые живут и руководствуются судьбой своих нечеловеческих предков».

Сам же Ланц-Либенфельс со временем предпочел давать следующее объяснение, почему он назвал свой журнал именно «Остара»: «Вышеуказанные открытия побудили меня дать этому изданию имя матери племен этой расы. Самое священное и самое почтенное имя — Остара. Эго издание будет способствовать пробуждению и сохранению белокурой ариогероической расы во всех государствах и во всех народах! С этим священным именем и священным знаком мы хотим победить подобно тому, как побеждали наши предки. Мы должны либо победить, либо умереть в борьбе!»

Когда в 1905 году вышел первый выпуск журнала «Остара», то имел подзаголовок: «Австрийский журнал-листовка, ответственный редактор Й. Ланц-Либенфельс. Австрийские немцы за выборную реформу. Издательство «Остара», Родаун близ Вены». Несмотря на то что Ланц-Либенфельс являлся ответственным редактором «Остары», он не был автором, который написал материал для первого номера. До сих пор первый номер «Остары» остается «анонимным». Забегая вперед, надо сказать, что очень многие выпуски журнала выходили отнюдь не из-под пера Ланца-Либенфельса. Номера 1,2,5,6, 7, 8,9,11, 12, 13,14, 15, 16, 24, 25 были созданы несколькими авторами, но не самим предводителем «Ордена новых тамплиеров». Впрочем, все остальные номера по сотый включительно были и отредактированы, и написаны Ланцем-Либенфельсом. Когда в конце 20-х годов началось повторное издание «Остары» (точнее говоря, новой «Остары»), в ней размещались материалы преимущественно Ланца-Либенфельса. Исключение делалось только лишь для Иоганна Вальтари Вёльфля, которому было «дозволено» написать материалы для 101-го выпуска журнала. Когда для «Остары» не хватало материала, в ней просто-напросто перепечатывались книги Ланца-Либенфельса. Это, например, относилась к семи номерам конца 20-х годов, когда в них была воспроизведена «Теозоология». Поскольку Ланц-Либенфельс начал новое издание, то необходимо иметь в виду, что «Остара» № 1, выпущенная в 1930 году, принципиально отличалась от первого выпуска журнала, который увидел свет в 1905 году. Впрочем, это правило относится только к первым четырнадцати номерам, которые были написаны не самим Ланцем-Либенфельсом.

Первый номер «Остары», который Ланц-Либенфельс решил напечатать в Граце, еще не имел ничего общего с тем расистским журналом, который будет известен Австрии и Германии несколько лет спустя. Во втором номере, который вышел из печати в марте 1906 года, имелся подзаголовок «Выборные реформы, реформа бизнеса, реформа права». Здесь как бы содержится намек на истинные установки Ланца-Либенфельса, однако ни слова не говорилось про расовые цели. Более того, читателям обещалась беспристрастность, а задачи «Остары»

представлены как «намерение сплотить аристократический дух немецкой национальной жизни». Относительно безобидным выглядел даже третий номер журнала, который был издан в апреле 1906 года. Впрочем, он уже имел расширенный заголовок: «Остара» — австрийский журнал-листовка свободно-консервативной направленности». В нем приводился материал, который был посвящен самому Ланцу-Либенфельсу. Он носил весьма патетичное название: «Революция или эволюция? Свободно-консервативная пасхальная проповедь Й. Ланца-Либенфельса о господствующем положении европейской расы». На второй странице этого журнала можно было прочитать: «Остара» — первый и единственный свободно-консервативный журнал, который на практике хочет применить учение о расах, чтобы тем сам предотвратить при помощи науки свержение древней расы, сохранить европейское владычество от заката». Только после этого можно понять, о чем собственно говорилось во втором выпуске журнала. Теперь многие вещи выглядели совершенно по-иному.

С одной стороны, Ланц-Либенфельс решил использовать журнал, чтобы развить свои идеи, с другой — он намеревался превратить его в трибуну для оглашения этих идей. В третьем номере уже можно увидеть контуры идеологии «Ордена новых тамплиеров» с фразами, весьма характерными для «Теозоологии».

В указанное время наибольший интерес, наверное, представляет десятый выпуск «Остары», который вышел 13 октября 1906 года. В нем была опубликована большая статья «Антропогоника, первобытный человек и расы в древних исторических документах». В этом материале Ланц-Либенфельс предложил отказаться от терминов «ариец», «нордическая раса», «германская раса», а лишь использовать понятие «асинги», под которыми подразумевались светлокожие, светловолосые и голубоглазые люди-господа, которые были противопоставлены ванингам. Ланц-Либенфельс высказывал мысль: «Через все германские, то есть асиские мифы, красной нитью проходит идея о борьбе небесных богов с водными и земляными чудовищами, то есть асов с ванами. Эта борьба заканчивается смешением двух родов богов. Очевидно, что эти мифы являются расовой историей, где асы — это высшая, более благородная раса, а ваны — являются результатом половой распущенности, столь характерной для низших рас».

Когда Ланц-Либенфельс говорил об Апокалипсисе, изображенном в «Откровении Иоанна Богослова», то он опять прибегал к расово-мифологической интерпретации. «Небесный Адам, Христос» вновь изображался как представитель асиской расы, призванной, чтобы править миром. Моисей, все пророки и Спаситель якобы проповедовали только закон чистого расового отбора. Он писал: «Смешение означает задержку, отказ от развития. Чистый расовый отбор, напротив, является истинным прогрессом. Развитие мира еще не закончено. При чистом отборе мы удалим из тела человечества все бесполезное и ненужное, после чего мы сможем вновь приблизиться к божествам. Чистый расовый отбор — это счастливый путь, который приведет асискую расу в Асгард».

В конце концов, Ланц-Либенфельс обращался к мифологии. Когда он говорил о традиционном для Западной Европы понимании чудовищ, то приводил цитаты из Эдцы, в которой были описаны йотуны, «настолько могущественные, что никакой человек не смог бы жить в Митггарте». В интерпретации Ланца-Либенфельса это означало, что представителей «низших» рас было слишком много, а стало быть, их надо «сократить». Подобный призыв должен был подразумевать конкретные действия. Они не заставили себя ждать. В четвертом номере «Остары» были напечатаны рекомендации, при помощи которых он планировал подвести под «Орден новых тамплиеров» массовую базу. Он призывал читателей «Остары» присылать в редакцию адреса людей асиской расы, которые хотели бы сочетаться браком с аналогичными людьми, адреса изобретателей и владельцев патентов, которые были намерены изменить патентное право, адреса единомышленников, которые планировали внедрить в жизнь право военного трофея.

В том же самом номере «Остары» было напечатано стихотворение, которое называлось «Арийское бракосочетание». На первый взгляд могло показаться, что это брачное объявление, однако это было именно стихотворение:

Я ищу арийскую девушку или женщину
С волосами как золото и чистыми голубыми глазами,
Высокого роста и крепкого телосложения,
Настоящую германскую женщину.
Здоровые зубы и красные губы,
Благородное, открытое лицо,
Чисто арийский разрез глаз и арийский дух,
Они украшают ту, на которую мне укажет Фрейя.
Я крепко стою на ногах, я уверен,
Мне тридцать два года,
Я кельт — и во мне течет арийская кровь.
Поразмысли над этим.
Боги знают конец счастливой сказки,
Так как они мне послали журнал «Остара».
Слава и победа (хайль и зиг)!

Вышедший в марте 1907 года 14-й выпуск «Остары» назывался «Триумф Израиля». Он был написан неким Р. Фрайданком из Гамбурга. Этот автор жаловался читателям на то, что «еврейская раса оказывала исключительно благотворное влияние на христианство». В связи с этим он цитировал Гейне, который полагал, что «самой большой заслугой христианства» было смягчение «яростной германской воинственности». «Если кто-то разобьет крест, этот укрощающий страсти талисман, то дикость древних воинов, их бессмысленная ярость вновь вырвется наружу». Предсказание Гейне оказалось в буквальном смысле пророческим.

Следующий номер «Остары» вышел под заголовком «Полный вперед!». Это был некий сборник. Его содержание не представляется особо интересным. Гораздо более примечательно, что в выходных данных журнала стоял тираж — 100 тысяч экземпляров. Проверить, насколько это соответствовало действительности, не представляется возможным. Надо отметить лишь два момента. Средство массовой информации, которое выходило такими огромными тиражами, должно было неизбежно выделяться на австрийском политическом ландшафте. Даже в настоящее время любая газета могла бы позавидовать такому тиражу. С другой стороны, имеются многочисленные свидетельства того, что «Остара» распространялась в студенческих корпорациях. Кроме того, не стоило забывать, что «Остара» направлялась в том числе в Германию.

16-й выпуск «Остары» был посвящен Рихарду Вагнеру и во многом состоял из перепечаток вестника, который выходил в Байройте. Не исключено, что уже тогда «Остара» имела связи с Баварией. 18-й выпуск, вышедший в декабре 1907 года, был озаглавлен: «Раса и благотворительная помощь. Призыв к саботированию неупорядоченной благотворительности». На этот раз автором материала выступил Ланц-Либенфельс. Он однозначно указывал на то, зачем выходило это средство массовой информации. «Остара» — является первым и единственным журналом, посвященным асиской сущности. Он хочет на практике применить учение о расах, чтобы при помощи науки предотвратить феминистический и социалистический переворот и тем сам уберечь от заката асискую расу». Принимая во внимание название этого выпуска журнала, можно было бы предположить, что Ланц-Либенфельс настаивал на том, что благотворительность шла на пользу только в том случае,

если помощь оказывалась ариогеро-ям. На всех прочих благотворительность не должна была распространяться, так как представителей «низших» рас было слишком много. После этого Ланц рассуждал о том, что расовое смешение благоприятствовало распространению болезней. Также он провозглашал, что «процентная ставка безумных евреев была чрезмерной». Подобные ставки перегружали государственный бюджет, если они были бы опущены, то, с одной стороны, это позволило бы государству избавиться от ряда проблем, с другой — «подорвало бы власть евреев».

Контуры «Теозоологии» отчетливо проступили на страницах 21-го номера «Остары», вышедшего из печати в марте 1908 года. На этот раз журнал носил откровенно провокационный заголовок: «Раса и женщина. Пристрастие женщин к мужчинам низшей сущности». Ланц-Либенфельс фактически впервые озвучил публике свои во многом женоненавистнические взгляды. Вначале он позиционировал себя всего лишь как противник предоставления прав женщинам. Однако позже перешел к рассуждениям о том, что именно через женщину в мир пришло расовое смешение. В качестве примера он указывал на неких аристократических дам, которые при определенных обстоятельствах могли вступить в связь с «плоскостопными, неграми и монголами», а также слугами и конюхами. В то время как женщина должна стараться принадлежать только лишь своему супругу, у германцев могло иметься большее количество «благородных женщин высокой породы», чем мужчин. Ланц-Либенфельс видел в этих пропорциях особый «расово-хозяйственный» смысл. Он полагал, что «выведенный в ходе чистого расового отбора совершенный мужчина у всех арийских народов имел право на более многочисленное размножение, нежели мужчины низкой породы… Поэтому каждое арийское потомство было крайне желательным». «Слабые» в плане расового отбора мужчины представлялись опасными, так как в их браке могло иметься мало или вовсе не иметься желанных арийских детей. Поэтому здесь должен был вступить в дело «брачный помощник», благородный представитель арийской расы, от которого супруга могла произвести на свет ожидаемое в ходе отбора потомство. Саму женщину Ланц-Либенфельс уже в 1908 году полагал в первую очередь «производительницей детей». Чтобы не впасть в искушение вступить в связь с «неполноценными» субъектами, она должна была жить в «строгой уединенности». Женщины привыкли требовать многого, но они должны были идти именно этим путем. Женщина должна быть сопричастна к «любви самых прекрасных, молодых и сильных мужчин» и должна была радоваться появившимся от них на свет «прекраснейшим и благороднейшим детям». Будущие поколения ариогероической расы должны были в знак благодарности за это соорудить «храмы и памятники», где «солнечноволосые и небесноглазые боги и богини» будут прославлять «скорбную производительницу детей». В этой фразе отчетливо прослеживается католическая формула «мать скорбящая». Однако Ланц-Либенфельс понимал происхождение богочеловека не как мистический, но как естественный процесс. Как видим, он полагал женщину самым слабым звеном в создаваемой системе, видя в ней особое зло.

Ланц-Либенфельс полагал, что государство должно было взять на вооружение его принципы, чтобы добиться «освобождения». Для этого планировалось принять специальный свод европейских законов. В сдвоенном выпуске журнала «Остара» № 22–23, который был напечатан в апреле 1908 года, значился заголовок «Свод законов Ману. Расовое обеспечение у древних индоариев». В этом номере «Остары» Ланц-Либенфельс излагал важнейшие принципы нового законодательства, которого должны были придерживаться все европейские страны. Он считал, что всё право имело расовое происхождение, что оно произошло от «высшей, асиской расы». Изначально целью права якобы являлось исключительно «сохранение и укрепление асиской расы». Так как Индра «дал землю» ариям, то асинги должны были обладать естественным правовым авторитетом. По этой причине судьи должны были избираться исключительно из асингов. Это следовало сделать хотя бы потому, что только асинг мог правильно оценить действия асинга. Вследствие этого Ланц-Либенфельс требовал,

чтобы во врс-мя судебных процессов принималось в расчет расовое происхождение «истцов, свидетелей и подсудимым». Свидетельства представителей «низших» рас не могли иметь никакой ценности по сравнению с показаниями «благородных асингов». Если же асинг оказывался все-таки виновным, то он мог рассчитывать на более мягкое наказание, нежели «низкородный».

Кроме этого Ланц-Либенфельс предполагал, что надо было вернуть в правовую практику два древних наказания, «рабство» и «кастрацию». Они должны были применяться только в отношении самых злостных преступников. Кастрация должна была применяться, если предполагалось, что должно быть прерван преступный род, что могло облегчить в перспективе работу правосудию. Кроме этого Ланц-Либенфельс полагал естественным, что мужчина обладал большими правами по сравнению с женщиной.

Целью существования низших рас Ланц-Либенфельс мыслил «служение асискому человеку». Он считал позорным, что некоторые из асингов должны были браться за низкооплачиваемую работу. Он полагал, что «настанет день, когда асингам будут платить деньги за то, что они будут зачинать поколения благородных детей, что должно сократить выводок метисов». Тогда «асинги смогут освободиться от собачьей жизни наемного работника, что подобает только обезьяноподобным существам». Асинги же должны будут заботиться, чтобы дела у низших рас шли не слишком плохо, так как «асинг как высокородный человек является другом животных». Ланц-Либенфельс предполагал, что «расовое право» лежало в основе легендарных законов Ману, а потому могло быть применимо ко всем сферам жизни. После этого основатель «Ордена новых тамплиеров» произнес фразу, которая фактически предвосхитила многие национал-социалистические лозунги: «Только сроднившийся с землей человек, крестьянин, является человеком в полном понимании смысла этого слова. Только он может хранить человеческую добродетель и учить ей. Поэтому асиская раса может развиваться исключительно в рамках сельской культуры, город — это погибель для нее».

К началу Первой мировой войны Ланцу-Либенфельсу как через «Орден новых тамплиеров», так и через «Остару» удалось обзавестись множеством полезных связей и выгодных знакомств. Список этих людей (с которыми мы уже знакомы по первым главам книги), конечно же, является неполным, но, тем не менее, весьма показательным. В числе «новых тамплиеров» оказалось множество кадровых военных: Блазиус фон Шемуа, человек приближенный к эрцгерцогу Францу-Фердинанду — фамиляр «Ордена новых тамплиеров» (фра Готхардт Верфенштайн); фельдмаршал-лейтенант Дитрих фон Нордготен — пресвитер «Ордена новых тамплиеров» (фра Рудольф Верфенштайн); фрегаттен-капитан (капитан второго ранга) Швикерт, пресвитер «Ордена новых тамплиеров» (фра Гонзалво Мариенкамп) и т. д. Кроме этого Ланц-Либенфельс поддерживал тесные отношения с профессором Карлом Пенкой, который одним из первых стал утверждать, что «прародиной арийской расы» была Северная Европа. Пенка относился к числу старейших читателей «Остары». В их число также входил Карл Петерс, который смог захватить для Германии колонии в Восточной Африке. Петерс не раз лично встречался в Ланцем-Либенфельсом. Глава «новых тамплиеров» был хорошо знаком и с имперским бароном Швайгером фон Лерхефельдом (фра Арманд). Сотрудником «Остары» также был видный австрийский деятель д-р Александр фон Пеец, который стал отцом-основателем почтово-сберегательных касс.

Кроме прочего, имеются сведения о том, что Ланц-Либенфельс поддерживал связи с теософскими кругами, в частности с Блаватской и мадам Безант. В связях Ланца иногда можно найти самых невероятных личностей. Например, он поддерживал связь с лидерами так называемого продовольственного реформирования. Один из них, Густаф Симон, был фамиляром «Ордена новых тамплиеров» (фра Густаф Верфенштайн). Заслуга этого деятеля заключалась в том, что он изобрел так называемый хлеб Симона. Ланц-Либенфельс находил этот продукт «самым рациональным, вкуснейшим, здоровейшим и витаминосодержащим хлебом». Под иллюстрацией в «Имагинариуме», на которой был изображен хлебозавод,

находилась подпись: «Только хлеб героического типа позволяет нам жить». Кроме этого надо упомянуть, что Ланц состоял в контакте с один из изобретателей синтетического каучука фон Грёзлингом (фра Амаларих). А в одном из номеров «Остары» свое стихотворение напечатал достаточно известный в то время в Австрии поэт Рихард фон Шаукаль, который долгое время переписывался с Ланцем-Либенфельсом.

В 1908 году вышло несколько номеров «Остары», которые во время своего проживания в Вене, вероятно, читал Гитлер. В них Ланц-Либенфельс вел речь о соматическом понимании расы. Показательными являются заголовки, под которыми выходили эти выпуски: «Введение в расоведение» (№ 26), «Описательное расоведение» (№ 27), «Расоведческая физиогномика» (№ 28), «Общая расоведческая соматология» (№ 29), «Специальная расоведческая соматология» (№ 30, 31). В этих выпусках «Остары» говорилось о том, что ариогероики не обязательно должны быть светловолосыми. Раса являлась комплексом признаков, и человек мог обладать одним или несколькими из них. Это являлось неким успокоением для немцев, которые не были блондинами, но непременно хотели считать себя ариогероиками (к их числу, например, относился молодой Адольф Гитлер).

Ланц выстраивал сложную систему развития человечества, на различных ступенях которой находились разные народы и расы. Не стоит быть пророком, чтобы догадаться, что на верхней ступени Ланц-Либенфельс расположил асискую расу, а на самой нижней — негроидов. Ланц не намеревался ограничиваться простой констатацией внешних признаков. Он давал весьма сомнительное определение «расы»: «Раса — это комплекс определенных физических и духовных признаков, которые передаются по наследству и соответствуют различным стадиям развития человечества». Едва ли можно сомневаться в том, что расовые отличия определялись физическими признаками. Однако абсолютную иерархию можно было создать, только используя тезис о духовных признаках. Ланц-Либенфельс нуждался в «убедительном» объяснении, почему ариогероики находись на самом верху, монголоиды — ниже, а в самом низу — негроиды. Проводя различия между некоторыми расами, Ланц-Либенфельс как бы полемизировал с Чемберленом и Гобино, которые использовали понятие «раса» в этнологическим и философском смысле. Однако к 1930 году, когда в очередной раз переиздавались указанные номера «Остары», Ланц-Либенфельс был вынужден внести в свою систему некоторые поправки. Теперь он был более «последовательным», когда говорил о расе как биологическом явлении. В этом не было ничего удивительного — за прошедшие 22 года понятийный аппарат и используемые им классификации в значительной мере устарели. В 1930 году некоторые из идей Ланца образца 1908 года выглядели совершенно нелепыми даже в тазах германских расоведов националистического толка.

Так, например, он настаивал на том, что превосходство расы определялось формой черепа — чем больше был череп, тем большим интеллектом обладал человек. Кроме этого Ланц-Либенфельс пытался показать, что так называемые низшие расы обнаружили черты инфантильности и подражания обезьянам. Очевидно, он намекал на то, что неасиские расы являлись ответвлениями от основного ствола развития человечества, а потому они отставали в своем развитии. Данная мысль подкреплялась идеей о том, что каждый человек проходит через определенные филогенетические стадии развития, совершая путь от ребенка до зрелого человека.

В 31-м выпуске «Остары» Ланц-Либенфельс приводил так называемый индекс расовой ценности. В зависимости от значимости, Ланц выделял три группы признаков. Особо важной отличительной чертой он полагал цвет глаз. Обладатель голубых или серых глаз получал 12 очков. Обладатель пронзительно черных глаз — получал 12 штрафных очков. Обладатели светло-карих, зеленых или темносерых глаз получали 0 очков. Далее по такой же системе оценивались цвет волос, цвет кожи, форма носа. Менее значимые признаки оценивались по шкале от шести очков до шести штрафных очков. Незначительные признаки имели оценочную стоимость в два очка. После того как полученные очки суммировались, давалась оценка

расовому типу того или иного человека. Идеальный ариогероик должен был набрать не менее 100 очков. Обладатели суммы очков, которая колебалась от нуля до ста, была метисами с преимущественно ариогероической кровью. Обладатели даже незначительного количества штрафных очков относились к категории аффлингов. При помощи этой системы Ланц-Либенфельс планировал «отделить зерна от плевел».

Создав эту систему, глава «Ордена новых тамплиеров» еще раз заявлял цель своего журнала: «Остара» — это первый и единственный журнал, посвященный проблеме исследования героической расы, и отстаивает права мужчин. Журнал планирует применить на практике итоги учения о расах, чтобы тем самым сохранить благородную героическую расу, двигая ее по пути планомерной чистой селекции. Журнал отстаивает права мужчин, выступая против социалистического и феминистического переворота».

Появившийся в 1909 году 32-й выпуск «Остары» был посвящен проблеме государства. Он назывался «О взыскивающем налоги и платящем дивиденды государстве». Ланц-Либенфельс конструировал некое идеальное государство, рассчитывая при этом на его конкретные возможности. Он представил себе государство в виде акционерного общества, которое занималось прибыльным бизнесом, а затем выплачивало дивиденды своим гражданам. В этой части своей идеологии Ланц-Либенфельс соприкасался с марксистами. Описание этой идеи он направил обер-бургомистру Вены Люггеру. В ответном письме Карл Люггер отметил, что идея была гениальной, то только ее было очень сложно реализовать на практике. Впрочем, не исключено, что в этих словах крылась некая ирония.

В том же 1909 году появился 33-й номер «Остары», который назывался «Опасности женского права и необходимость господской морали для мужчин, обладающих правами». Следующий номер был посвящен «Расово-хозяйственному решению проблемы секса». Эта тема настолько увлекла Ланца-Либенфельса, что вышедшие в 1910 году номера 38 и 39 он посвятил «Половой жизни блондинов и темноволосых». Первый номер был посвящен изучению антропологических аспектов этой щекотливой проблемы, во втором номере приводилось ее культурно-историческое рассмотрение. Проблема отношения полов играла центральную роль в системе расовой селекции, однако Ланц изображал зачатие детей как центральное таинство этой системы — священное средство, которое должно было привести человечество в ариогероический рай. «Расовая гигиена и правильное зачатие являются самым прекрасным и самым ценным культовым жертвоприношением, которое больше всего радует богов».

Как же Ланц-Либенфельс видел «правильное» взаимоотношение полов? Он полагал мужчину абсолютным господином женщины, которой «сама природа отвела роль рабыни». Более того, мужчина как бы ставил на женщине собственную владетельную марку. В силу своей физиологии женщины не подходили для общественных работ. Указывалось, что женщина, подобно представителям «низших» рас, обладала «инфантильным» телосложением. Однако самым опасным представлялось освобождение женщины. «Все беды мировой истории имели в своей основе свободную женщину». Ланц полагал, что именно женщины привели к тому, что аристократия стала скатываться до уровня аффлингов. Едва ли стоит удивляться тому, что в «Остаре» печатались стихи следующего содержания:

Сомнительной тоской одержимая, ты служанка

своего господина.

Растрепанные волосы, черты, типичные для слуг.

Такая кровь растет лишь в рабских загонах,

Но не в парадных залах благородных родов.

Согласно Ланцу-Либенфельсу «нравственным и хорошим» могло назваться только то, что «приносило пользу высшей расе, а все, что вредило, должно было восприниматься как аморальное и плохое». С этих позиций должна была оцениваться и сексуальная мораль. Женщина должна была вступать в брак непременно невинной, так как «прошлые сексуальные

партнеры могли испортить породу». Качества прошлых мужчин могли отразиться на ребенке, которого планировалось родить в браке. Мужчины же должны были вступать в брак как можно раньше, но при этом выбрать «усердных и подконтрольных женщин». Темноволосых и смуглых женщин Ланц определял исключительно на роли проституток. Он даже не возражал против такого явления, как продажная любовь, если она не приводила к рождению детей. Кроме этого Ланц выступил активным пропагандистом противозачаточных средств, которые он считал один из инструментов расовой селекции.

В принципе «аморальным» глава ордена считал не столько «неправильное зачатие», сколько уничтожение расы посредством производства на свет детей, в которых животное начало брало верх над божественным и тем самым тормозило развитие и совершенствование человека. Кроме этого Ланц полагал, что под угрозой находились в первую очередь белокурые женщины. «Темнокожие мужчины прибегают к своим способам, чтобы одержать верх над благородной женщиной, они используют деньги, свои выразительные глаза, льстивые речи, на которые столь падки женщины. Благозвучные, бархатные голоса редко не достигают своей цели. Они оказывают воздействие в первую очередь на блондинок». «Мужчина-блондин, напротив, хочет быть Зигфридом, он жаждет подвигов, хочет убивать драконов, повергать великанов, находить и освобождать принцесс. Героическая эротика мужчин-блондинов является отнюдь не моим изобретением, она была осознана нашими германскими предками. Это доказывает иллюстрация Альгамбра, которую мы приводим здесь. Эта картина — меланхолическое и художественное изображение, которое умещает историю белокурой девушки с одну-единственную сцену. Светловолосый рыцарь добивается девушки у мужчины низшей расы. Но каково же может быть великим разочарование мужчины-блондина, когда он после своего самопожертвования находит отнюдь не принцессу, а мелочную и расчетливую бабу, когда он находит не царевну-лебедь, а продажную девку, подгоняемую своей жадностью и похотью… Героический мужчина-блондин любит подобно светоносному ребенку, он черпает свою любовь через взор, но не подобно женщинам и низкородным субъектам через слух и через прикосновения. И в этом заключается трагичность белокурой эротики, что в первую очередь имеет отношение к блондинкам, которые млеют под взором черных глаз и предаются порочным безобразиям с чандалами».

Ланц-Либенфельс полагал, что при правильном миропорядке, основанном светловолосыми ариогероическими мужчинами, «женщина может вполне спокойно стать достойной матерью и хозяйкой дома, отвечающей физическим и психическим идеалам женственности». Далее следовал пассаж, который весьма напоминал эстетические построения времен Третьего рейха: «История белокурой эротики написана на самом теле блондинки. По этой причине у ариогероических женщин вторичные половые признаки выглядят развитыми и весьма гармоничными. Ариогероическая женщина является обладательницей длинных, прекрасных волос; нежной кожи; утонченных и правильных форм лица; большой груди, предназначенной для кормления детей; широких бедер. Светловолосый ариогероический мужчина на протяжении столетий жертвовал собою, совершал подвиги, принял у женщины груз всех проблем за исключением рождения ребенка. Взамен он требовал лишь хранить супружескую верность, которая должна была являться предпосылкой для любого чистого расового отбора». Поскольку общество находилось не в идеальном состоянии, то Ланц провозглашал женщину виновной во всех общественных бедах, начиная от болезней, заканчивая расовым смешением. При этом глава «Ордена новых тамплиеров» не отрицал возможности установление института многоженства, который должен был способствовать приумножению ариогероической расы.

Очевидным признаком того, что Ланц-Либенфельс приписывал все трудности хозяйственно-экономического характера расовым причинам, стали вышедшие в 1910 году 40-й и 41-й номера «Остары». Первый назывался: «Расовая психология заимствованной жизни. Обнищание блондинов и обогащение темноволосых», а второй — «Богатство чандалов — это

кража». Прошел год, и Ланц вновь заговорил о проблеме предоставления гражданских прав женщинам. Этой проблеме были посвящены 44-й и 45-й номера «Остары». Один из них носил показательный заголовок: «Комизм женского права. Серьезная хроника женской экономики». В этих журналах он цитировал книгу Катарины Гадулин, которая не скрывала отвращения к тому факту, что была рождена женщиной. Ланц-Либенфельс возмущался подобным оскорблением материнства, а также указывал, что подобная развращенность была вызвана женской эмансипацией.

Ланц полагал, что худшей из бед, которая может произойти в случае предоставления женщинам гражданских прав, было осквернение расы. «Эти права дезориентируют девушек и женщин нашей расы, привьют им извращенные эротические вкусы». «Это трагедия, неслыханная трагедия, когда благородная женщина (осознанно ли, неосознанно ли) достается темнокожему субъекту. Светлые боги с плачем отворачиваются от нее. Такая женщина самым преступным образом прекращает восходящее развитие целого ряда родов». К проблеме полов Ланц-Либенфельс обратился и в 47-м выпуске «Остары». Он говорил об «искусстве красиво любить и счастливо сочетаться браком». Он проводил принципиальные различия между совершенной, небесной любовью и несовершенной, земной. Причем небесная любовь базировалась на расовом отборе, а земная — на стремлении получить наслаждение.

48-й выпуск журнала «Остара» (1911) именовался «Искусство счастливого брака. Расово-гигиенический молитвенник для новобранцев и ветеранов брака». В этом номере журнала Ланц-Либенфельс решил дать несколько советов по обустройству семейной жизни. В частности, он рассказывал, как можно было предотвратить измену супруги. В том числе он приводил историю, как помог советом одному из своих друзей, состоявшем в «Ордене новых тамплиеров». Указанный мужчина обратил внимание, что его невесте стал оказывать знаки внимания «барон еврейского происхождения с лицом павиана». Ланц порекомендовал ему распространять слухи, что от барона постоянно исходит неприятный запах. В итоге девушка решила отказаться от компании навязчивого барона. Ланц писал, что «эти безвредные искусные приемы могут в итоге служить высокой цели». Кроме этого глава «новых тамплиеров» изложил несколько правил «брачно-дипломатической практики», которые должны были усвоить все ариогероические мужчины. По большому счету этих правил было два: 1) мужчина должен всегда оставаться мужчиной в физическом и этическом смысле; 2) с женщиной надо обращаться как с взрослым ребенком.

Особый интерес для нас должен представлять 61-й выпуск «Остары» (1912). Он назывался «Смешение рас и расовое разделение». Ланц говорил о том, что поскольку все устройство мира было дестабилизировано из-за расового смешения, то миропорядок мог быть восстановлен через «расовое разделение». Принимая во внимание эти тезисы, становится понятным смысл стихотворения, которое было опубликовано на последней странице журнала. Автором стихотворения являлся фра Эрвин.

Нет, темные отпрыски Земли,
Вам не мил солнечный свет.
Вот! Отделимся от черного стада,
Только при свете видно истинное золото.
Вы должны избрать новый рыцарский орден,
Пройти до ворот храма
И вознестись в священную страну,
Которая была утрачена после крестовых походов!
Позже внуки сложат про вас песни,
Исполненные благодарности будут вспоминать вас,
Через чистоту богов надо погрузиться в свет,

Который есть вера тамплиеров и счастье.

В 1913 году был опубликован 64-й номер «Остары». Он имел заголовок: «Много или мало детей?» Этот выпуск журнала примечателен тем, что Ланц-Либенфельс проявил себя как типичный мальтузианец. Он полагал, что Земля страдала от перенаселения. Однако он в корне ошибался в одном принципиальном моменте. Он полагал, что рабочие в перспективе должны были жить хуже, так как они постоянно размножались. На практике же все произошло с точностью до наоборот. В любом случае идеи ограничения рождаемости, использования противозачаточных средств — весьма напоминали программу «Планирование семьи». Более того, Ланц делал намеки относительно возможности осуществления программы эвтаназии по спартанскому образцу. В итоге в мире было бы не очень много блондинов, но они, по мнению «новых тамплиеров», стали бы настоящей правящей элитой.

Высказывая эти идеи, Ланц-Либенфельс был несколько непоследовательным. С одной стороны, он настаивал на приумножении ариогероической расы (многоженство, восстановление «права первой ночи» и т. д.), с другой стороны, он говорил об ограничении рождаемости. Не исключено, что в данном случае проявилась личная неприязнь Ланца-Либенфельса к семейной жизни.

66-й номер «Остары» (1913) носил во многом провокационное название: «Обнаженная расовая культура против ханжеской культуры чандалов». В этом выпуске Ланц-Либенфельс впервые публично сделал реверанс в сторону «культуры свободного тела». Он говорил об облагораживающей красоте расовой культуры. Так как каждый истинный асинг должен был быть прекрасен не только душой, но и телом, то он не должен был его скрывать. Кроме этого Ланц-Либенфельс сформулировал мысль о том, что истинное арийское христианство на мистическом уровне было связано с обнаженным телом. Это было связано с одним из первых таинств, а именно крещением. Поскольку изначально принимавшие крещение должны были окунаться обнаженными в купель, то Ланц трактовал этот обряд как символическую драму. Из воды должен был вынырнуть благородный светлый человек, который смыл с себя низкого темного человека (чандала).

«Святой Грааль как мистерия арийско-христианской расовой религии» — такое название имел 63-й выпуск журнала «Остара», который появился на свет в 1913 году. Святой Грааль всегда играл особую роль в мифологии и ритуалах «новых тамплиеров». Замки ордена были чем-то вроде замков Грааля. Достаточно вспомнить строки из стихотворения: «Здесь в долине есть замок Грааля, что прокладывает путь к светлой высоте. Однако слишком труден этот путь, чтобы без проблем его удалось пройти». Помимо этого можно вспомнить «мистерии Грааля», которые проходили в эрцприорате Штауфен. В указанном номере «Остары» Ланц-Либенфельс писал, что легенды о Граале — это были своеобразные представления о культе расовой чистоты, которые имели хождение среди «старых» тамплиеров. По этой причине Ланц ставил знак равенства между рыцарями Грааля и храмовниками. В отличие от многих мистиков, которые были так или иначе связаны с культом Грааля, глава «Ордена новых тамплиеров» не отдавал предпочтения какой-то конкретной трактовке или версии. Он писал: «Очевидно, чем являлись храмы тамплиеров. Они были местами, где проводилась человеческая селекция. Рощи храмовников были не только местами отбора и лесопитомниками для растений и животных, но и убежищем для представителей высшей расы, которые должны были время от времени облагораживать физическим и духовным образом неуклонно вырождавшееся человечество. Поэтому не может являться случайностью, что старейшие монастыри Германии являлись двойными обителями: мужскими и женскими. В Нижней Саксонии имелись странные церкви с двумя хоралами, где внутри одного храма раздельно находились мужчины и женщины».

Опираясь на множество мифов, Ланц-Либенфельс давал собственную интерпретацию Грааля: «Грааль — это богочеловек, рожденная и воспитанная благородной женщиной высшая сущность». Однако, в отличие от современных трактовок а-ля Дэн Браун, Ланц никогда не

отказывался от символа чаши, наполненной жертвенной кровью Христа. Он говорил о пролитой крови Фройя, богочеловека, который являлся одним из немногих стопроцентных ариогероиков. В связи с этим можно процитировать стихи, написанные фра Эрвином:

Услышьте, братия, приказ.

Вы должны донести до всех народов:

Тело Господа — это истинный хлеб,

Его кровь может привести вас к исцелению.

В мифологии «новых тамплиеров» смешались воедино несколько трактовок Грааля: чаши с кровью, Богочеловека и камня. В любом случае, во время «мистерий Грааля» в эрцприорате Штауфен использовалась специальная чаша.

В 70-м выпуске «Остары» (1913), кроме традиционного описания целевых установок журнала («первое и единственное издание…»), имелись некоторые принципиальные добавления. В частности, сообщалось: ««Остара» — намерена собрать всех творческих и расово красивых людей, подлинных идеалистов в одну общину. Отчасти эта цель уже достигнута. Во время господствующего ложного культа женщин и черни «Остара» хочет быть подспорьем для всех аристократических, здоровых, ищущих красоту и правду мужчин, чтобы те обрели высшее право жить и радоваться жизни».

В том же самом номере мы могли бы найти интересный документ, который назывался «Молитва тамплиера». Приведем ее в некотором сокращении. Молитва начиналась словами: «Отче, дай нам матерей из твоего рода и позволь нам заселить их арийскими сыновьями земной мир.

Дай нам воплотить арийское право и все то, что предусмотрено твоим порядком. Тогда вновь к нам вернется счастье предков и все то, что ты нам предвещал». Молитва заканчивалась следующими словами: «Поведи нас на последний и решающий бой в южные страны через озаренные снегом горные перевалы, на восток и на запад, чтобы повсюду дымилась пролитая на землю кровь смешенных рас. Это будет достойной жертвой, принесенной в знак благодарности за спасение».

В следующем номере «Остары» было напечатано стихотворение фра Эрвина, которое называлось: «Я дал Землю Ария». Приведем из него две строфы:

И кто должен зачинать богов,

Хранить из древности унаследованный дух,

Если наши замечательные ряды

Разрываются со своей стороны женщинами?

И кого тоща должна радовать жизнь

И где должен являться благородный Мине,

Если героические невесты больше не боятся

Безумных скопищ аффлингов?

В том же самом 1913 году в 72-м номере «Остары» в ставших традиционными для журнала объяснениях целей и задач говорилось, что «необходимо словом и образом доказывать — белокурый героический человек — это прекрасное, нравственное, благородное, идеалистическое, гениальное и религиозное творение, которое является создателем и хранителем всей науки, искусства, культуры.

Героический человек является главным носителем божественности». Далее подчеркивалось, что безобразное и злое происходит от расового смешения, в котором по физиологическим причинам в большей степени повинна женщина, нежели мужчина. «Остара» — издается в то время, когда женоподобное и низкородное старательно и бесцеремонно

пытается извести светловолосый героический вид человека. «Остара» — является местом сбора всей благородной красоты, правды и ищущих Бога идеалистов».

Глава 8

ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Австро-Венгерская империя стала распадаться еще до того, как проиграла Первую мировую войну. На ее базе вначале возникло так называемое «лоскутное государство». Затем оно распалось на несколько самостоятельных государств. Осенью 1918 года Ланц-Либенфельс принял решение покинуть Австрию. Он направился в Венгрию. Для этого у него было по меньшей мере две причины. Во-первых, в Вене начинались революционные беспорядки. Во-вторых, у Ланца-Либенфельса возникало подобие любовных отношений с последней представительницей трансильванской княжеской династии Бочкай. Если Ланц хотел укрыться от революционных потрясений в Венгрии, то он выбрал для этого явно не самое удачное место. Он попал из огня да в полымя. Когда он прибыл в эту европейскую страну, то там оказалась установлена Советская республика во главе с Белой Куном. Здесь Ланц-Либенфельс полностью посвятил себя деятельности, направленной против возникавших во многих местах советов. Он также пытался противостоять румынской аннексии некоторых венгерских территории. В ходе этой деятельности он присоединился к тайной патриотической организации «Пробуждающаяся Венгрия», которая была основана в 1917 году из числа демобилизованных солдат и офицеров. Она, подобно многим другим правым союзам, пыталась отстоять территориальную целостность Венгрии. Со временем «Пробуждающаяся Венгрия» стала рассматривать себя в качестве основной движущей силы нарождавшегося «белого террора», который предполагалось направить против коммунистов и евреев.

Но сторонники Белы Куна тоже не собирались бездействовать. Глава «Ордена новых тамплиеров», обвиненный в контрреволюционной деятельности, оказался арестованным. Дважды его намеревались расстрелять по обвинению в контрреволюционной деятельности. Подробности этой истории, к сожалению, до нас не дошли. Очередная дата расстрела была назначена на пасхальное утро 1919 года. Находясь в тюремной камере, Ланц-Либенфельс занимался переложением 61-го псалма. В его переводе и «тамплиерской» обработке он выглядел следующим образом: «Плохо поставленный на якорь корабль — это чандалы, которые будут разбиты о рифы порока, так как их сердцу близки только грабеж и разврат, они видят богатства в земных сокровищах и деньгах. Однажды Бог сказал, и я навеки запомнил эти два слова: «Бог справедлив в любви и возмездии», «Каковы дела человека — таковового и воздаяние»». Как удалось спастись Ланцу, остается непонятным. Несмотря на то что история правых венгерских заговорщицких организаций до сих пор остается мало исследованной и весьма запутанной, все-таки можно предположить, что участие в них Ланца должно было привести к знакомству с ведущими правыми радикалами Венгрии и тем самым сильно повлиять на его политические идеи. В связи с этим кажется отнюдь не случайным, что возникновение новых антисемитских и антибольшевистских концепций датируется именно этим периодом.

Если говорить и об издательской деятельности Ланца, шторой он занялся после окончания революции, то надо отметить, что он решил продолжить выпуск «Остары». В период с 1905 по 1918 год выходила так называемая первая «Остара» («австрийская серия»). Несмотря на то что она формально являлась журналом, принцип действия у нее был как у книжной серии. По мере необходимости могли допечатываться отдельные из ранних номеров. Судя по всему,

спрос явно превышал предложение, так как некоторые из номеров допечатывались по нескольку раз.

Вторая «Остара» стала выходить в 1922 году в Германии в городе Магдебург. По этой причине она нередко именуется «магдебургской серией». Эти обозначения были приняты для того, чтобы не запутаться в нумерации. Дело в том, что «магдебургская серия» стала выходить с первого номера, хотя в общей нумерации он дожжен был являться 101-м. Традиционно у каждого номера «Остары» было собственное название. Первый из них назывался «Остара и империя блондинов», а второй — «Прародина и древняя история героической расы». Выпуск же «магдебургской серии» оказался недолгим — в ней вышло всего лишь два номера.

Есть основание подозревать, что власти Веймарской республики были весьма недовольны изданием на территории Германии расистского журнала. Имеются сведения о том, что Ланца-Либенфельса было решено выдворить из страны, а выпуск «Остары» запретить. На это указывают отрывки из статьи, которая была опубликована в 1928 году одним из братьев «Ордена новых тамплиеров». В ней содержались такие слова: «… находившиеся у власти в Германии чандалы в 1921 году депортировали д-ра Йорга Ланца фон Либенфельса». Далее следовало еще одно предложение: «…обстоятельство, что в 1921 году Йорг Ланц фон Либенфельс по требованию Ратенау[9] был выслан из страны, во-вторых, что в Германии была запрещена печать «Остары»». Впрочем, «Остара» стала выходить в Магдебурге уже после того, как лидера «новых тамплиеров» выпроводили из страны. Он был депортирован в 1921 году, а первый номер «магдебургской серии» появился на свет в 1922 году. Это позволяет предположить, что Ланца депортировали отнюдь не из-за планов по изданию журнала.

Если указание на то, что высылка Ланца из Германии была проведена по инициативе Ратенау, является истинным, то не исключено, что тот же самый политик годом позже выступил инициатором запрета издания «Остары».

Подобное стечение обстоятельств кажется крайне интересным, так как Ратенау занимался изучением расового вопроса. В своей книге «К критике времени», которая была издана в 1912 году, он писал: «Если кто-то видел марширующий прусский полк и сравнивал вид подразделений с внешностью их командиров, тот при наличии острого глаза и практики разглядывания людей мог бы выявить, что они принадлежали к двум разным расам. Одновременно с этим он заметил бы явленный символ и структуру нашего народа». Далее следовал еще один пассаж: «Мы все знаем о остэльбской Германии, которая возникла в известные исторические времена путем захвата и колонизации этой территории. Эта Германия является двусоставной. Победителями были германцы, побежденными — славяне… однако из ранних сказаний и преданий мы можем узнать о подчиненных существах. Брат слуги вызволенного из неволи мальчика обычно является темноволосым. Сноровка, хитрость и трусливое поведение являются наследуемым уделом этих темноволосых существ. Они небольшого роста. У них короткие кудрявые волосы. Поэтому в других странах светлые волосы обычно бывают длинными или топорщатся во все стороны на макушке».

Запрет на издание «Остары» в Германии привел к тому, что стали выискиваться возможности осуществить этот проект на территории Австрии. В данном случае Ланц-Либенфельс нашел поддержку у Иоганна Вальтари Вёльфля, фабриканта, который оказывал финансовую помощь «Ордену новых тамплиеров». Именно Вёльфль приложил усилия, чтобы в конце 20-х годов была переиздана «Теозоология» и возобновился выход «Остары». При этом переиздавались отдельные номера первой серии, но их предварительно переверстывали, делали более, изящными и удобными для чтения. Опять же возникли проблемы с нумерацией выпусков. Вышедший в 1927 году номер «Остары» имел номер 101, но он же стал первым номером третьей («венской») серии. Номер получил название: «Ланц Либенфельс и его произведения. Часть 1. Введение в теорию». «Остара» тогда печаталась «на правах рукописи», после чего бесплатно распространялась с просьбой пожертвовать денег на продолжение издания. Журнал явно поменял свой характер. Если накануне Первой мировой войны это было

печатное средство массовой информации, ориентированное на воздействие на широкие общественные слои, то в 1927 году оно больше напоминало вестник подпольной организации. Подзаголовок к журналу гласил: «Бесплатное частное издание, предназначенное исключительно для узкого круга друзей Ланца-Либенфельса». «Остару» нельзя было приобрести в газетных киосках, она передавалась из рук в руки. И это была отнюдь не игра в подпольщиков, когда из любой ерунды пытались сделать тайну, это была вполне оправданная предосторожность. В первом же номере было написано: «Нас совершенно не интересует, что «Остара» может попасть в руки чандалам и что они могут ознакомиться с ее содержанием, с нашими идеями. Но они занимают вполне определенную позицию, а потому посчитают своим долгом помешать нашей кропотливой, положительной восстановительной работе».

Этот текст был написан Иоганном Вальтари Вёльфлем. Поменять стиль пришлось и самому Ланцу-Либенфельсу. Он заменил некоторые из номеров первой серии (о чем мы говорили выше). А также сделал несколько выпусков «Остары» с текстом «Теозоологии». Кроме этого ему пришлось изменить некоторые из заголовков. В целом же Ланц-Либенфельс стал более радикальным. Его антисемитизм приобрел не просто агрессивные, а прямо-таки воинственные черты. Это можно проследить на примере 3-го номера третьей серии. В нем он писал: «Нам не приходит на ум проповедовать погромы, так как они начнутся и без нашей проповеди». Или: «В мировой борьбе между людьми, по мнению евреев, одни должны уничтожить других, чтобы в итоге те могли нажиться… Евреи не знают роздыха в борьбе, они продолжают борьбу без передышки».

В 4-м номере «Остары» (1927), который назывался «Мир во всем мире как творение и победа блондинов», Ланц-Либенфельс торжественно объявлял курс на контрреволюцию. Он полагал, что после «700-летней пролетарской диктатуры наступит эпоха ариогероической контрреволюции, которая закончится установлением диктатуры патрициев». Эта диктатура планировалась как яростный порядок, направленный против чандалов. «Мы не так уж нетерпимы к чандалам, евреям, масонам, которые огнем, мечом, войной, революцией, кровавым террором, обесцениванием валюты хотели навязать нам социалистческо-республиканско-демократическое дерьмо. Мы, контрреволюционеры, великодушно признаем за чандалами, евреями, масонами право основать собственное государство в Палестине ли, на Северном полюсе ли, на Южном полюсе ли, в пустыне Гоби ли, на островах архипелага Кергелен ли, или в каком-то другом месте. Но мы не можем позволить им кровавые развлечения в странах, где мы создали культуру, а рискуем сами превратиться в рабов! Если они хотят по отдельности служить созданной нам культуре, то они должны платить нам культурную дань, будучи послушными слугами нашей же культуры. Этот принцип прекрасно изложен в законах Ману: чандал обладает правом жить дальше, если только обязуется быть послушным слугой ария.

Если же чандалы не хотят быть послушными, тогда прочь! Пусть они убираются в пустыню к шакалам, в лес к обезьянам, где гориллы и мандрилы будут приветствовать их как «товарищей» и расовых родственников. Там они могут воплощать в жизнь свои социалистические, большевистские, демократические, пролетократические и прочие утопии. Они могут голосовать или же тайно, или по системе списков, или пропорционально. Однако если на законном основании получат право голоса Куны, Леви и Дейчи, то гориллы и мандрилы тоже должны требовать права участия в голосовании».

Ланц-Либенфельс даже нашел рецепт, который в кратчайшие сроки позволил бы справиться с проблемами безработицы. Он рекомендовал использовать принудительный труд, именно использовать «землекопов для строительства улиц и каналов». Кроме этого он рассуждал о тех ариогероиках, которые не согласятся принять идеи «новых тамплиеров»: «Они также исчезнут. Это не беда! Эти несознательные элементы должны сгинуть, так как являются врагами нашей расы! Они грешат против Святого Духа! И это прегрешение им никогда не простится!» Впрочем, это было единственное место, где высказывались идеи, направленные

против голубоглазых блондинов. Но это не исключало того, что в конце 20-х годов Ланц считал «несознательных элементов» ариогероической расы хуже всех чандалов вместе взятых.

Однако борьба против чандалов занимала в идеях Ланца-Либенфельса приоритетное место: «Социалистиче-ски-болыпевистская раса первобытных людей разрушила наше предание. Хорошо. Тоща мы откажем им в благотворительности и гуманизме. Они хотят классовой борьбы? Они получат расовую борьбу». Далее Ланц предрекал: «Больше не будет парламентов, самодержцев и тиранов, а будет лишь мудрый князь-священник, гениальные, мистически подготовленные в ариософском духе патриции и предводители аристократически-духовных тайных орденов и тайных союзов, которые будут руководить судьбой народа». Нет никаких сомнений, что Ланц подразумевал «Орден новых тамплиеров». «Упомянутые тайные ордена проредят слишком густой человеческий кустарник в мальтузианском духе, вычистят подлесок и дадут свободу воздуху. Они будут стерилизовать преступников и рецидивистов».

О том, какой резонанс вызвали эти послания, можно было узнать из писем, приходивших в «Остару». Приведем отрывки из некоторых.

Господин из Штутгарта, 4 июля 1927 года: «Это душераздирающий духовный воздух из немецкого доисторического времени. Призыв Одина! Я хочу слышать и повиноваться воле Бога!»

В.Р. из Аугсбурга, 18 сентября 1927 года: «Во время войны я носил с собой несколько номеров «Остары». Они, подобно молитвеннику, были постоянно при мне. Однако я их потерял, когда меня взяли в плен».

Доктор Э.Р. из Пазельвака, 10 августа 1927 года: «Подобно многим я пребывал в расовом грехе. Тем не менее в последние годы я нахожусь на позициях фёлькише. Однако долгое время я не знал самого важного в жизни — расоведения. Я благодарен «Остаре» за то, что до сих пор не женат. Я был обручен с девушкой два года, а потом выяснилось, что она — наполовину еврейка. Через два месяца я женюсь на чистокровной норвежке. Я планирую передать имеющиеся у меня выпуски «Остары» местным молодым национал-социалистам».

К.Е. из Блейхорде, 13 декабря 1927 года: «Мы дали Ваш второй номер пожилому блондину. Он зачитал его до дыр».

Если говорить о видении будущей государственной системы, как ее представлял Ланц-Либенфельс, то надо указать на 12-й номер «Остары», который назывался «Диктатура белокурых патрициев, внедрение государственно-научной расовой экономики». Ланц мыслил установление патрициата, власти блондинов над темнокожими расовыми группами, причем само название правящего органа для него не играло важной роли. Там, где в народе имелась только лишь небольшая группа ариогероиков, должно было быть установлено «абсолютное господство героического диктатора». «На место многочисленных парламентов, министерств и прожорливой гидры государственного бюрократизма придет благородный и священнический господин, который будет диктатором. Он именем вышей расы и сознательных расовых элементов возьмет в свои руки бразды правления и установит расово-религиозный патрициат». Отдельные национальные противоречия планировалось устранить, так как в «Европе будет господствовать исключительно расовый принцип».

Если говорить об издании третьей серии «Остары», то, судя по всему, ее последние выпуски были напечатаны в 30-е годы. Занимались ли «новые тамплиеры» ее изданием после Второй мировой войны, остается неизвестным.

Очень легко догадаться, что Ланц-Либенфельс не стал довольствоваться тем, что его выслали из Германии, а затем запретили издавать «Остару». Еще меньше это устраивало его германских приверженцев, которые хотели во чтобы то ни стало пропагандировать доктрину «новых тамплиеров». В итоге в Германии Гербертом Рейхштайном в 1926 году стал издаваться вестник, который получил название «Журнал по вопросам человековедения и расовой судьбы». Впрочем, со второго номера название издания пришлось изменить, и оно стало

именоваться «Журналом по вопросам человековедения и исследования судьбы». На третий год своего существования он очередной раз поменял название. С этого момента он назывался «Журналом духовного и научного реформирования — Ариософия». Этот журнал является незаменимым документом для тех, кто занимается изучением германского фёлькише-движения. Через него можно проследить связи с журналом Альфреда Розенберга «Всемирная борьба» и журналом супругов Людендорфов «Восточногерманский обозреватель». Впрочем, на этом возможные связи не заканчиваются. Поскольку журнал, издаваемый Гербертом Рейхштайном, отвечал за ведение полемики Ланца-Либенфельса с представителями национального лагеря, то он неизбежно обзавелся множеством самых различных контактов. На его страницах можно было найти как приверженцев, так и противников «Ордена новых тамплиеров».

Однако самое большое место в этом издании уделялось материалам Ланца-Либенфельса. Если переходить на язык современной культуры, то можно было бы сказать, что он был фронтменом «Журнала по вопросам человекознания». Издание журнала оказалось настолько успешным проектом, что со временем стал увеличиваться тираж. Это позволило снизить цену отдельного взятого номера. В это время Ланц-Либенфельс пишет статью, в которой впервые за долгие годы можно было услышать торжествующие нотки: «И все же злые чары рассеиваются, уже вырисовываются контуры нового, ариософского, ариохристианского Интернационала: фашизм в Италии, «Пробуждающаяся Венгрия», испанские фашисты, североамериканский ку-клукс-клан и как завершение — непосредственно порожденное ариософией движение свастики в Германии». По сути, это было первое публичное признание национал-социализма со стороны «новых тамплиеров». Позже на страницах «Журнала духовного и научного реформирования» можно было найти аналогичные высказывания, формальным поводом для которых являлось обсуждение книги Эрнста Рема «История заговорщика». В одной из статей этого ариософского издания говорилось: «Сегодня нашим долгом является, пренебрегая всякой личной критикой, присоединиться к Адольфу Гитлеру, так как он — единственный спаситель от царящего в последнее время хаоса». Впрочем, ариософы еще не были готовы признать Гитлера фюрером. На страницах указанного журнала они назвали «вождем и учителем» все-таки Ланца-Либенфельса. Фроди Иягольфсон Верман даже написал про него статью, которая называлась «Предвестник солнечной весны». В ней говорилось: «Несмотря на старания Рихарда Вагнера, долгое время отсутствовало практическое обобщение всех сфер человеческой деятельности под началами расово-культурной религии. Однако имеется просветленный человек, благодаря которому мы удостоились возможности найти прочную основу для настоящего и смогли увидеть лучезарную страну будущего. Он стал основателем возрождающегося божественного ариохристианства или антропотеизма, если в данном случае для обозначения доктрины о выведении богочеловеков допустимо употребление иностранного слова. Это был высланный в 1921 году из Германии, ще получили власть чандалы, доктор Йорг Ланц фон Либенфельс».

Как видим, вокруг Ланца формировалось подобие культа. Верман сказал одну очень показательную вещь, благодаря которой он отличался от всех предшественников, писавших о Ланце-Либенфельсе и «новых тамплиерах». Он представил Ланца как человека, «практически обобщившего все сферы человеческой деятельности под началами расово-культурной религии». Нет никакого сомнения, что в этом случае подразумевался, в том числе, национал-социализм.

Насколько долго выходил «Журнал духовного и научного реформирования», немецким исследователям точно не удалось установить. Предположительно, его издание продолжалось до начала 30-х годов, то есть до того времени, когда национал-социалисты пришли к власти. В любом случае издательство Герберта Рейхштайна не ограничивалось эти проектом. Оно издавало специальную ариософскую библиотеку, ариософские листовки, в том числе так называемые «хертенбургские листовки», которые были написаны Ланцем-Либенфельсом.

Если поначалу Ланц-Либенфельс ограничивался рекламой «Остары» на страницах «Журнала духовного и научного реформирования», то затем он развил активнейшую публицистическую деятельность, которая была ориентирована в первую очередь на Германию. Впрочем, он не оставлял без внимания Австрию и Швейцарию. В Швейцарии с 1930 года он издавал «Люцернские письма» (о них мы поговорим попозже). В Австрии же стал инициатором выпуска «Остара обозрения Панарийского ревю». Это издание стало выходить летом 1931 года. Его непосредственным издателем стал Вёльфль. Эта фигура заслуживает отдельного внимания.

Ланц-Либенфельс познакомился с Вёльфлем в конце Первой мировой войны. Именно покровительство и материальная поддержка, которую оказывал новый знакомый, смогли обеспечить деятельность «Ордена новых тамплиеров» в Австрии на долгие годы. Иоганн Вальтари Вёльфль, крупный промышленник, живший в Вене, стал читателем «Остары» в январе 1918 года. Идеи «Ордена новых тамплиеров» настолько захватили его, что он предложил Ланцу значительные средства при условии, что он станет приором Верфенштайна. И он занял эту должность после отъезда Ланца в Венгрию. Под его началом австрийская часть ордена буквально процветала. Община из 50–60 братьев часто получала денежные, книжные и ритуальные пожертвования, украшения для монастыря. Литургические собрания в 1923 году не происходили в силу неблагоприятных политических условий, так как социалистическое правительство республики Австрия с большим подозрением относилось к «новым тамплиерам». Несмотря на это, в 1924 году было решено провести празднество, посвященное летнему солнцестоянию. В нем принимали участие сам Вёльфль, фра Хервиг и фра Фридолин, стоявшие у основания ордена, а также еще двенадцать других братьев. Празднования начались в полночь в замковой роще крещением водой и огнем, затем последовал прием в орден и рукоположение новых братьев. За утренними службами следовала медитация в роще, затем конференция в Голубой храмовой комнате и прогулка вокруг замка с возможностью восхищаться панорамой лежащего внизу Дуная. После вечерней службы все пели псалмы. Основным впечатлением праздника, отраженным в письмах братьев, было «удивительное чувство единства, внутренняя ясность и гармония…» Эти летние встречи повторялись в 1925 и 1926 годах.

В 20-е годы Вельфль вместе с Ланцем подготовил несколько публикаций. В частности, он составил литургический канон «Ордена новых тамплиеров». В апреле 1923 года он издал «Таубилариум», ежемесячный календарь, предназначенный для хождения среди братьев. Каждый из трех эрцприоров вносил сюда свои заметки, рассказывающие о приеме в орден, рукоположении, пожертвованиях и других значимых событиях. Также сюда включались описания богослужений за весь период. Репринты отдельных выдержек из писем братьев, описывающие их религиозный энтузиазм, составляли последний раздел календаря. Летом 1925 года Вельфль приступил к написанию двух других работ: «Либрариума» и «Экзаменириума». Первая включала в себя короткие исследования о средневековом прошлом ордена, о предшественниках, о замке Верфенштайн, о «движении всеобщего преобразования жизни». Вторая работа представляла собой сборник вопросов и ответов по всем предметам, касающимся ордена, для того, чтобы новые братья могли быстро и эффективно освоить его историю, традиции и церемониал. Неоцистерцианские и псевдотрадиционные тенденции этих текстов вполне очевидны. В конце 20-х Вельфль занялся эзотерическим творчеством и тем весьма способствовал освежению доктрины Ланца для широкой аудитории. В мае 1926 года он получил разрешение от Ланца на публикацию третьей серии «Остары», о чем мы рассказывали ранее.

Надо отметить, что с конца 20-х годов Ланц-Либенфельс несколько дистанцировался от управления «Орденом новых тамплиеров», который стал жить собственной жизнью. Это привело к тому, что стали возникать официально зарегистрированные общественные организации. До этого момента «новые тамплиеры» не имели права создавать общественные

объединения. Самой значимой из этих организаций стал учрежденный по инициативе того же Вёльфля «Люмен клуб». Он, кроме всего прочего, также издавал собственный вестник. После 1934 года, когда в Австрии закончился неудачей национал-социалистический путч, клуб стал прикрытием для подпольной деятельности национал-социалистов. Его члены распространяли среди австрийских сторонников Гитлера отдельные номера «Остары». Членство в этой организации было очень строгим. Желавший вступить в клуб должен был дать клятвенное заверение, что обладал арийским происхождением.

Если говорить об официальных целях «Люмен клуба», то он подобно «Остаре» хотел «даровать арийским людям счастье», достижение которого планировалось осуществить через «просвещение всех высокородных людей относительно значимости и ценности их расы». Эти «высокородные люди» должны были проводить регулярные встречи, которые организовывались как раз на базе «Люмен клуба». Поскольку деятельность этой организации была открытой, то нет ничего удивительного в том, что она попала в поле зрения австрийской политической полиции. Это не осталось незамеченным. Поскольку некоторое время на территории Австрии была запрещена деятельность национал-социалистической партии, то приходилось прибегать к некоторым уловкам. Так, например, 2 апреля 1936 года на вечере, который проходил под председательством Иоганна Вальтари Вёльфля в венском ресторане «Дреер» («Токарь»), выступил генеральный консул Гиде Поттере. Он нарочито громко заявил, что Ланц фон Либеифельс весьма негативно относился к тому, что национал-социализм считали порождением «новых тамплиеров». В другом докладе, который назвался «Ариософский идеализм и панарийский мир идей», было заявлено не только об опасности привлечения к ариософии представителей «низших рас», но и о том, что «якобы арийская точка зрения Гитлера базировалась на тезисах Остары». После этого прозвучала фраза: «Это в корне неверно, так как мы не занимаемся политикой».

Однако не стоило забывать, что в то время, когда произносились эти слова, Гитлер уже был рейхканцлером Германии, которая претендовала на присоединение Австрии к Третьему рейху. Несмотря на то что Иоганн Вальтари Вёльфль, «староста» «Люмен клуба», всегда позиционировал себя как идейный национал-социалист и даже помогал австрийским сторонникам Гитлера во время правления канцлеров Дольфуса и Шушинга, он не смог избежать неприятностей. После того как в 1938 году произошел аншлюс Австрии, деятельность «Люмен клуба» попала в прицел гестапо. В одном из донесений говорилось, что клуб был фактически идентичен «Ордену в Верфенштайне». После этого организация была распущена. Надо отметить, что ее активисты нисколько не пострадали. В связи с закрытием клуба остается неясным только один момент: был ли он закрыт как организация «масонского типа», или же как организация, которая некогда позволяла себе откреститься от Гитлера? Большинство исследователей вполне довольствовались сведениями о том, что «Люмен клуб» был закрыт в 1938 году. И только в книге Рудольфа Мунда можно встретить несколько крайне интересных фактов, которые ускользнули от историков. Оказывается, на протяжении нескольких лет «новые тамплиеры» игнорировали полученное предписание о закрытии клуба. И только 4 марта 1942 года ими было получено предписание из гестапо, в котором содержалось требование немедленно прекратить собрания и прочую общественную деятельность. То есть запрет 1938 года может восприниматься как сугубо формальное действие, которое фактически никак не повлияло ни на «новых тамплиеров», ни на «Люмен клуб».

Если же вернуться обратно в 20-е годы, то надо отметить, Ланц-Либенфельс в указанное время несколько устранился от ведения дел «Ордена новых тамплиеров». Однако он не собирался уходить из общественной жизни вообще. Именно в это время он распространяет свое влияние на территорию Германии, где заводит новые знакомства. Среди его новых сторонников можно выделить несколько ключевых фигур, которые, будучи формально связанными с «новыми тамплиерами», руководили собственными организациями, в которых

учитывались идеи Ланца-Либенфельса. Это были Рудольф Джон Горслебен и Герберт Рейхштайн.

В отличие от многих германских ариософов, которые в основном занимались распространением традиционного арманизма Гвидо фон Листа, Рудольф Джон Горслебен (1883–1930) положил начало новому арийскому мистическому движению. Основываясь на рунах Эдцы и мистических концепциях, Горслебен создал оригинальную расовую доктрину-мистерию, которая пыталась опираться на магическое наследие арийцев и оправдывала их духовное и политическое превосходство. Рудольф Джон, позже взявший себе фамилию-псевдоним Горслебен (иногда он добавлял к ней аристократическую приставку «фон»), родился 16 марта 1883 в Метце (Эльзас). Жители этой области говорили на немецком диалекте и колебались в политическом выборе между Берлином и Парижем, что подтверждает рост пангерманизма в 1890-е годы. В родных краях Горслебен очень рано познакомился с национализмом; будучи подлинным немецким патриотом, он чрезвычайно гордился своей родословной, восходящей к аристократической фамилии XTV века из Тюрингии. Накануне Первой мировой войны ему пророчили карьеру театрального актера. В это время он пребывал в Мюнхене. Здесь он предпринял попытки проявить себя в качестве драматурга. Написанная им в 1913 году пьеса снискала симпатии баварской публики. Одновременно с этим молодой человек приобщился к журналистике и начал издавать журнал, посвященный пангерманистским и националистическим идеям. Он назывался «Немецкая нация».

Когда началась война, Горслебен добровольцем записался в один из баварских полков, а затем два года сражался на Западном фронте. Затем он был переброшен на ближневосточный театр боевых действий. Он сражался в Палестине против союзников Британии. Горслебен дослужился до звания лейтенанта и был отмечен двенадцатью боевыми наградами. Во время войны он вел дневник, выдержки из которого, посвященные аравийской кампании, позже были опубликованы в немецкой прессе. Но и в этом раннем творчестве отразился его сильный интерес к мифологии и роли немецкой расы в историческом развитии.

В конце войны Горслебен вернулся в Мюнхен. Революция еще более политизировала его, и он сблизился с членами общества «Туле». В апреле 1919 года он был арестован красноармейцами, которые пытались пресечь контрреволюционную деятельность, направленную против Баварской советской республики. Вместе с ним был арестован Дитрих Эккарт, который позже станет учителем Адольфа Гитлера. Только находчивость Эккарта, проявленная на допросе, избавила обоих от расстрела, который ожидал многих заложников из числа членов общества «Туле»[10]. После ликвидации советской республики, когда «Туле» смогло выйти из подполья, Рудольф Джон Горс-лебен прочел для его членов лекцию, которая называлась «Арийский человек». Измотанный физически и психически истощенный, Р. Джон искал успокоение в националистических и антисемитских организациях. В 1920 году он опубликовал свою первую работу, которая назвалась «Преодоление еврейства в нас и вне нас». В период с 1922 по 1924 год он совмещал занятие политикой с постановкой детских спектаклей, в которых инсценировал известные исторические события. Именно в это время Горслебен принимал активное участие в деятельности правых радикалов. В июне 1921 года он стал гауляйтером южнобаварского отделения «Немецкой национальной защиты» (Труцбунд). После некоторой активности, связанной с политической деятельностью, Горслебен решил уйти из всех организаций, сосредоточившись на публицистике. Он переводит Эдду, которую рассматривал как источник, говоривший о чистых формах древней арийской религии. В 1920 году Горслебен приобрел обанкротившуюся мюнхенскую еженедельную газету «Республика», которой он дал новое название — «Немецкая свобода». Его помощниками по выпуску этого издания были: Фридрих Виктль, австрийский конспиролог, разоблачавший масонские заговоры, и Ганс Гюнтер, расовед и антрополог, чьи научные идеи пользовались большой популярностью в правом лагере. В период 1920–1925 годов «Немецкая свобода» приобрела ярко выраженный националистический характер, ссылаясь по разным поводам на

исключительные качества, якобы присущие арийской расе. С конца 1926 года Рудольф Джон Горслебен стал проповедовать мистический расизм собственного образца. В некоторых моментах его доктрина была связана с современным оккультизмом и теософией: метафизическими основаниями для нее также служили астрология, каббализм и магия; конечной целью было создание расово чистого человечества и духовный приоритет арийцев; условием первенства было оживление скрытых сил, присущих каждому арийцу, позволяющих ему обладать властью над естественным миром; любая механистическая и материалистическая концепция реальности категорически отвергалась им. И, наконец, Горслебен пропагандировал наступление нового века, в котором арийцы вернут свое былое великолепие и власть над миром. В поздних работах Горслебена эта доктрина называлась «древняя мудрость арийцев», что, по сути, было немецкой калькой со слова «ариософия». Для пропаганды собственных идей Горслебен преобразовал свою газету в журнал, который в 1927 году получил название «Арийская свобода». Он имел подзаголовок «Ежемесячник по вопросам арийского познания Бога и мира».

Расизм Горслебена опирался не столько на популярный в те годы социал-дарвинизм, сколько на мистические доктрины. Слово «раса» он производил от «рата», древнее нордическое понятие, означавшее «корень». Подобно Ланцу-Либенфельсу он пытался доказать, что «Бог» и «раса» являлись идентичными понятиями. Он утверждал, что арийцы были «сыновьями солнца, сыновьями богов, высшим проявлением жизни», и описывал их взгляд на мир как героический, поскольку арийцы пожертвовали личной выгодой ради блага мира. Горслебен яростно обрушивался на грубый, убогий и жалкий современный мир, который, по его мнению, являл унылый итог расового смешения. При этом Горслебен призывал немцев: «Помните, что ваше тело есть храм Божий. Бог пребывает внутри вас». Он утверждал, что расовое смешение губительно для партнера, высшего по расе, поскольку эта чистота будет снижена в его потомках; этот тезис он позаимствовал у Ланца-Либенфельса. Однако между ними были и существенные различия. Практические проблемы выведения чистой арийской расы не были главными для Горслебена. Он настаивал главным образом на духовном возрождении и на мистической подготовке арийцев. Он пытался сделать основой своих воззрений мистическое толкование рун, что существенно отличало «арийское мировоззрение» среди прочих ариософских доктрин.

Издавна считалось, что мистическое значение рун является намного большим, нежели их фонетическая и лексическая значимость в качестве знаков письма. Они использовались в практике пророчеств, предсказаний судьбы, магических заклинаниях и приготовлении амулетов. Горслебен пытался восстановить науку о рунах и их магическом использовании. В первую очередь он рассматривал руны как проводники тонких энергий, одушевляющих универсум, и потому как инструмент, при помощи которого можно влиять на материальный мир и ход событий. Руны были звеном, связывающим макрокосм и микрокосм арийского человека, раскрытием Бога в мире. «Руны возникли из первоначального отношения между человеческой душой сыновей Бога и мировым духом и они могли бы привести ищущего истину назад, на его космическую родину, к мистическому единству с Богом». Горслебен иллюстрировал свои выводы многочисленными диаграммами, изображающими индивидуальные руны внутри других, священных, символах. Например, он отмечал присутствие руны «хагал» в таких символах и фигурах, как гексаграммы, геральдические лилии, магические квадраты и пирамиды Хеопса в Египте. Он также разработал мистическое учение о кристаллах, в соответствии с которым душу любого человека можно было психически ощутить через особый тип кристалла. Кристаллические типы указывали на способности и судьбу того или иного субъекта. Горслебен полагал, что кристаллы были не чем иным, как пространственной геометрической проекцией рун, что лишний раз доказывало их космическое значение.

Теории Горслебена сопровождались большим разнообразием геометрических, нумерологических и этимологических конструкций. Куб был «размонтирован», чтобы продемонстрировать скрывающийся внутри него христианский крест, руна «хагал» превращена в различные солнечные символы, слово «кристалл» — произведено от Крист-Алл (Вселенная Криста), что указывало на «атлантическое и арийское происхождение» древней религии христианства, которая впоследствии была преобразована в христианство. В качестве доказательств существования этой доисторической религии — кристианства Горслебен приводил множество примеров разнообразных крестов античных цивилизаций, рассеянных по всему миру, и даже связывал монограмму Христа (лабарум) с различными формами руны «хагал».

Свою мистическую концепцию Рудольф Джон Горслебен полностью изложил на страницах объемного труда, который назывался «Апогей человечества» (1930). Для его написания он использовал материал из научных работ по археологии, этнологии и истории искусства. Главный труд его жизни описывал былую славу арийского мира и содержал множество фотографий, схем, диаграмм и карт. Утраченные цивилизации Атлантиды, мегалиты Европы, археологические находки, орнаменты и барельефы, рунические алфавиты, астрология и математические теоремы, — все это было нужно ему для того, чтобы доказать факт высокой цивилизации арийцев. Для него эта мудрость жила во всем разнообразии культурных форм, рунической структуре домов, в гербах, символах и словах и даже в картине «Меланхолия» Альбрехта Дюрера. Свои взгляды Рудольф Джон Горслебен пытался пропагандировать через созданное им «Общество Эдды», куда вошли несколько известных немецких эзотериков и «новых тамплиеров». После смерти Горслебена, которая наступила в 1930 году, «Общество Эдды» официально не поддерживало связей с «Орденом новых тамплиеров». Но это не мешало обеим организациям принять деятельное участие в судьбе «тайного немецкого короля» — Карла Марии Вилигута, который в 20-е годы был вывезен из Австрии в Германию. Затем он стал советником Генриха Гиммлера по мистическим вопросам.

Отношения Ланца-Либенфельса с германским издателем Гербертом Рейхштайном носили несколько иной характер, нежели с Рудольфом Джоном Горслебеном. Во-первых, Ланц не был инициатором создания кружка расово ориентированных мистиков, который сложился в 1925–1929 годах вокруг Рейхштайна. Во-вторых, в этих контактах был заинтересован в первую очередь сам Ланц-Либенфельс, поскольку он собирал новые материалы для своей доктрины. Он планировал использовать наработки, которые были сделаны в набиравшем после окончания Первой мировой войны в Германии эзотерическом движении. Его интересовали специальные исследования по астрологии, графологии, хиромантии и йоге, толкованию снов и различным формам духовного образа жизни, способствующего укреплению здоровья и достижениям личного счастья. Значимыми фигурами в этой среде были Густав Майринк, Франц Шпунда, Пери Шу. Это были литераторы, писавшие мистические романы. Более широкий круг авторов занимался специальными эзотерическими изысканиями.

Особый вклад Герберта Рейхштайна в развитие мистических доктрин был связан прежде всего с тем, что он смог сплотить вокруг себя множество незаурядных личностей. Исторически этот кружок восходит к берлинской группе мистиков, которая возникла около 1920 года. В ней можно было обнаружить хироманта Эрнста Иссбернера-Хальдана, астролога Фроди Ингольфсона Вермана, графолога Роберта Броца, специалиста по тайным наукам Вильгельма Вульфа, с котором в конце Второй мировой войны консультировался Генрих Гиммлер. По предложению Иссбернера-Хальдана это объединение получило название «Круг свастики». Каждый из его членов был так или иначе связан с Ланцем-Либенфельсом.

Фроди Ингольфсон Верман был поклонником идей Гвидо фон Листа о древних немецких королях-священниках. Верман родился 6 февраля 1889 года. Войну прошел артиллерийским капитаном. Считался экспертом по древней нордической истории и рунологии, также занимался астрологией, нумерологией и кармическими практиками. Это не мешало ему желать

спасти ариогероиков, прибегнув к искоренению низших рас. Верман впервые познакомился с теориями Ланца после Первой мировой войны. С Рейхштайном Верман начал сотрудничать с конца 1925 года, и написал в 1926 году два выпуска для книжной серии «Ариософская библиотека».

Если о Вермане можно судить только по отрывочной информации, то о жизни Иссбернера-Хальдана сохранилось больше сведений. Он родился 11 июня 1886 года в Кольберге, городе, расположенном на балтийском побережье. С детства он проявил интерес к хиромантии, причиной чего стала книга, подаренная старшим братом. В 1900 году он поступил учеником в одну из фирм Кольберга, где оставался до восемнадцати лет. После краткого периода военной службы работал у своего дядюшки в Берлине на табачном производстве, впоследствии руководил целой отраслью фирмы в Тюрингии. Летом 1910 года Иссбернер-Хальдан осуществил свою заветную мечту. Он эмигрировал в Австралию. Ему хотелось покинуть пределы Германии, культуру которой он презирал за ограниченность, филистерство и милитаризм. С осени 1910 года вплоть до начала 1912 года Иссбернер-Хальдан работал на различных фермах в малонаселенных уголках Нового Южного Уэльса и Южной Австралии, а затем отправился в Южную Америку. В Рио-де-Жанейро он обратил внимание на бордели, в которых работало множество девушек с явными арийскими чертами. Это натолкнуло его на мысль о существовании всемирного еврейского заговора, якобы стремящегося испортить юных девушек высшей расы. Поднимаясь по Амазонке в Манаос, Иссбернер-Хальдан написал диссертацию по хиромантии, за которую получил звание профессора от никому не известного, а возможно, и вымышленного университета. Во время поездки в Перу, он странствовал по Андам и испытал там мистический транс, во время которого ему были открыты некоторые эзотерические тайны. Во время визита в Германию, который состоялся в июле 1914 года, Иссбернер-Хальдан намеревался посетить родственников, после чего планировал направиться в Соединенные Штаты. Но началась война, и он был интернирован как австралийский гражданин. Следующие четыре года он провел в лагерях для интернированных лиц.

Освободившись в ноябре 1918, он обосновался в Берлине, где стал зарабатывать себе на жизнь в качестве хироманта. Именно здесь он познакомился с людьми, которые вначале вошли в «Круг свастики», а затем активно издавались у Герберта Рейхштайна. В 1926 году Иссбернер-Хальдан начал издание журнала «Хиромантия», который рекламировался как официальный орган «Ассоциации хиромантов Германии». С Рейхштайном он впервые познакомился в конце 1925-го, а в конце 1929 года его журнал был поглощен журналом Рейхштайна. В начале 1927 года, после встреч с Ланцем в Вене или в Будапеште, Иссбернер-Халдан вступил в «Орден новых тамплиеров», а затем открыл филиал ордена («Дом свастики») около Арконы, на острове Рюген.

Герберт Рейхштайн, вокруг которого и сплотились берлинские мистики, родился 25 января 1892 года в силезском городке Наупап. О его юности почти ничего не известно. В октябре 1925 года он сближается с Ланцем-Либенфельсом, фактически становясь издателем главы «новых тамплиеров» в Германии. Одновременно с этим Рейхштайн провозгласил себя директором «Немецкого сообщества по вопросам человековедения и исследования судьбы». Он задумал это объединение как союз, который бы мог сплотить всех мистиков и эзотериков, придерживавшихся расистских взглядов. Несколько позже стал издавать упоминавшийся ранее «Журнал по вопросам человековедения и исследования судьбы».

Именно благодаря Рейхштайну в 1928 году к числу знакомых Ланца-Либенфельса добавился русский эмигрант, которого в Германии знали под именем Грегора Шварца-Бостунича. Григорий Бостунич родился 1 декабря 1883 года в Киеве. По отцовской линии он происходил из прибалтийских дворян, по материнской — из сербов и баварцев. В молодости Бостунич не раз бывал в Баварии в гостях у германских родственников своей матери. В 1908 году Григорий Бостунич получил диплом юриста, однако предпочел заниматься литературой, интерес к которой он проявлял еще в студенческие годы. Мировая война и революция

поставили крест на его творческих планах. Являясь яростным противником большевизма, Григорий Бостунич был пропагандистом в армии Деникина, а затем у Врангеля. В результате этой деятельности он усвоил идею заговора евреев, масонов и большевиков. В 1920 году Бостунич был заочно приговорен большевиками к смерти, но ему удалось бежать в Болгарию. В октябре 1920 года он перебрался в Югославию и поселился в Белграде. Последующие несколько лет он читал лекции о заговоре евреев и масонов. С 1922 года он жил в Германии, где продолжил эту деятельность в среде немецких националистов.

В то же самое время он стал проявлять интерес к мистике. Поначалу он интересовался антропософией, но затем обвинил ее создателя Рудольфа Штайнера в пособничестве «мировому заговору». С Рейхштайном Бостунич, который предпочитал себя именовать на германский манер Грегор Шварц-Бостунич, впервые встретился зимой 1926 года. Это произошло в Дюссельдорфе. Рейхштайн пригласил русского эмигранта к себе в ариософский кружок. Помимо участия в ариософском движении, Шварц-Бостунич был очень активен в ультраправых и националистических организациях. Со временем он стал сотрудничать с национал-социалистами. Забегая вперед, надо отметить, что в 1942 году Шварц-Бостунич получил титул «почётный профессора СС», в 1944 году ему даже был присвоен чин штандартенфюрера СС.

Новая стадия в развитии кружка издававшихся у Герберта Рейхштайна ариософских мистиков наступила в августе 1928 года. Именно тогда было создано общество «Новые каланды». Название организации явно указывало на некое родство с «Орденом новых тамплиеров», что подтверждалось тем фактом, что интеллектуальным лидером общества был не кто иной, как Ланц-Либенфельс. Кроме этого можно было отметить, что среди членов общества «Новые каланды» имелось несколько высокопоставленных «новых тамплиеров», в том числе глава эрцприората Штауфен Франц Фридрих фон Хохберг. В период с 1929 по 1931 год общество в основном занималось пропагандой ариософских доктрин в различных немецких городах. Впрочем, судьба «Новых каланд» оказалась недолговечной — общество развалилось, раздираемое многочисленными внутренними конфликтами. В первую очередь это касалось ссоры, которая вспыхнула между Рейхштайном и Берманом. После этого Рейх-штайн создает «Ариософский культурный централ», при котором было образовано специальное учебное заведение. «Ариософский институт» начал свою деятельность в мае 1932 года, что было приурочено к празднованию 60-летия Ланца-Либенфельса. В нем предполагалось читать курсы по рунологии, хиромантии, рунической гимнастике, йоге, каббалистике, нумерологии. Как отмечал Николас Гудрик-Кларк, Рейхштайн постоянно выражал свою признательность Ланду фон Либенфельсу за то, что благодаря ему удалось избежать бессмысленной жизни и депрессии. Ариософия, несомненно, была существенным элементом, способствующим облегчению стресса и разочарования среди людей, переживших обман всех ожиданий и девальвацию культурных ценностей в последние годы Веймарской республики.

Глава 9

ОТ ВЕНГРИИ ДО «ЛЮЦЕРНСКИХ ПИСЕМ»

Если вернуться к судьбе самого Ланца-Либенфельса, то надо отметить, что в начале 20-х годов венгерская контрреволюция окончательно одержала верх. После свержения советской республики к власти пришло коалиционное правительство, в составе которого были представители крайне консервативной партии «Христианский национальный союз». Чудом избежавший казни Ланц-Либенфельс сразу же смог найти себе работу в Христианском

национальном информационном агентстве, которое было тесно связано с пресс-службой венгерского внешнеполитического аппарата. В задачи Ланца входило написание статей для ежедневных газет. Поскольку 1 марта 1920 года в Венгрии регентом был провозглашен Миклош Хорта, которому удалось установить авторитарный режим, то Ланц-Либенфельс отнюдь не спешил с возвращением в Австрию, где у власти пребывали социалисты. Он решил остаться в Будапеште, откуда и планировал координировать деятельность «Ордена новых тамплиеров».

В венгерской столице он был известен консервативным и националистическим кругам как «немецкий барон». Его литературные усилия были одновременно направлены на реакционную журналистику, составление литургических канонов для «новых тамплиеров» и постижение мистических тайн. Как уже описывалось в предыдущей главе, усилия, прилагаемые Ланцем-Либенфельсом в «эзотерическом направлении», позволили ему стать в 20-е годы одной из центральных фигур европейского мистицизма.

Положение «Ордена новых тамплиеров» в Венгрии на первых порах определялось личными связями, которые Ланц-Либенфельс смог установить в венгерской столице. С 1921 года он осуществлял непосредственное руководство эрцприоратом Мариенкамп. Впрочем, братья, входившие в этот филиал ордена, в большинстве своем находились за пределами Венгрии. Австрийский химик и инженер Альбрехт фон Грёзлинг (фра Амаларих) работал в Лондоне, Техасе и Калифорнии. Он был сыном Альбрехта Фридриха фон Грёзлинга, известного венского пангерманиста, связанного накануне войны с Георгом фон Шёнерером. Вместе с фра Амаларихом и фра Арчибальдом Ланц занимался каббалистическими исследованиями: между ним, экспатриированными братьями и братьями двух других общин существовала интенсивная переписка. Эта ограниченная деятельность расширилась после того, как Ланц приобрел разрушенную церковь в местечке Ст. Балаж (XIII век) на северном берегу озера Балатон. Именно там 6 января 1926 года был основан филиал «Ордена новых тамплиеров». Его содержание было поручено венгерским друзьям Ланца-Либенфельса. Сохранилось описание, которое рассказывало о начале работ в Ст. Балаже: «3 апреля 1926 года фра Ладислав, фра Вильгельм и фра Георг отправились к Ст. Бал аж… Пасхальный пейзаж был поразительно великолепен. Буро-лиловые тона покрытых лесом холмов, обширная изумрудно-зеленая поверхность озера Балатон, ультрамариновая глубина воды и серебристо-голубое небо. Среди белых и бледно-розовых цветов миндаля, вишни и персиковых деревьев высились древние серо-лиловые камни монастыря». В своей характерной манере Ланц-Либенфельс утверждал, что именно эта церковь являлась прежде средневековым храмом тамплиеров. За доказательствами этой теории он обратился к венгерскому ученому и роялисту Б. Райнальду, который также состоял в «Ордене новых тамплиеров».

Ланц-Либенфельс полагал, что Венгрия, которая раньше всех европейских стран вступила на путь авторитаризма, была просто предназначена для того, чтобы связать с ней будущее «Ордена новых тамплиеров». Восстановление эрцприората Мариенкамп осуществлялось при помощи местных крестьян. Из рассказов очевидцев следовало, что эрцприорат Мариенкамп в Ст. Балаже был своего рода общиной, основу шторой составлял Ланц-Либенфельс и его возлюбленная из династии Бочкай. Если не считать многочисленных гостей, которые прибывали из всех концов Европы, то постоянными жителями эрцприората было еще несколько кошек. В это время Ланц-Либенфельс поддерживал активные связи с венгерскими монархистами и германофилами, среди которых надо выделить «Гордая фон Судьи и Пауля Хорна, депутата венгерского парламента. Оба они увлекались астрологией. Нередко их подозревали в том, что они были немецкими шпионами, которые поддерживали связь через «Орден новых тамплиеров». Едва ли можно усомниться в том, что для многих, в том числе для своих соседей, Ланц-Либенфельс выглядел весьма эксцентрично. Он устраивал теологические диспуты с местными католическими священниками и призывал крестьян к тому, чтобы они крестили детей в эрцприорате Мариенкамп, который был украшен по литургическому канону

«новых тамплиеров»: в нем преобладали гностические фрески с изображением св. Георгия, чаши Грааля и т. д. Все это дополнялось геральдической символикой, флагами и штандартами.

До нас дошли две истории, которые датируются 1928 годом. Первая описывает экстатическое воссоединение братьев и приора после прибытия «друзей» из Будапешта, вторая свидетельствует о рукоположении Георга Хауэрштайна (младшего), а также ритуал возведения Фридриха Швикерта в пресвитеры «Ордена новых тамплиеров». Это особое событие было отмечено изменением традиционного флага ордена в символе теозоологической эволюции. Как отмечал Николас Гудрик-Кларк: «Фрески, канонические собрания точно передают ощущение цели, которая объединила братьев в этой удаленной сельской местности. Они готовились к священному крестовому походу. Их миссия должна была напомнить о том, что Венгрия уже однажды являлась оплотом христианства, спасшим Европу от нашествия монгольских орд и турков».

Говоря о развитии «Ордена новых тамплиеров», нельзя не отметить, что в сентябре 1937 года венгерскими братьями было основано пресвитерство «Васкарпу» близ местечка Пилиш-Сент-Керест. Однако во второй половине 30-х годов положение ордена в Венгрии стало шатким. Сказывалось влияние национал-социалистической Германии. Ланц-Либенфельс, словно предвидя подобное развитие событий, еще в 1933 году перебрался в Швейцарию. Паулю Хорну удалось сохранить орден в Венгрии на протяжении всей войны. Это было скорее исключением из правил, так как австрийские и немецкие филиалы прекратили полностью свою деятельность в начале 40-х годов.

Если говорить о деятельности Ланца-Либенфельс а в Швейцарии, то она в основном сводилась к изданию «Люцернских писем». Они, вне всякого сомнения, являются столь же важной журнальной серией, что и «Оста-ра». Впрочем, «Остара» и «Люцернские письма» имели совершенно разную судьбу, если это слово употребимо в отношении печатного материала. Письма являются ценным источником, который позволяет проследить развитие идей Ланца-Либенфельса в то время, когда в Германии к власти приходит Гитлер и устанавливается национал-социалистический режим, а в Австрии канцлером становится Дольфус (австрофашистский режим). Эта серия стала издаваться Ланцем с 1933 года. Она продолжала выходить по 1935 год включительно. Не исключено, что «Люцернские письма» появлялись и позже, однако дата в их выходных данных продолжала оставаться та же самая — 1935 год. Это относится к выпускам № 22, 23, 24. На 25-м номере письма вообще стояла дата — 1929 год, а в качестве места выхода значилась Венгрия — Ст. Ба-лаж. Подобная нумерация и датировка не должны вводить читателя в заблуждение. В личной беседе с Вильфридом Даймом Теодор Чепль заявил, что Ланц-Либенфельс делал это намеренно. К 1935 году он столкнулся в Австрии и Германии с целым рядом политических «трудностей», а потому решил использовать тактику «датировки задним числом». В итоге каждое новое «Люцернское письмо» выглядело вышедшим либо в 1935 году, либо ранее. В действительности же отдельные из этих вестников продолжали выпускаться даже в 1937–1938 годах.

О том, что Ланц-Либенфельс опасался политического преследования, говорит хотя бы тот факт, что из номера в номер в «Люцернских письмах» он просил своих читателей не присылать ему никаких книг и газетных вырезок, равно как не вести с ним переписку на политические темы. Очевидно, что Ланц всеми силами пытался показать, что он совершенно не интересуется политикой.

Подобно «Остаре» каждый из номеров «Люцернских писем» имел собственное название. Перечислим только некоторые из них:

— История ариомантийского ордена господ: Орфей, Пифагор, Бенедикт Нурсийский, Бернард Кпервоский, Сведенборг, Стриндберг;

— Наплыв чандалов и чиновников;

— Духовное и светское княжество;

— Назад и вперед к княжеству священников;

— Ариомантика и современная праздничная культура;

— Воздействие ариомантики на современную историю.

I. «Пробуждающаяся Венгрия»

II. 3-й Рим и Муссолини

III. 3-й Рейх и Гитлер

IV. Мир масонов, евреев, иезуитов и Людендорф.

При изучении нумерации «Люцернских писем» бросается в глаза, что в них отсутствовали № 17,18,19. В одном из выпусков писем Ланц-Либенфельс сообщал: «После поступления неоднократных вопросов, хочу сообщить, что номера 17–19 не были напечатаны и не рассылались адресатам». Немецкий исследователь Вильфрид Дайм не смог установить, почему произошел такой в высшей мере странный случай. Ведь если указанные номера не были напечатаны, то можно было продолжить текущую нумерацию с того номера, который все-таки был напечатан! Судя по всему, указанные выпуски все-таки вышли из типографии. Однако опасавшийся преследования Ланц-Либенфельс предпочел их уничтожить, а потому открыто сообщил, что эти номера никто не получил. Весьма показательно, что сразу же после этого Ланц прибегнул к тактике «датировки задним числом». Что же крамольного содержалось в этих выпусках писем, сейчас установить фактически нереально.

Версия о том, что Ланц-Либенфельс предпринимал некоторые меры предосторожности, подтверждается также тем, какие подзаголовки имели «Люцернские письма». Сразу же надо пояснить, что «Люцернские письма» были условным наименованием серии брошюр, каждая из которых имела собственное название и подзаголовок. Первые два письма являлись «Ариомантической библиотекой, собранием расово-религиозных и расово-философских произведений». Затем в подзаголовке слова «расово-религиозный» и «расово-философский» поменялись местами. Пятый же выпуск имел подзаголовок: «Ариомантические письма моим друзьям». На следующих номерах значилось: «Письма моим друзьям» (откуда, собственно, и взялось название «Люцернские письма»). Однако с 21-го выпуска письма не имели вообще никаких подзаголовков. Видимо, это было еще одним шагом, при помощи которого Ланц-Либенфельс пытался доказать, что не занимался и не интересовался политикой.

Чего и почему опасался Ланц? Сразу же после прихода Гитлера к власти он неосмотрительно предпринял несколько попыток добиться признания в Германии в качестве «провозвестника национал-социализма». Некоторые из ариософских изданий в те дни характеризовали его как «заслуженного, благородного, бескорыстного передового бойца и мученика арийского движения». Ланц не знал, что Гитлер крайне негативно относился к тем, кто считал себя предшественником или «прародителем» национал-социалистической партии. Фюрер считал национал-социализм вообще и НСДАП в частности исключительно собственным детищем. Поэтому всех «самозванцев» ожидала не слишком завидная судьба. В опале оказался первый председатель «Партии немецких трудящихся» (ДАП) Антон Дрекслер. Из страны был вынужден эмигрировать Рудольф фон Зебботендорф, основатель общества «Туле» и т. д. Ланц-Либенфельс, не видя потенциальной опасности, сам включил себя в этот список. Естественно, в Третьем рейхе никто не собирался признавать его «исключительных заслуг».

В седьмом письме Ланц высказывал мысль о том, что «Немецкий рыцарский орден [Тевтонский орден] создал основу для немецкой империи». В этой мысли не было ничего крамольного, тем более что Ланц-Либенфельс фактически цитировал речь Альфреда Розенберга, которую тот произнес в начале 1934 года в Мариенбурге. Кроме этого Ланц мог опираться на карту, которая выставлялась в Берлине на одной из выставок в том же самом 1934 году. На ней было изображены пути проникновения цистерцианцев на «восточные территории». Как бы намекая на себя, Ланц писал: «Человек, который обладает даром ясновидения, понимает суть божественных вещей, предельно ясно постигает земные дела.

Опираясь на свои принципы, он способен действовать более эффективно и целеустремленно, нежели люди, чуждые мистике и не имеющие духовного опыта». Далее Ланц продолжал: «Именно по этой причине Розенберг последовательно стремится к созданию Третьего рейха на основе немецкого ордена». «Поэтому наряду с вечным германским инстинктом для нас сегодня важно осознать свой долг, сделать все возможное, чтобы найти форму, позволяющую перекинуть мост от великого прошлого к недалекому будущему. То есть обрести тот тип государства, который бы гарантировал сохранение вещей, созданных государственно-политическим гением… здесь как нигде важно применить принцип ордена».

Однако Ланц-Либенфельс со временем разочаровался в национал-социализме. В 36-м письме (приблизительно конец 1936–1937 год) он позволил себе делать критические замечания в отношении Третьего рейха. Кроме этого Ланц стал опасаться за судьбу Австрии. И в этом случае он рассуждал как типичный интернационалист. По мнению Ланца, прошлая Австро-Венгрия была «арийско-христианской Лигой Наций в миниатюре, государством, которое связывало друг с другом различные народы». Ланц полагал, что требования «присоединить» Австрию к Третьему рейху были оскорбительными. Принимая во внимание перечисленные выше сведения, можно понять, почему Ланц опасался политических преследований. Кроме того, утверждения о том, что он дистанцировался от национал-социализма, не кажутся совсем уж надуманными.

Не стоит забывать, что Ланц-Либенфельс, подобно Гитлеру, был австрийцем, а потому испытывал к национал-социалистической Германии весьма противоречивые чувства. С одной стороны, он был за объединение народа (он полагал жителей Австрии и Германии — немцами). С другой стороны, он выступал за объединение исключительно на расовой основе, а не на государственном уровне. В 30-е годы Ланц придерживался очень сложного мировоззрения, которое можно было назвать «расовым интернационализмом». Например, в 1934 году он отмечал, что Гитлер не слишком последовательно проводит в жизнь расовую политику. Еще большее возмущение у Ланца вызвало то обстоятельство, что национал-социалистическая расовая политика не базировалась на мистической основе. То что в некоторых из статей он позволял себе «интернациональные» пассажи, вовсе не значило, что Ланц отказался от своего расизма. Например, в одной из брошюр того времени он приводил собственный «перевод» 27 псалма, в котором он взывал к уничтожению недочеловечества, а также изображал древнюю борьбу героической расы против ужасных чудовищ.

В 30-е годы Ланц-Либенфельс на удивление много писал. Даже если он повторял некоторые из своих тезисов, то они обрастали новыми конструкциями. Если говорить о работах этого времени, то прежде всего надо упомянуть «Библиомистикон» (об этом многотомном произведении объемом почти в 3500 страниц мы рассказывали в начале нашей книги). Затем последовал «Оффициум тамплиера», который по своему объему не уступал «Библиомистикону». Потом был написан «Арифмософикон», чей объем составлял приблизительно 800 страниц. Эта работа была посвящена нумерологии и каббалистическим вычислениям. После этого была написана двухтомная работа по астрологии. Однако издать Ланцу удалось только первый том — «Практико-эмпирическое руководство по ариософской астрологии. Составление гороскопов рождения». Некоторое время спустя появилась работа, которая фактически не была известна приверженцам Ланца-Либенфельса. Речь идет о книге «Обман Таксиля. История всемирно-исторической шутки». В этом произведении Ланц разоблачал Лео Таксиля, известного французского антиклерикала, который являлся автором «Забавной Библии» и ряда антимасонских мистификаций. Кроме крупных работ в 30-е годы Ланц написал несколько небольших произведений. Например, «Электротеология таинства евхаристии, мессы и праздника Грааля», учебник по практической каббалистике и т. д.

Об астрологических изысканиях Ланца-Либенфельса надо рассказать отдельно. Первоначально он занялся астрологией, чтобы предсказать исход Первой мировой войны. Поскольку астрологическая жизнь в Германии протекала исключительно в теософском

контексте, то большинство только что заявивших о себе германских астрологов (Карл Брандлер-Прахт, Отто Полльнер, Эрнст Тьеде и Альберт Книпф) публиковались в Лейпциге, как бы находясь под патронатом «Теософского издательского дома». Еще в январе 1915 года Ланц-Либенфельс написал рецензию на астрологическое творчество Полльнера и Тьеде. Первая работа Полльнера «Мировая астрология» (1914) заложила основы политической астрологии, поскольку в ней были представлены гороскопы государств, людей и городов с целью определения их будущей судьбы; во второй его работе «Судьба и звезды» (1914) прослеживалась карьера и жизненный путь членов европейских королевских семей в связи с расположением звезд при их рождении. Тьеде анализировал гороскопы государственных лидеров всех воюющих сторон. Весной Ланц опубликовал другие обзоры астрологической и профетической литературы, исследуя таких авторов, как Артур Гробе-Вутиппси, Брандлер-Прахт и Альберт Книпф, пытавшихся применить предсказания французского пророка Нострадамуса (1503–1566) к современному европейскому конфликту.

В августе 1915 года Ланц счел, что достаточно усвоил новые астрологические и пророческие идеи для того, чтобы осуществить собственную милленаристскую интерпретацию войны. Следуя теориям Полльнера и датского астролога, пишущего под псевдонимом К. Либра, Ланц присвоил каждой большой стране планету и зодиакальный знак, астрологические свойства которых соответствовали культуре и духу их расы; распределение происходило по правилам ариохристианской доктрины. Затем эта «расово-метафизическая» астрология была спроецирована на межнациональную вражду. Рассмотрев события 1914 и 1915 годов в свете своего неогностического Апокалипсиса, Ланц обратился к собственно пророчеству. По его мнению, настоящая война свидетельствовала о мессианском «исполнении времен». Растущий расовый беспорядок, военный и культурный хаос должны были завершиться новым монгольским нашествием на Европу в период от 1960 по 1988 год, доведя «мессианские муки» до мыслимого апогея и предав землю во власть демонического господства. Страшный суд предвещал золотой век, когда возникнет новая Церковь Святого Духа и породит «арийское государство», власть в котором будет отдана вечному священству, посвященному в таинства древнего сексуально-расистского гнозиса. Географическим местом рождения расистского золотого века была названа Вена; в новом политико-религиозном устройстве ей отводилась главная роль.

В конце 1920-х Ланц вернулся к астрологической схеме, при помощи которой он интерпретировал ход западной политики и религиозное развитие. В качестве основной хронологической единицы он принял платоновский год, длящийся 26 280 земных лет, «космический месяц», длящийся 2190 земных лет, он разделил на три «космических недели», каждая из которых длилась приблизительно 730 лет и определяла собой особенную культурную эпоху. Одна такая «космическая неделя» началась предположительно в 480 году нашей эры, в этом году родился святой Бенедикт, широко известный как основатель средневековой западной монастырской традиции. В период с 480 по 1210 год жизнь общества руководилась «рыцарствующим духовенством орденов» (бенедиктинцы, цистерцианцы, тамплиеры, тевтонские рыцари), потому что Марс все это время находился в созвездии Рыб. И наоборот, власть грубого большинства характеризовала период 1210–1920 годов, поскольку в это время Луна находилась в созвездии Рыб: тюрки и евреи ослабили европейскую политику, рост городов, капитализма, возникновение идеологий демократии и национализма, поддерживаемых растущим влиянием пролетариата и расовых меньшинств. Ланц предсказывал, что следующий период (1920–2640) будет временем возрождения иерархий, потому что созвездие Рыб перейдет в сферу Юпитера. Ланц приветствовал Испанию, Италию и Венгрию как «страны Юпитера», предшественники надвигающихся глобальных перемен, — в этих странах в 20-х годах у власти была крайне правая диктатура.

Глава 10

ЭРЦПРИОРАТ ШТАУФЕН

Ланц-Либенфельс всегда остро переживал, что с началом Первой мировой войны германский филиал «Ордена новых тамплиеров» фактически прекратил свое существование. Главным действующим лицом в послевоенном немецком возрождении ордена был Детлеф Шмуде. Именно он выступал в феврале 1914 года инициатором создания в Холленберге пресвитерства «новых тамплиеров». Однако начавшаяся война соврала это начинание. После поражения Германии Шмунде вернулся в Гарц, вде написал роман, посвященный его пребыванию в «Ордене новых тамплиеров». Это литературное произведение получило название «Трепет, колебания и божественные вещи». В романе описывались тайные ментальные вибрации, которые якобы могли происходить между человеческими душами. Эти вибрации являлись результатом следования некоторым религиозным и мистическим практикам. В основу сюжета романа была положена история о молодом человеке, живущем в лесной часовне, который решил посвятить себя мистическому христианскому богослужению. В этом ему помогают таинственные наставники. Помимо очевидного описания церемониала «новых тамплиеров», обычаев ордена, изображения геральдических знаков с характерной символикой ангелов и фавнов, книга по своему стилю имела очевидную связь с новаторской литературой того времени. Однако это не значило, что Шмуде не проявлял себя в практической сфере. В марте 1919 года он участвовал под Магдебургом в формировании добровольческих корпусов. Затем он принимал участие в создании специальных лагерей, где могли найти работу отчаявшиеся в хаосе революции люди.

Сразу же после войны Шмуде начал пропагандировать идеи «Ордена новых тамплиеров». В мае 1921 года он издал кодекс ордена, в котором несколько самоуверенно указал себя в качестве главы эрцприората Холленберг. Поставив себя в ряд с Ланцем-Либенфельсом (глава эрцприората Мариенкамп) и Вёльфлем (глава эрцприората Верфенштайн), Шмуде фактически стал самозванцем, но на это решили не обращать внимания. В 1922 году Шмуде безуспешно пытался наладить издание германской серии «Остары». В паре номеров, все-таки увидевших свет, он выделял пять расовых типов и исследовал причины культурного кризиса, утверждая вместе с тем, что «все восточные и древние государства погубила толпа, добравшаяся до власти, диктатура пролетариата; и это произошло, когда низшие расы задушили героическую арийскую правящую касту».

По большому счету заслуга Шмуде состояла в том, что он познакомил с идеями «Ордена новых тамплиеров» графа Фридриха Франца фон Хохберга. Тот служил в прусской армии, но после окончания войны вышел в отставку и выбрал профессию архитектора, работая с 1920 года под Зитгау в Саксонии. В деревне Ванша он построил по собственному проекту деревенское здание, именуемое «Розовым домиком». Хохберг был крайне удручен положением дел в Германии. Кроме того, армию он оставил вынужденно, после того как союзники потребовали сокращения численности войск; его же фамильное поместье в Роншtоке рисковало перейти в польскую собственность. В то время поляки планировали в обход всех международных договоров аннексировать часть Силезии. Этой агрессии помешали только фрайкоры. Именно благодаря Шмуце граф был произведен в пресвитеры ордена. Весной Шмуде направился в Персию, чтобы создать и там филиал «Ордена новых тамплиеров». Именно с этого момента можно рассматривать начало деятельности филиала ордена в Дитфурте, который позже превратился в эрцприорат Штауфен.

На ранней стадии существования «Ордена новых тамплиеров» Ланц-Либенфельс и приближенные к нему люди весьма большое значение уделяли замкам и замковым строениям. К выбору места для создания нового филиала ордена нередко предъявлялись очень строгие требования. Населенный пункт или город должен был обладать древней историей. Кроме этого

должна была иметься возможность создания «сакрального зала» и помещения для жилья. Неизвестно, кому первому пришла в голову мысль создать филиал «Ордена новых тамплиеров» в германском городе Дитфурт. В то время только двое «новых тамплиеров» происходили из Швабии. Один из них был лесничий Пауль Вайтбрсхт. Однако он нес службу в Байерсбронне, а потому был совершенно неизвестен в родных краях. Однако факт остается фактом — именно Пауль Вайтбрехт занимался делами по созданию нового филиала, а это означало, что в Дитфурте он официально представлял интересы «Ордена новых тамплиеров».

В 1924 году он стал заниматься поиском места, где бы можно было расположить общину ордена. Именно в этом году он получил от руководства «новых тамплиеров» сумму в один миллион австрийских крон, которые должны были быть использованы для организации филиала ордена в Южной Германии. Впрочем, с учетом стремительной инфляции и экономического кризиса, который охватил Германию и Австрию в начале 20-х годов, это была не такая уж гигантская сумма. Если пересчитывать ее в современные европейские деньги, то она соответствовала приблизительно 500 евро.

Указанная сумма была предоставлена графом Хохбер-гом, который был одним из самых влиятельных «новых тамплиеров» в Южной Германии. Предоставление денег нельзя было рассматривать в качестве некой спонсорской помощи или ссуды. Это было следование некому принципу, установленному в «Ордене новых тамплиеров» — пресвитер должен был являться не только руководителем филиала, но и владельцем всего недвижимого имущества, относящегося к данному филиалу. Это в значительной мере облегчало решение проблем, связанных с гражданским правом. В указанной ситуации остается лишь непонятным, участвовал ли собственными деньгами в этой деятельности лесничий Пауль Вайтбрехт. Если опираться на сведения, которые были изложены в работе Николаса Гудрика-Кларка «Оккультные корни нацизма», равно как и на косвенные сведения, приведенные в книге Рудольфа Мунда, то формальное освещение южногерманского филиала «Ордена новых тамплиеров» произошло 21 декабря 1927 года. Однако прибывшие к этому времени на церемонию «новые тамплиеры» были вынуждены размещаться отнюдь не в орденских помещениях. Дело в том, что предназначенное для проживания братьев помещение еще не перешло в собственность ордена. Сохранились сведения о том, что большая часть местных братьев и члены их семей жили в привокзальной гостинице. По крайней мере, это относилось к периоду с 1927 по 1929 год — именно тогда создавался филиал «новых тамплиеров» в Дитфурте.

До сих пор остается не совсем понятным, почему для эрцприората в Дитфурте было выбрано название «Штауфен». Скорее всего, это было производной от слова Гогенштауфен. Однако опять же не представляется возможным установить, шла ли речь об императорской династии Священной Римской империи германской нации или же о населенном пункте, который находился на некотором расстоянии от Дитфурта.

Итак, 31 декабря 1927 года формально был основан филиал «Ордена новых тамплиеров» Штауфен. Скорее всего, этому предшествовали переговоры, которые велись в Дитфурте. Они должны были касаться законности прав на передачу собственности. Сами же «новые тамплиеры» стали обосновываться с Дитфурте только весной 1928 года. Это было связано с тем, что 28 марта 1928 года Паулю Вайтбрехту удалось приобрести за 3750 рейхсмарок у крестьян земельный участок, на котором имелись развалины каменных зданий и старого замка. Окончательное подтверждение покупки произошло 15 сентября 1928 года в суде Зигмарингена. В договоре купли-продажи отдельно оговаривалось, что право преимущественной продажи применялось исключительно для «благовестнических целей». Это был специальный пункт, которому уделялось большое внимание во всех филиалах ордена. 2 апреля 1928 года Пауль Вайтбрехт «предложил» имперскому графу Фридриху Францу фон Хохбергу приобрести указанный земельный участок с каменными руинами за сумму в 5 тысяч рейхсмарок. Этим «предложением» граф Хохберг воспользовался только в 1929 году.

Сразу же после того, как земельный участок официально перешел во владение «новых тамплиеров», те стали заниматься архитектурной перепланировкой доставшихся им руин. Еще в июне 1928 года архитектор Гёче из Хохдорфа подал заявление на имя бургомистра Вильзингена, в котором сообщал, что «по поручению господина главного лесничего Вайтбрехта намеревался возвести над руинами в Дитфурте этаж с черепичной крышей». После этого советник по вопросам строительства, несмотря на личные сомнения, все-таки рекомендовал ландрату дать разрешение на начало этих строительных работ. Причина сомнений крылась в том, что в ходе строительных работ мог быть искажен вид находившейся на указанной территории башни. Кроме этого советник настоятельно рекомендовал выдвинуть некоторые обязательные условия. Чтобы получить разрешение на начало строительных работ, «новые тамплиеры» должны были сохранить возможность общественного доступа к расселине в скале, находившейся близ развалин каменных домов. Однако «новые тамплиеры» планировали использовать доставшуюся им пещеру для отправления собственного культа, а потому отнюдь не намеревались допускать туда посторонних людей. В августе 1929 года граф Хохберг направил в ландрат письмо, в котором выражал свое недовольство: «Глубоко уважаемый господин советник! Позавчера я намеревался встретиться с Вами, чтобы получить консультации по поводу развалин в Дитфурте. К великому сожалению, я не смог застать Вас на месте. Я хочу вступить во владение руинами, кои мне намеревается уступить господин главный лесничий Вайтбрехт. Этот объект очень многое для меня значит. Между тем до меня дошли слухи, что заявление господина главного лесничего до сих пор не рассмотрено. В этой связи прошу учесть, что я намерен замуровать несколько дыр в скале, так как в пещере существует угроза обвала. Прошу это учитывать при вынесении решения. *Я* довожу это до Вашего сведения, так как имеются опасения, что Вы пребываете во власти нелепых слухов. Само собой разумеется, до вынесения окончательного решения башня останется в ее настоящем состоянии. Искренне Ваш граф Ф.Ф. фон Хохберг, архитектор».

Окончательное решение должен был вынести земельный хранитель, профессор Лаур из Фридрихсхафена. Для окружной администрации Зигмарингена этого было вполне достаточно, чтобы отклонить просьбу «новых тамплиеров». И чиновники, и земельный хранитель с самого начала заняли весьма недоброжелательную в отношении «новых тамплиеров» позицию. По этой причине результат экспертизы можно было предсказать с самого начала. 9 сентября 1929 года профессор Лаур вынес следующее решение: «Выдача разрешения на начало строительства полностью противоречит принципам охраны памятников… Проект необходимо привести в полное соответствие с законодательством об охране исторических памятников. Начало строительства исказило бы внешний вид памятника настолько сильно, что от его первоначального облика не осталось бы и следа. Башня однозначно бы стала новым строением, утратившим свои древние стилевые формы. Принимая во внимание, насколько местное население проникнуто пониманием родной истории, начало строительства, вне всякого сомнения, привело бы к сильным общественным протестам».

Итак, первоначальным планам филиала «Ордена новых тамплиеров» в Дитфурге не было суждено сбыться. Поэтому было принято решение искать иной выход из сложившейся ситуации. После того как стало ясно, что ни при каких условиях не будет получено разрешение на начало строительства, руководство филиала Штауфен приобрело у крестьянина землю, которая примыкала к земельному участку, несколько лет находившемуся во владении ордена. В том же самом месяце в местные органы власти было подано заявление о получении разрешения на начало строительства нового «братского общежития». К заявлению был приложен проект здания, заранее подготовленный архитектором Гёче, который был одним из братьев «Ордена новых тамплиеров». План предусматривал возведение здания высотой 2,2 метра, перед которым должна была находиться предфасадная площадь. Забегая вперед, надо сказать, что ее застройка началась только в 40-е годы. С формальной точки зрения этот проект мог вызвать сомнения, так как он во многом нарушал требования, предъявляемые к

«каникулярным зданиям», на что сразу же обратил внимание районный архитектор Бауэр. Однако разрешение на начало строительства все-таки было получено. Граф Хохберг смог убедить местные власти, дав свои гарантии, чем фактически ввел чиновников в заблуждение. В одном из писем он писал: «Строительство служит лишь для возведения здания, которое будет принимать летом молодых людей, намеревающихся отдохнуть во время каникул. В силу указанных мною причин, я бы просил ландрах благосклонно отнестись к моему заявлению».

Строительство шло очень быстрыми темпами, так как уже 5 февраля 1930 года здание было оценено местным страховым обществом в 3700 рейхсмарок. В начале 1933 года к зданию были проведены водопровод, электрические сети и прочие коммуникации, что увеличило страховую сумму на 560 рейхсмарок. Между официальным основанием филиала «Ордена новых тамплиеров», которое пришлось на последний день 1927 года, и окончанием строительства «братской кельи» был сделан еще один важный шаг. Подразумевается создание «сакрального зала» в пещерах, которые находились в Дитфурте под развалинами замка. Над входной дверью в пещеру было выбито число «1929». Очевидно, что оно указывает на дату создания «сакрального зала». Как видим, приобретенные «Орденом новых тамплиеров» земельные участки идеально подходили для создания эрцприората. Подобного мнения придерживался не только Ланц-Либенфельс, но и граф Хохберг, о чем он сообщал за несколько дней до прихода Гитлера к власти своему помощнику, а позже преемнику на посту приора ордена, лесничему Паулю Вайтбрехту.

Между тем нельзя не учитывать, что национал-социалисты (в особенности в 20-е годы) постоянно пытались ограничить в правах аристократию и крупных землевладельцев. Чтобы предотвратить возможную экспроприацию, были предприняты некоторые меры предосторожности. В частности территория эрцприората Штауфен была обнесена высоким забором, а на границах земельного участка были установлены специальные (пограничные) знаки.

Если говорить о повседневной жизни «Ордена новых тамплиеров», то надо отметить, что в «братские кельи» в Дитфурте на протяжении всего года неоднократно прибывали «новые тамплиеры», часть из которых предпочитала путешествовать вместе с членами семьи. В данном случае женщин и детей размещали в привокзальной гостинице «Гутенштайнер», а сами «новые тамплиеры» размещались в «кельях». В здание они попадали по лестнице, которая вела с предфасадной площади. Внутри здание было разделено на несколько помещений. Большая комната, находившаяся в северном крыле здания, была отапливаемой. По этой причине она служила местом для общих собраний. На внутренней стене здания были вывешены гербы братьев эрцприората Штауфен. В настоящее время сохранились изображения только девяти из них. Внутреннее убранство «кельи» не отличалось изысканностью. Вдоль стены шел большой массивный стол из дерева, к которому обычно приставлялись столь же простые деревянные стулья. Как с предфасадной площади, так и из помещения для собраний можно было попасть в небольшую кухню, где была установлена самая примитивная печь. В южном крыле здания находились четыре комнаты, рассчитанные на одного человека, и одна комната для двух человек. В каждой из них был деревянный топчан. Обстановка была спартанская: стул, стол и несколько крючков для одежды. В комнатах не имелось отопления. К каждой из дверей комнаты были привинчены таблички с именами братьев. Приор филиала граф Хохберг использовал в качестве жилья самую большую комнату в южном крыле, в этой части здания она была единственной отапливаемой. Отсюда же можно было попасть на чердак. Когда в 60-е годы проводился осмотр здания, то на чердаке были обнаружены сотни номеров журнала «Остара», которые были аккуратно сложены в стопки.

Если говорить о видных деятелях дитфуртского филиала «Ордена новых тамплиеров», то большинство из них были выходцами из влиятельных кругов. Каждый из них был уважаемым человеком и имел «подобающую» профессию. Не будет преувеличением сказать, что самым важным человеком в эрцприорате Штауфен был граф Фридрих Франц фон Хохберг (1875–

1954). Впрочем, он не всегда являл себя публике, предпочитая оставаться за кулисами многих общественно значимых мероприятий. Он происходили из старой силезской аристократической семьи. После поражения Германии в Первой мировой войне он решил оставить военную службу и выбрал для мирной жизни профессию архитектора. Подобно многим военным, он ненавидел Веймарскую республику. Однако его политическое недовольство было помножено на «духовные искания», а потому граф очень рано оказался в «Ордене новых тамплиеров». Сохранились сведения о том, что уже в 1923 году он был возведен в степень пресвитера. В декабре того же 1923 года фра Фровин (орденское имя графа Хохберга) записал в дневнике, что «орден был единственным утешением в мире карликов и чандалов». Восстановить биографию графа Хохберга не составляло большой проблемы, так как № 35 журнала «Остара» (20 июня 1929 года) был полностью посвящен «фра Фровину, пресвитеру Штауфена». Сама эта фраза указывает на то, что именно граф Хохберг был предводителем филиала в Дитфурте. Эта версия подтверждается тем, что герб фра Фровина был высечен на портале над входом в «сакральный зал». Кроме этого не стоит забывать о том, что именно граф Хохберг являлся реальным финансистом филиала в Дитфурте. Без его финансовой продержки эрцприорат Штауфен, скорее всего, никогда бы не возник.

Другим не менее влиятельным деятелем дитфуртского филиала был фра Якобус. В «миру» его звали граф Фридрих Хартман Болко фон Хохберг. Это был старший сын графа Фридриха Франца. Из источников известно, что Хохберг-младший вступил в «Орден новых тамплиеров» в весьма молодом возрасте. Он очень быстро стал подниматься по иерархической лестнице. В 1932 году он уже был пресвитером «Ордена новых тамплиеров», а ведь юноше было всего лишь 22 года! О его судьбе известно очень мало. Сохранились лишь сведения, что он погиб во время боев 1 мая 1945 года. Кроме герба от фра Яко-буса в Дитфурте не осталось никаких следов. Не сохранилось почти никаких воспоминаний очевидцев и современников. Исследователю Вальтеру Паапе удалось лишь разыскать 92-летнюю дочь графа Фридриха Франца фон Хохберга, которую он попросил рассказать о ее брате. Та весьма неохотно пошла на контакт. В одном из писем она сообщила, что «цели «Ордена новых тамплиеров» совершенно не совпадали с современными общественными установками». Поскольку женщина рекомендовала Паапе с большой осторожностью заниматься темой «Ордена новых тамплиеров», то было очевидно, что она чего-то опасалась. О своем брате она лишь рассказала, что он был «хранителем» капеллы в пещере. Речь шла о «сакральном зале», который был сооружен под развалинами дитфуртского замка.

Фактическим создателем эрцприората Штауфен был фра Конрад (по некоторым версиям Конрадин). Это орденское имя принадлежало уже неоднократно упоминавшемуся ранее главному лесничему Паулю Вайтбрехту (1891–1963). Почти все очевидцы характеризовали Вайтбрехта как «правую руку» графа Хохберга. В силу своей службы он постоянно бывал в Дитфурте, будучи лесничим Байерсбронна с 1921 по 1932 год. В своей работе Эккехардт Иеронимус указывал также, что некоторое время Вайтбрехт находился во главе эрцприората Штауфен, то есть принял бразды правления у графа Хохберга. Только так можно объяснить, что в № 22–23 журнала «Остара» (1929 год — венское издание) сообщалось о том, что «фра Конрадин был посвящен в приоры Штауфена». В годы войны граф Хохберг передал земли и недвижимость филиала в Дитфурте именно Паулю Вайтбрехту, сын которого и в настоящее время продолжает владеть ими. В 1943 году уголовная полиция заинтересовалась фактом этой сделки. Полицейским чинам было весьма интересно, почему бывший лесничий стал владельцем зданий и земель. Но в первую очередь их интересовало, кто гостил в «хсльях». В 1949 году Пауль Вайтбрехт еще объяснялся по этому поводу. В своем письме он сообщал: «Я разъяснил им, что владение землями с руинами замка, которые, между прочим, я приобрел в первый раз еще в 1927 году, не может являться чем-то подозрительным или противоправным… Я стремился втолковать этим крайне примитивным и несимпатичным мне людям, что здесь я занимался чем-то вроде краеведения, изучал древнюю и раннюю историю, для чего мне

предоставлялась такая возможность только во время моих отпусков. Кроме этого я указал им имена моих родственников и ближайших друзей, которые посещали меня в этих зданиях». В том же самом письме Вайтбрехт сообщал, что для ведения земельных работ и ухода за домом он изредка привлекал двух подсобных рабочих.

О том, что Пауль Вайтбрехт был отнюдь не самым последним человеком во всей структуре «Ордена новых тамплиеров» говорят несколько фактов. Например, на это указывают его крестные. 7 сентября 1930 года Вайтбрехт решил креститься по евангелическому обряду. Как было записано в церковных документах, его крестными выступали: доктор барон Георг Ланц фон Либенфельс (судя по всему, он специально для этого прибыл из Венгрии), имперский советник Мартин Кребс, а также имперский граф Фридрих Герман фон Хохберг. Имя последнего, видимо, является искаженной версией имени Фридрих Хартман фон Хохберг.

В конце войны Вайтбрехт был назначен офицером фольксппурма в Биберахе. Об этом периоде его жизни существуют самые различные мнения. С одной стороны, имеются показания, что Пауль Вайтбрехт, не желая лишнего кровопролития и ненужных жертв, распустил свое подразделение фольксштурма по домам. Это произошло непосредственно перед тем, как город заняли французские войска. Однако некоторые полагают, что сначала Вайтбрехт хотел занять оборону в лесопосадочной зоне, и только затем распустил свое подразделение. Однако для нашей книги эти детали не имеют принципиального значения. Во время французской оккупации Пауль Вайтбрехт некоторое время провел в лагере для военнопленных, однако он очень быстро был освобожден, после чего вновь вернулся на работу в лесничество.

Ближайшим другом Пауля Вайтбрехта можно назвать архитектора Адольфа Гёче из Хохдорфа, деревни, расположенной близ городка Хорб. Профессия Гёче с самого начала предопределила, что он будет тесно связан с деятельностью эрцприората Штауфен. На различных стадиях развития филиала «Ордена новых тамплиеров» он выступал в качестве архитектора, планировщика и даже покупателя. Адольф Гёче был призван сапером и погиб в годы Второй мировой войны.

Для консультаций по всем юридическим и правовым вопросам представители немецкого филиала «Ордена новых тамплиеров» привлекали собственного юриста. Им был берлинский адвокат и нотариус Карл Фигелиус (1872–1956). Несмотря на то что он оказывал ордену множество услуг, он всегда отказывался от причитавшегося ему вознаграждения. Люди, знавшие его лично, всегда характеризовали Фигелиуса как человека весьма скромного, который не любил появляться на публике. Однако это нисколько не уменьшает его роли в формировании эрцприората Штауфен. После того как в начале Второй мировой войны «Орден новых тамплиеров» прекратил любую общественную деятельность, семья Фигелиуса, бежавшая из пострадавшего от бомбежек Берлина, смогла найти убежище в Дитфурте. Она долгое время жила в здании «кельи», в то время как сам Карл Фигелиус работал в Штутгарте. Фигелиус и его семья покинули Дитфурт только в 1950 году. Исследователям удалось найти супругу Карла Фигелиуса, чьи воспоминания являлись бесценными для историков, которые по крупицам пытались воссоздать историю «Ордена новых тамплиеров». В тот момент, когда семья перебралась в Дитфурт, Карлу Фигелиусу шел 70-й год. В этом возрасте он заботился не столько о профессиональной карьере, сколько об астрологических проблемах. По этой причине все семейные и хозяйственные заботы были переложены на плечи супруги. После того как два сына оказались призванными в армию, с матерью и отцом жила только младшая дочь, которая обладала немалыми художественными талантами. Она и ее мать пытались изготовлять некие предметы художественного промысла, которые продавали на местном рынке. Когда в 2006 году производился ремонт здания «братских келий», то было обнаружено множество акварелей, которые были написаны Майей Ингеборг Фигелиус. В основном это были натюрморты, на которых были изображены цветы. Кроме этого был найден нарисованный от руки рекламный

плакат, который, скорее всего, вывешивался на стене «кельи». На нем сообщалось, что в доме можно было приобрести предметы искусства.

Эльза Фигелиус, супруга Карла Фигелиуса, была очень тесно связана с «Орденом новых тамплиеров». Она утверждала, что в конце войны замуровала в тайнике множество находившихся в пещере («сакральном зале») предметов культа, которые использовались во время церемоний «новых тамплиеров». В 2006 году также было найдено письмо Эльзы Фигелиус, которое было адресовано сыну Вольфу Дитеру. Письмо было написано 22 июня 1946 года — в то время сын находился в лагере для военнопленных. Эльза Фигелиус рекомендовала познакомиться с номером журнала «Остара», в котором рассказывалось о химии. «Какой простор там открывается. Учеба отвлечет тебя». А далее она, видимо, цитировала один из текстов «новых тамплиеров», который использовался для «ежедневного чтения». «Родословное древо семьи и народа продолжит жить, если сохранятся родственные связи. Родственники должны мыслить о том, что они являются растущим в вечности растением, огромным деревом, в котором связи — это ветви, а отдельные семьи или народные товарищи — это листья, цветы и плоды». Уже после войны стало известно, что домом в Дитфурте весьма интересовалось гестапо, однако бургомистр Штроппель заверил агентов тайной полиции в полной благонадежности проживавших там людей. Прошли годы, и Эльза Фигелиус вновь попала под подозрение — теперь ей приходилось объяснять, почему она вступила в национал-социалистическую партию. На суде по денацификации она заявила, что сделала это по хозяйственно-экономическим причинам и что национал-социалисты очень сильно противились ее религиозным обрядам.

Если говорить об известных в Германии людях, которые состояли в эрцприорате Штауфен, то прежде всего надо указать на Рудольфа Джона Горслебена. Под именем фра РИГ (Rudolf John Gorsleben) он был принят в «Орден новых тамплиеров» 29 сентября 1929 года. Согласно Эккехардту Иеронимусу он даже был возведен в степень пресвитера ордена. Впрочем, в подобном случае ему полагался личный орденский герб, но такового в Дитфурте не было обнаружено. В 1930 году «Остара» опубликовала некролог, в котором говорилось: «С глубоким сожалением и скорбью мы узнали о непостижимой утрате, о смерти Рудольфа Джона Горслебена, который скончался в Бад-Хомбурге. Он тщетно пытался избавиться от полученных во время войны болезней в тамошнем военном госпитале. Мы и читатели «Остары» потеряли передового бойца за наши идеи, обстоятельного исследователя, провозвестника арийской мудрости и ариософского культурного достояния». Если факт членства Горслебена в «Ордене новых тамплиеров» является несомненным, то сведения о том, что в организации Ланца-Либенфельса состоял впавший в немилость у Гитлера генерал-фельдмаршал Браухич, не подтверждены, но и не опровергнуты. Данная версия строится на косвенных упоминаниях и свидетельствах, о чем было упомянуто в работе Вальтера Паапе.

Как уже говорилось в предыдущих главах, отличительной чертой деятельности филиала «Ордена новых тамплиеров» в Дитфурте было то, что братья эрцприората Штауфен обладали собственными гербами. В 70-е годы во время осмотра «братской кельи» в подвале было обнаружено девять гербов, которые принадлежали местным «новым тамплиерам». Речь идет о деревянных щитах высотой в 42 и шириной в 30 сантиметров. Эти изделия по своей форме весьма напоминали норманнский геральдический щит. Каждый из них имел золотой фон, на котором была изображена левосторонняя или правосторонняя свастика. В центре этой свастики располагался еще один норманнский щит, но меньшего размера, на котором, собственно, и находилось изображение родового символа. Однако не все члены дитфуртского филиала «Ордена новых тамплиеров» были знатными людьми, а потому не у всех могли иметься собственные родовые символы. По этой причине в качестве таковых могли выступать руны. Во главе щита делалась специальная надпись. Она состояла из даты рождения брата, его имени, даты принятия в орден и, если требовалось, — даты смерти. Цвет фона щитов еще

раз указывает на то, что знамя «Ордена новых тамплиеров» было «золотым», то есть желтого цвета, а свастика, изображенная на нем, — красного цвета.

Кроме этого можно судить о том, что в эрцприорате Штауфен имелась собственная библиотека. В 2006 году было обнаружено несколько книг, на которых стоял штемпель ордена. В центре этого круглого штемпеля располагался норманнский геральдический щит, во главе которого были изображены четыре «тевтонских» креста, а в поле несколько лилий. Судьба библиотеки эрцприората Штауфен до настоящего момента остается неизвестной.

Первоначальный план руководства «Ордена новых тамплиеров» предусматривал, что доя ритуальных и церемониальных целей кроме «сакрального зала» в пещере будет использоваться крепостная башня, которая находилась в центре купленного земельного участка. Однако, как было описано в начале этой главы, перестройка руин башни было запрещена органами охраны исторических и культурных памятников. Впрочем, это не мешало использовать башню и прилегающую к ней территорию для некоторых целей. «Новые тамплиеры» даже обращались с предложением к владельцу мельницы, которая примыкала к их землям с севера. Однако тот наотрез отказался продавать мельницу и землю под ней. Он вообще предпочитал не поддерживать никаких контактов с новыми соседями.

Если говорить о самой башне, то «новые тамплиеры» заделали искусственно созданный в позднее время вход в нее. Насколько это соответствовало целям восстановления исторического облика башни, сказать очень сложно. В самой же башне можно было делать лишь самые незначительные конструктивные добавления, что позволяло хотя бы номинально использовать ее для целей ордена. Например, был укреплен флагшток, на котором регулярно поднимался флаг ордена. Свидетели не раз видели, как на башню влезали некоторые из тамплиеров, однако никто не смог точно указать, во что они были одеты и была ли это ритуальная процессия. Можно предположить, что подъем по горе от «братской кельи» к разрушенной башне был частью ежедневных ритуалов, которые осуществляли «новые тамплиеры» в Дитфурте. Вальтеру Паапе удалось найти фотографию того времени, где несколько почтенных дам и господ были запечатлены за столом, который, судя по всему, был установлен в исторической части разрушенного замка.

Однако в центре всей ритуальной жизни эрцприората Штауфен находилась все-таки не разрушенная башня, а пещера замка Дитфурт. «Новые тамплиеры» занялись ее перестройкой сразу же после того, как приобрели земли. Они обнаружили, что пещера на самом деле оказалась целой подземной системой, которая использовалась со времен каменного века до Средневековья. В итоге это привело к тому, что она оказалась встроенной в систему строений замка Дитфурт. Верхний зал пещеры в Средние века мог служить естественным подвалом замка, из которого при желании можно было попасть в средние и нижние пещерные залы. Накануне того, как земля с остатками замка была приобретена «новыми тамплиерами», было выяснено, что нижняя пещера заканчивалась выходом на поверхность. Это объясняло, почему в пещеру должен был иметься запасной вход из замкового строения. Основной вход в пещеру, который располагался на некотором удалении от замка, являлся одним из самых примечательных археологических памятников в долине Дуная. Здесь проводились систематические раскопки в период с 1987 по 1996 год. В их ходе были найдены предметы, которые были датированы 12-м тысячелетием до нашей эры, а также захоронения эпохи позднего палеолита (приблизительно 8 тысяч лет до нашей эры). Некоторые из скелетов хранили на себе следы насильственной смерти — предположительно, они были оскальпированы в затылочной части головы. Данные находки дали ученым возможность делать самые невероятные предположения и выстраивать самые смелые гипотезы. Кроме этого отдельного внимания заслуживает бесшовный пол пещеры, который был украшен орнаментами приблизительно тысячу лет до нашей эры. Это открытие посчитали настолько выдающимся, что в музей была перевезена вырезанная из пола плита размером приблизительно в половину квадратного метра.

Впрочем, эти пещеры будоражили фантазию не только ученых. Во время французской оккупации этих территорий некоторые из солдат искали в них золотые украшения и клады. Действительно, в тех краях ходило множество легенд о сокровищах, якобы спрятанных в пещере Дитфурта. Но по большому счету подобного рода сказания не являются редкостью в местах, где имеются более-менее крупные пещеры. Впрочем, это не мешало некоторым кладоискателям проникать в пещеру и даже производить там целенаправленные подрывы. Об этом свидетельствует шахта глубиной в 5 метров, которая была обнаружена немецкими исследователями в 80-е годы. Упоминавшиеся выше французы бесследно исчезли в 1951 году во время второго визита в эти края, оставив нетронутой палатку, приспособления и не расплатившись с хозяином гостиницы «Мельница», которому они задолжали около 400 марок. По Дитфурту сразу же поползли слухи, что в пещере были найдены несметные сокровища, что и привело к поспешному бегству французов. Впрочем, хозяину гостиницы от этих слухов легче не стало.

«Новые тамплиеры» проникали в пещеру через вход в скале, проделанный еще в Средние века. Они нашли его почти нетронутым. Они сразу же предпочли заделать вход стеной из каменной кладки, в которой имелась дверь и пара полукруглых окон. Этим они как бы указывали на культовое значение своего «сакрального зала». Над проемом входной двери в камне был выбит герб графа Хох-берга, а также дата «1929». Вошедшие в это помещение могли бы увидеть свисающую с каменного потолка подсвечную люстру, которая должна была настроить всех пришедших на мистический лад. В сам «сакральный зал» можно было попасть по крутой и очень узкой лестнице, которая была роскошным образом вписана в естественные формы пещеры. Спустившись по ней вниз, надо было открыть массивную деревянную дверь, петли от которой сохранились до сих пор. В «сакральном зале» висела еще одна люстра, свет от которой усиливался множеством свечей, расставленных в пещерных нишах. Культовые действа «новых тамплиеров» обычно происходили здесь в первой половине дня.

На большие праздники, например на Троицу, «сакральный зал» украшался зеленым и синим флагами. К сожалению, опрошенные Вальтером Паапе свидетели не смогли вспомнить, какие символы были на них изображены. В соответствии с принципами, разработанными Ланцем-Либенфельсом, «новые тамплиеры» из Дитфурта попытались придать своему «сакральному залу» круглую форму. Ланц-Либенфельс писал по этому поводу: «Круглое здание является технологически старейшим типом строений, а потому позже стало почитаться как священное. Эта форма применялась для возведения типичных культовых построек». Сакральный характер зала должны были также подчеркивать три колонны, которые, кроме всего прочего, подпирали потолок пещеры. В самой крупной нише находилась фисгармония. В центре зала находился каменный алтарь, который был накрыт специальной плитой. В ней имелось углубление для жертвенника. Судя по всему, алтарь был украшен подсвечниками. Опрошенные Паапе свидетели, которые еще детьми проникали в пещеру, вспоминали, что в ней стоял сильный запах ладана, а также можно было найти остатки древесного угля. Когда десятилетиями позже было обследовано здание «братских келий», то в подвале были обнаружены деревянные подсвечники, бочонок с ладаном и «небольшой ковчег».

Во время своих ритуалов братья ориентировались на действия, напоминавшие монастырскую службу. В своих предписаниях относительно церемоний и культовых действ Ланц-Либенфельс писал: «Ритуал и молитва должны быть направлены на членов монашеского ордена. На них должна оказывать влияние ритмичная музыка и связанный с ней молитвенный хор. Они должны объединяться в единый мощный поток, образующий летящее тело молитвы. Поэтому тамплиеры, которые живут ритуалами ордена и молитвами ордена, пребывают в согласии с правдой и действительностью. Вследствие этого они находятся в гармонии с Вселенной, наукой и практическими действиями».

Из «сакрального зала» в самые нижние помещения пещеры вела широкая лестница. Она была замурована членами дитфуртского филиала «Ордена новых тамплиеров». Химический и

строительный анализы показали, что кладка была выполнена из того же материала в то же время, что и каменная стена, установленная при основном входе в пещеру. В стену, которая отгораживала проход в нижние помещения, был вделан витраж, на котором был изображен Архангел Михаил, сражающийся с драконом. Этот витраж не дошел до нашего времени — он был разрушен. У «новых тамплиеров» было весьма почтительное отношение к Архангелу Михаилу, так как он воспринимался (и не безосновательно) как «передовой боец» Бога, направленный на борьбу против сил зла. Не только в традиции «новых тамплиеров» было принято изображать Архангела в рыцарских доспехах, поражающего дракона копьем. О символике Архангела Михаила Ланц-Либенфельс писал: «Это иероглифическое описание титаномахии доисторического времени, когда двуполый и окрыленный предок ариогероической расы порождал гоминидного дракона при помощи своей электробиотической силы». К слову сказать, 29 сентября, когда праздновался день Архангела Михаила, в Дитфурт со всей Германии съезжались «новые тамплиеры». До сих пор остается невыясненным, был ли в Дитфурте сам Ланц-Либенфельс. Известно, что в 1930 году он присутствовал на крещении Вайтбрехта, которое происходило в Байерсбронне. Этот населенный пункт находился недалеко от Дитфурта. Поэтому было логично предположить, что Ланц-Либенфельс, прибывший на крестины из Венгрии, наверняка на некоторое время заглянул в эрцприорат Штауфен. Хотя документальных подтверждений этому не сохранилось.

Интересным кажется вопрос, как складывались отношения между местным населением Дитфурта и «новыми тамплиерами». Как уже говорилось, в Дитфурт на крупные праздники и летние каникулы прибывало множество братьев из разных городов Германии. Некоторые из них останавливались в этом местечке на несколько дней, некоторые — на несколько недель. Прибыть в эрцприорат Штауфен можно было двумя путями. Либо железной дорогой до станции Гутенштайн, либо на автомобиле. Прибывавшие гости поначалу останавливались в привокзальной гостинице. Позже, если они не имели возможности разместиться в «братской келье», они могли рассчитывать на пансионат «Байль», который располагался рядом с железнодорожной станицей. Отсюда можно было без проблем добраться пешком до Дитфурта. Это занимало не более 20 минут. Некоторые из немецких исследователей предполагают, что, собственно, первым немецким заведением «Ордена новых тамплиеров» был не эрцприорат Штауфен, а именно привокзальная гостиница. Впрочем, подобные версии являются голословными.

Прибывшие в Гутенштайн «новые тамплиеры» могли поручить донести багаж до Дитфурта деревенским парням, за что обычно платили 50 пфеннигов. Принимая во внимание, что столько стоили полтора часа работы деревенского каменщика, едва ли есть основания подозревать, что работавшие носильщиками молодые люди были недовольны. Нельзя также забывать о том, что многие из «новых тамплиеров» во время летних каникул прибывали в Дитфурт вместе с семьями, в том числе детьми. Это неизбежно приводило к контактам с местными детишками. Поскольку в «сакральный зал» и «братскую келью» могли входить только мужчины, то дети должны были развлекать сами себя. Они охотно принимали участие в деревенских играх. Контакты же между взрослыми более редки. Они носили в большей степени хозяйственный, но все-таки добрососедский характер. Местные крестьяне охотно продавали «новым тамплиерам» продукты, за что получали наличные деньги. В годы Веймарской республики (особенно после кризиса 1929 года) в отдаленных деревнях деньги были большой редкостью — люди вели натуральное хозяйство. Кроме этого имеются свидетельства того, что граф Хохберг мог давать незначительные суммы в долг местным крестьянам. Но все-таки нельзя отрицать того факта, что «новые тамплиеры» пытались держать дистанцию, хотя она не была вызывающей или критической. Наверное, филиал «Ордена новых тамплиеров» доставлял больше всего беспокойства местному католическому священнику. Как-то он захотел провести просветительную беседу с «новыми тамплиерами»,

но те отказались разговаривать. Имела ли эта история продолжение, до сих пор остается неизвестным.

Рассказ о германских «новых тамплиерах» будет не полным, если не упомянуть проект, который был реализован братьями из Холленберга на севере Германии. Несмотря на то что со временем большая часть «новых тамплиеров» предпочла перебраться из Холленберга в Венгрию в Мариенкамп, жизнь ордена в этих краях не остановилась. С инициативой возобновления деятельности этого филиала выступил Георг Хауэрштайн-младший. Он был сыном того самого Георга Хауэрштайна, который установил на могиле своей супруги первое надгробие со свастикой. Присоединившись к Шмуде в 1922 году, Хауэрштайн-младший (фра Эберхард) мечтал создать собственное пресвитерство в окутанной мифами и легендами Люнебургской пустоши. В 1926 году он продал свое имение и приобрел землю на берегу Балтийского моря. Именно здесь он начал строительство подобия небольшого замка, который получил название Хертесбург. Поскольку денег на возведение здания не хватало, то Хауэрпгтайну пришлось основать специальный фонд, в который делали пожертвования «новые тамплиеры», находившиеся в Венгрии и Австрии. Открытие новой структуры ордена и освящение Хертесбурга произошло 8 ноября 1927 года. Расположившаяся в нем община связывала себя с тайнами средневекового храма и исчезнувшим мифическим городом Ретра, которые кое-кто из ариософов считал прародиной ариогероической расы. Вопреки информации, которая была приведена в книге Николаса Гудрика-Кларка, эти территории никогда не были конфискованы национал-социалистическими властями. Однако это не меняет сведений о том, что в середине 30-х годов Хауэрштайн предпочел перебраться в Баварию, когда основал новое пресвитерство в местечке Путгенхоф.

Глава 11

ИДЕОЛОГИЯ ЛАНЦА-ЛИБЕНФЕЛЬСА

Если попытаться разобраться с общей типологией мировоззрения, которого придерживался Ланц-Либенфельс, то прежде всего надо задаться вопросом о составных частях его идеологии. Понятие «мировоззрение» лучше всего передает смысл отношения к миру, к миропорядку, к мироустройству, однако оно не может являться четко сформулированной наукой. Наука не всегда может дать объяснение некоторым вещам, в частности имеющим отношение к религиозным построениям. Формирование этически-моральных воззрений на жизнь во многих случаях вообще обходится без учета научных представлений. Ланц-Либенфельс в основу своей идеологии положил христианскую модель мировой истории. Согласно ей некогда не Земле существовал рай, в котором люди (Адам и Ева) жили в полном согласии с волей Бога. Затем дьявол искусил Еву, произошло грехопадение, которое можно трактовать как восстание человека против божественных принципов. После грехопадения для людей наступило время, когда шла борьба между Злом и Добром, то есть Бог и дьявол боролись за душу человека. Эта борьба и являлась сутью мировой истории. Все Зло в мире происходило от отпавших от Бога ангелов, которые стали демонами и потому противодействовали Божественной воле.

Принципиальным, переломным моментом в мировой истории стало явление Спасителя. Христос смог противостоять искушениям Зла, провозгласил «Благую весть», обрек себя на смерть за оглашение истины. Именно благодаря Спасителю было основано новое царство, заключен новый союз между Богом и людьми, который должен был стать предпосылкой для окончательного избавление мира от' Зла. Воскрешение Спасителя окончательно доказывает беспомощность Зла. Христос указывает' людям истинный путь, указывает, как можно

достигнуть воскрешения после смерти: для этого надо быть покорным воле Бога, следовать божественным принципам. После этого настает время церкви, которая намеревается проводить в жизнь заветы Спасителя. В конце мировой истории предполагается решающее столкновение между силами Добра и Зла, которое закончится Страшным судом, окончанием человеческой истории. При этом должно будет происходить разделение людей, в своей жизни следовавших либо истинным, либо ложным намерениям. Хорошие люди должны попасть в Царство Небесное, плохие — навеки низвергнуты в ад. Борьба между Добром и Зло будет окончена, нарушенный некогда миропорядок восстановлен в новой, более высшей форме. В данном случае средством для спасения человека является следование воле Бога. К нему относятся также совершение таинств, ритуалов, молитв, подчинение церковному авторитету.

Если в приблизительной форме изобразить христианскую модель мировой истории, то она будет выглядеть следующим образом:

Рай — грехопадение — время после грехопадения — подготовка к явлению Спасителя — Спаситель — время церкви — Второе пришествие Христа — конец времен — Страшный суд.

В конечном счете движущей силой всей человеческой истории является борьба Бога и дьявола за душу человека. Пребывание в раю — это следование божественным принципам, грехопадение же, напротив, — это действие дьявола, направленное на искажение изначального миропорядка. Последующий исторический период воспринимался как относительное господство «князя мира сего». Явление Спасителя оценивается как призыв к людям вернуться к божественному началу. Время «нового союза» относилось к эпохе, когда принципы Христа постепенно одерживали верх и утверждались в мире. Конец времен должен был быть ознаменован последней попыткой темных сил одержать реванш, но он должен быть в итоге ознаменован возникновением царства Христа (второе явление), после чего будет установлено окончательное господство Бога.

Если говорить о борьбе Добра и Зла за души людей, то по большому счету речь идет не о борьбе против дьявола, но о стремлении завоевать любовь человека, которому Бог даровал свободу выбора, то есть право не следовать за волей Бога. Именно выбор в этой продолжительной борьбе являлся сутью самой истории. Представленная схема исторического развития в контексте христианского мировоззрения является достаточно условной. Причем она может иметь вариации, если речь идет о мировоззрении одной из «реформаторских» церквей. В ней период между первым и вторым явлением Спасителя не является линейным. Она характеризуется несколькими дополнительными процессами. В частности, речь идет об «упадке старой церкви» и появлении «церковного реформатора», который должен привести к «обновлению церкви», то есть направить ее по истинному пути. Указанный реформатор относит традиционную модель «рай — Спаситель— конец времен» к собственно церковной истории. В данном случае он говорит о том, что «старая церковь» отпала от принципов Спасителя (рай), а потому реформатор должен преобразовать ее. Разрушение «старой церкви» и создание «новой» является неким прообразом Страшного суда. Реформатор провозглашает возвращение к истинным принципам Христа, что должно означать отвержение искаженных воззрений, за которыми могло крыться Зло.

Эта модель вполне применима к «новым тамплиерам» и Ланцу-Либенфельсу, который намеревался быть не создателем церкви, но ее реформатором.

Если посмотреть на структуру исторического развития, как оно понималось «новыми тамплиерами», то мы обнаружим, что она полностью повторяла традиционную христианскую схему, за тем исключением, что в модели Ланца-Либенфельса сугубо религиозно-мистические понятия были заменены расовыми дефинициями. Схема выглядела приблизительно следующими образом. Изначальная расовая чистота людей соответствовала раю. Грехопадение соотносилось в схеме Ланца-Либенфельса с началом содомии, то есть вступлением асингов и связи с аффлингами. Время после грехопадения, которое в некоторых схемах могло являться временем упадка «старой церкви», провозглашалось эпохой

повсеместного расового смешения. Спаситель у Ланца выступал как Фройя — Христос, который вновь возвестил учение о сохранении расовой чистоты. После этого церковь (и тамплиеры в том числе) должна была соблюдать заповеданную расовую чистоту. В конце времен аффлинги должны были предпринять попытку подчинить себе асингов, что должно было закончиться «страшным судом», в ходе которого высшая белокурая раса должна была «покарать» низших существ. Человеческая история должна была закончиться установлением окончательного господства ариогероиков и полным уничтожением аффлингов. Как видим, Ланц-Либенфельс не менял порядок структурных элементов традиционной христианской схемы восприятия человеческой истории. Более того, он позиционировал себя как реформатора церкви, то есть как человек, который призывал выкристаллизовать «истинное» учение Фройя (Христа), которое должно было сводиться к соблюдению и восстановлению расовой чистоты.

Вывод о том, что выстроенная Ланцем-Либенфельсом схема исторического процесса по своей структуре была фактически идентична схеме восприятия истории с точки зрения христианства, является оправданным, если принять во внимание, что глава «Ордена новых тамплиеров» нередко подменял понятие «Бог» понятием «высшая раса». В одной из работ Ланц писал: «Верящие в расу являются тем же самым, что верующие в Бога». В другом месте он сообщал: «Раса — это Бог, Бог — это очищенная раса». По его мнению, «боги» являлись первопредками белокурой расы, ее создателями и покровителями: «Зевс при помощи молний одержал победу над титанами, гигантами и ужасными чудовищами доисторического времени. Он создал пространство для человеческого рода». «Белокурая героическая раса является шедевральным творением богов, темнокожие расы — бездарной поделкой демонов».

Рай трактовался Ланцем-Либенфельсом как время, когда светловолосые и голубоглазые «боги» заселили мир подобной им расой. При этом «боги» обладали исключительными способностями, а породивший их Первобог намеревался сохранять на Земле изначальный миропорядок: «Если Бог был «распорядителем мира», «мировым архитектором», добросовестным «садовником рая», который стремился сохранять все в порядке, то его полная противоположность — дьявол — был нацелен на то, чтобы погрузить мир в пучину хаоса». В «раю», о котором говорил Ланц-Либенфельс, соблюдалась строгая иерархия. Благородная раса происходила от «богов», остальные расы были результатом смешения «небожителей» с животными. По большому счету изображение рая в идеологии «новых тамплиеров» было весьма противоречивым, запутанным и неясным. Сам собой напрашивался вопрос: если целью эволюции было появление человека высшей расы, то кто был движущей силой этого развития? Как происходила эта эволюция? О первоначальной расе «богов», на которую делал ставку Ланц-Либенфельс, он не говорил ничего внятного. Он предпочитал лишь указывать, что она обладала «исключительными качествами».

Проблема «первородного греха», как он трактовался Ланцем-Либенфельсом, важна хотя бы потому, что ее анализ позволяет пролить свет не только на понимание «райского состояния», но и на проблему «упадка», в который мир стал приходить после «грехопадения». «Новые тамплиеры» понимали под первородным грехом вступление представительниц высшей расы в связь с аффлингами. Ариогероики, чьей красоте завидовали демоны, оказались связанными с животными, после чего на свет появились чандалы. Ланц полагал их опасными, так как в чандалах все-таки текла небольшая часть крови высшей светловолосой расы. Именно по этой причине они были провозглашены «самыми опасными врагами асиской расы». В 72-м выпуске «Остары» (1913) косвенно упоминалась проблема грехопадения человечества. Хотя о «первородном грехе» говорилось как бы вскользь: «Все безобразное и злое происходит от смешения рас». При этом считалось само собой разумеющимся, что чандалы (темнокожие расы) противостояли Богу, под которым подразумевалась высшая раса асингов. В одном из своих произведений Ланц-Либенфельс писал: «Низшие расы одержимы непреодолимым инстинктом разрушения». Исходя из подобных установок, он пытался показать, что болезни, психические отклонения, упадок культуры, экономические проблемы являлись результатом

расового смешения. О болезнях Ланц говорил: «Они являются сближением со смертью, то есть сближением с низшими организмами, которые откатились на низшие стадии развития».

Если в построениях Ланца все злое и плохое происходило от расового смешения и имело в основе «грехопадение человечества», то, следовательно, хорошим и этическим должно было провозглашаться все, что служило и шло на пользу высшей расе. В итоге история человечества трактовалась как «германский асиский миф», основным мотивом которого было «противостояние асов и ванов», то есть высшей и низшей расы. В итоге все великие проповедники, основатели религий и пророки провозглашались выразителями идеи сохранения чистоты расы, а их проповеди являлись чем-то вроде зашифрованных тайных посланий. К их числу Ланц-Либенфельс относил Моисея и Иисуса Христа. Он утверждал, что имя «Иисус» означало «Асинг». Кроме этого он высказывал мысль о том, что «Христос должен был выполнить задание по избавлению хорошего высшего человеческого вида». А потому проповеди и наказы, данные апостолам, должны были трактоваться как «поручение спасти человечество от сексуальных домогательств демонических чудовищ и леших». Поэтому в качестве изначальной цели «асиского христианства» рассматривалась «необходимость избавления от леших и демонов, что означало расовую гигиену, направленную на достижение расовой чистоты».

Ланц-Либенфельс полагал Фройя (Христа) основателем церкви чистой расы, которая должна была стать инструментом для осуществления расовой политики, то есть повторного выведения ариогероической расы. Высшей ценностью и божеством в данном случае провозглашалась сама раса светловолосых людей. Предполагалось, что метисы в значительной степени утратили свою божественность, а аффлинги были полностью ее лишены. Однако также планировалось, что при помощи расовой селекции можно будет добиться того, что женщины высшей расы будут рожать только белокурых и голубоглазых ариогероических детей, которые впоследствии будут править всем миром. Даже распятие Христа у Ланца-Либенфельса имело расово-мифологическую интерпретацию: «В принципе оно является не чем иным, как символом вечного противостояния, ожесточенной борьбы, которую вели древние арийцы с доисторическими «людьми дракона», «людьми жаб» и «людьми лягушек». Оно стало символом унижения и осквернения расы. Иисус Христос умер на кресте, будучи распятым людьми низшей расы». Воскрешение Христа-Фройя согласно Ланцу надо было понимать как проявление в людях их свехчеловеческих задатков. «Он являлся не кем иным, как представителем асиской расы, которая была с самого начала призвана править миром… А потому его проповедь является провозглашением закона селекции чистой расы… Возлюби своего ближнего по расе, так как ты должен любить Бога».

Ланц-Либенфельс заявлял: «Ариософия — это старейшая из всех религий, от нее произошли все прочие религиозные направления. В своей основе все они являются порождением враждебной к чандалам ариософии. Они проповедуют божественное воплощение в арийцах, говорят о страдании, погребении, смешивании с низшими расами и обезьянами, но, в конце концов, провозглашают славное возрождение из могильника расового смешения, когда через озарение и планомерную расовую селекцию в эпоху Водолея вступит благородный богочеловек». Ланц утверждал, что, кроме всего прочего, Фройя заповедовал бороться с гибридной еврейской расой, которая появилась в результате смешения между собою множества низших рас. В данном случае жизнь Христа представлялась как судьба светловолосой расы, которая, казалось бы, была обречена на погибель. Но именно в этой части содержатся принципиальные воззрения Ланца-Либенфельса, которые касались того, как надлежало «возродить» ариогероическую расу, высвободить ее из оков, наложенных чандалами.

«Мистерия возрождения» была для Ланца-Либенфельса предельно простым явлением. Подобно тому, как «Христос возродился среди людей-обезьян, так и мы должны будем возродиться в обществе, где господствуют чанда-лы». Если «первородный грех» трактовался

как расовое смешение, то «мистерия возрождения» должна была пониматься как расовый отбор, то есть расовая селекция. Это было не просто религиозно-культовый акт, а вполне конкретная программа действий. Поскольку практические последствия ее осуществления должны были коснуться всего человечества, то им надо уделить особое внимание. Еще раз подчеркнем, что Ланц полагал, что его учение и являлось «истинным» христианством. В данном случае он проявлял себя как радикальный реформатор церкви. Трансформированное Ланцем христианство должно было быть нацелено в первую очередь на возрождение божественно-героической расы. Однако чтобы избавиться от остатков крови низших рас, нужно было предпринять некоторые меры, осуществление которых должно было создать «рай на земле». По крайней мере, так полагал Ланц-Либенфельс. А он же был свято уверен в правильности своих выводов. «Ариософия никогда не ошибается!» — заявил он в 82-м выпуске «Остары» (1915).

Несмотря на уверенность в том, что ариогероики должны быть повелителями мира, Ланц-Либенфельс предполагал, что это произойдет не само по себе — это должно стать результатом активной деятельности. В частности, он выдвигал лозунг: «Светловолосые, вооружайтесь для повторного захвата мира!» Асинги должны были вновь начать ожесточенную борьбу, а потому обязаны закаливать себя, быть сильными и выносливыми. «Только как воины и крестьяне мы сможем вновь завоевать мировое господство». По мысли Ланца только «гарантированное превалирование асиской расы» могло стать гарантом «мира во всем мире».

Вопреки тому, что Ланц описывал будущий мир во многих своих произведениях, из них нельзя было точно узнать, что же должно было произойти с чандалами. В некоторых случаях они изображались как покорные рабы, в других случаях говорилось об их «упразднении». В некоторых местах Ланц-Либенфельс вообще говорил о том, что чандалов в качестве слуг заменят «биологические машины», то есть роботы. С одной стороны, Ланц любил цитировать законыМану, в которых говорилось, что чандалы имели право на жизнь только в качестве послушных слуг арийцев. Он замечал по этому поводу: «Культура не является возможной без рабства. Порабощение расово неполноценных элементов с этической и экономической точки зрения является правомочным требованием». Однако глава «новых тамплиеров» предполагал, что в некотором будущем достигшие совершенства ариогероики не будут нуждаться в слугах и рабах. «Поэтому низшие человеческие расы должны быть устранены — их место должны занять биологические машины».

В любом случае Ланц был уверен в том, что асинги и аффлинги противостояли друг другу, а также в том, что светловолосая раса должна была находиться на верху иерархической лестницы, а темнокожие расы — в самом ее низу. Однако поскольку во время, когда Ланц писал свои работы, «повсюду господствовало расовое смешение, то возрождение белокурых богов возможно только посредством избавительного расового разделения». Что же конкретно планировал предпринять Ланц, чтобы вызвать ожидаемое «возрождение», которое должно было создать для ариогероической расы «рай на земле»? Он собирался осуществить два блока селекционных мероприятий. Одни из них должны были быть направлены на «положительный отбор», то есть на преумножение представителей высшей расы. Другие — на «отрицательный отбор», то есть эти мероприятия имели своей целью сокращение числа чандалов и аффлингов.

Если говорить о мероприятиях, адресованных ариогероикам, то они выглядели следующими образом.

1. Повторное установление расово-религиозного культа, который якобы являлся древнейшей из всех религий. В рамках этого культа расовая селекция и выведение чистой асиской расы провозглашались высшей добродетелью, а расовое смешение — смертным грехом. Ланц-Либенфельс заявлял по этому поводу: «Наша религия откажется от фальшивого духовного альтруизма и вновь станет религией господ, ариософским расовым культом, чем она, собственно, и являлась изначально. Селекцией чистой расы надо заниматься не на государственном уровне, не на уровне министерств и ведомств, а только в рамках сакральной

сферы, в рамках религии». Предполагалось, что все остальные религии отпадут за ненадобностью, так как выведение расы «должно быть и будет единственной религией, церковью будущего». Эта религия должна была строиться на множестве специально созданных общин, которые на античный манер именовались «экклезия».

Именно в них должно было происходить «улучшение человеческой породы». Все представители ариогероиче-ской расы, которые в силу своей «несознательности» не захотели бы подчиняться принципам указанной религии, должны были быть уничтожены, поскольку, подобно чандалам, их предполагалось провозгласить «врагами расы».

2. Повсеместная поддержка брака, который был заключен между представителями ариогероической расы. Ланц писал: «Содействие выведению здорового человеческого типа высшей породы должно осуществляться через подбор пар, вступающих в брак, через оказание поддержки (в форме дарений), через концентрацию всех расово-экономических усилий частных союзов и организаций».

3. Светловолосые люди должны получить ряд существенных привилегий. Правовая система должна опираться на расовую теорию. Поскольку Ланц считал, что право как таковое было создано высшей расой, то оно должно быть приспособлено к потребностям ариогероиков. Во время судебных разбирательств надо было делать поправку на расовую принадлежность истцов, свидетелей и ответчиков. Показания ариогероиков должны были иметь преимущество перед свидетельствами чандалов.

4. Арийские женщины должны получать материнское воспитание в специальных ариософских монастырях, где они будут ограждены от искушения вступить в связь с чандалом.

5. Создание специальных колоний, где бы осуществлялись селекционные программы. Ланц сообщал: «В потаенных, хорошо замаскированных удаленных местах мы должны уже сейчас создавать резервации для создания светловолосой героической расы».

6. Истинный ариогероический мужчина имеет право на нескольких жен, что должно способствовать увеличению численность асиской расы.

7. Для зачатия детей в семье, где мужчина не является стопроцентным ариогероиком, может использоваться так называемый «брачный помощник».

8. Преобразование школьной системы, выработка специальных методов воспитания ариогероиков.

9. Светловолосые люди должны жить в экологически чистом и здоровом ландшафте.

10. Формирование специальных военизированных частей.

Поскольку чандалы в идеологии Ланца являлись полной противоположностью ариогероикам, то их власть планировалось преодолеть в первую очередь через расовую мораль. «Каждый должен начать борьбу против содомской обезьяны, которая кроется во всех нас. Мы должны исходить из принципов этой борьбы при выборе жены. Однако борьбу надо вести не только в самом себе, но и снаружи, то есть уничтожать содомских обезьян вокруг себя». Именно этот призыв был положен в основу комплекса мероприятий, которые предполагалось осуществить, чтобы сократить численность чандалов. В своих работах Ланц-Либенфельс говорил о следующих мерах.

1. Пропаганда бездетных браков среди чандалов, что должно вылиться в программу планирования семьи и повсеместного использования противозачаточных средств.

Ланц цинично заявлял в одной из статей: «Мы сможем уничтожить миллиарды представителей низших рас, не прибегая к помощи скорострельных пушек, а всего лишь через навязывание противозачаточных средств».

2. Стерилизация. В связи с этим можно привести следующие слова Ланца: «После того как низшие расы оказались связанными с большевизмом и масонским сатанизмом, проявив себя как ожесточенные каннибальские разрушители нашего великого творения, а именно

созданной нами культуры, мы безболезненно искореним их при помощи стерилизации, чтобы тем самым очистить человечество от паразитов». Ланц любил рассуждать на эту тему: «Первое, что должно сделать современное государство, это провести гуманное уничтожение чандалов». При помощи этого средства глава «новых тамплиеров» планировал решить многие проблемы: «Первым источником бедности является расово неполноценный, болезненный социальный организм, который надо было лечить с самого начала. Нынешняя экономика больше не может справиться со зловещими ордами миллионов непригодных для труда расовых отбросов. Произошло то, что я предсказывал еще тридцать лет назад. Массы чан-далов пожрали все экономические резервы и разрушили хозяйство. От этого экономического хаоса цивилизованное арийско-христианское человечество может спастись, только прибегнув к помощи бескровного искоренения и локализации чандалов, а именно стерилизации». Ланц призывал стерилизовать не только всех чандалов, но также преступников-рецидивистов.

3. Прекращение оказания благотворительной помощи чандалам, дабы те могли умирать от голода и болезней.

4. Рабство.

5. Принудительный труд. Ланц пытался нарисовать контуры экономики будущего общества: «При помощи методов ариософского хозяйствования можно будет решить проблему безработицы. Все безработные, которые не нашли к определенному сроку работу, должны быть принудительно зачислены в землекопы». Впрочем, он полагал, что «работа на шахтах является трудом недостойным героического человека». «Эту работу должны выполнять только преступники и чандалы».

6. Высылка в удаленные места.

7. Поощрение среди чандалов проституции.

8. Использование чандалов в ходе войн в качестве «пушечного мяса». В этом вопросе Ланц-Либенфельс не скрывал своего восхищения лордом Китченером, который в ходе колониальных войн направил на смерть десятки тысяч туземцев, которых Британская империя использовала в качестве солдат.

9. Отмена гражданских свобод (свобода слова и свобода печати) в отношении чандалов.

10. Непосредственное уничтожение, которое должно было произойти в последнем расовом столкновении, которое нередко именовалось «мировой революцией арио-героиков». Ланц-Либенфельс не всегда однозначно высказывался относительно этого пункта своей программы. Иногда он позволял себе быть «великодушным», словно примеряя к себе роль арийского господина, благостно командующего своими слугами-чандалами. Он писал: «Все же человек высшей расы — это человек, который дружелюбно относится к животным». Или другая фраза: «Хроники Ура-Линда. Нужно помогать низшим расам и наказывать их только тогда, когда они намереваются напасть на нас». Однако в большинстве случаев он предпочитал прибегать к более радикальным формулировкам. Их смысл был почти всегда одним и тем же: «Через уничтожение недочеловечества героическая раса сможет остановить вырождение, вырваться из пут расового смешения, воспрять, а затем подняться до уровня богочеловечества, достигнув бессмертия и божественности».

Предложенная Ланцем-Либенфельсом программа фактически предполагала геноцид. Уже в силу этого о ней нельзя говорить, как о сугубо христианской. Впрочем, в ней угадываются отголоски ересей эпохи раннего христианства и доктрин европейских гностических сект.

Глава 12

И ВСЕ-ТАКИ ГИТЛЕР ИЛИ ГИММЛЕР?

Начиная с того момента, как Ланц-Либенфельс попал в поле зрения исследователей-историков, постоянно выстраивается версия о том, что он оказал решающее влияние на Гитлера. Эта «традиция» идет с Вильфрида Дайма, который даже книгу о Ланце назвал «Человек, который дал идеи Гитлеру». По большому счету подобный подход больше напоминал стремление произвести сенсацию. Почти никто из историков не имел никаких доказательств относительно того, что Гитлер читал «Остару» и идеи Ланца произвели на него неизгладимое впечатление. Если не считать свидетельств профессора Кнолля (о них мы поговорим позже), то Дайм, а вслед за ним и другие историки строили свою версию на косвенных предположениях. На убеждении, что Гитлер много читал, а потому во время своего пребывания в Вене не мог не читать «Остару», что он был в принципе талантливым человеком, а потому должен был вдохновиться идеями Ланца-Либенфельса. Однако даже если Гитлер читал «Остару», то это не дает возможности предположить, что Ланц-Либенфельс был вдохновителем национал-социализма. Например, доподлинно известно, что Гитлер любил читать приключенческие книги Карла Мая, но это ведь не делает этого писателя «буревестником» НСДАП. Желая хоть как-то подкрепить свои не слишком убедительные выводы, немецкие историки ссылаются на книги Йозефа Грайнера «Конец мифа о Гитлере» и Германа Раушнинга «Говорит Гитлер». Оба эти автора утверждали, что были знакомы с Гитлером, а потому их высказывания в большинстве случаев без должного критического анализа принимаются за чистую монету. Однако воспоминания Грайнера, изображавшего из себя друга будущего фюрера по «венскому периоду», оказались недостоверными, а многие из описанных эпизодов и вовсе выдуманными, а потому возникает обоснованное подозрение, что автор никогда не был не только дружен, но и вообще знаком с Гитлером. Если же говорить о книге Раушнинга, та и вовсе оказалась стопроцентной фальшивкой. Причем Вильфрид Дайм знал об этом, но все равно продолжал цитировать Раушнинга как «исторический источник».

В этом отношении куда более интересными кажутся свидетельства профессора Кнолля, который был лично знаком с Ланцем-Либенфельсом. Между ними как-то завязался разговор, и Ланц поведал, что был знаком с Гитлером еще до Первой мировой войны. Поскольку эти сведения имеют принципиальный характер, то приведем рассказ профессора Кнолля полностью: «В один из дней 1909 года Гитлер посетил Ланца в его офисе. Гитлер поведал, что живет на Фальберштрассе и регулярно покупает «Остару», вестник Ланца, в тамошнем табачном ларьке. У него был почти полный комплект «Остары», если не считать нескольких отсутствовавших номеров. Гитлер намеревался попросить их у Ланца. Ланц обратил внимание на то, что Гитлер выглядел очень бедно, а потому не только подарил ему желанные выпуски журнала, но и дал еще две кроны, чтобы тот мог добраться до дома. Гитлер был очень благодарен ему за это. Ланц отмечал, что в упомянутом Гитлером табачном киоске «Остара» продавалась лучше всего. Во время нашей беседы Ланц был полностью убежден в том, что именно его идеи послужили основой для политики Гитлера. Однако публике все подавалось совершенно иначе. Гитлер оказался по отношению к нему весьма неблагодарным, так как запретил Ланцу печататься в Германии. В конце от также заметил, что его влияние не ограничивалось Гитлером. Он оказал воздействие также на «Мою борьбу», которая была написана в тюрьме Ландсберг при помощи журналиста, который являлся подписчиком «Остары». У Ланца имя вылетело из головы, и он смог лишь припомнить имя «Дитрих». Мне подумалось, что речь шла о Дитрихе Эккарте. Во время беседы подошел близкий друг Ланца Теодор Чепль и подтвердил мою догадку — это был Дитрих Эккарт».

Сначала посмотрим на фактическую часть этой истории. Согласно записям венской полиции Адольф Гитлер проживал в период с 18 ноября 1908 года по 20 августа 1909 года в доме № 22 по Фельберштрассе (комната 16). К этому времени Ланц-Либенфельс успел издать приблизительно около тридцати выпусков журнала «Остара». Поблизости от здания, где жил

Гитлер, действительно имелся табачный киоск. То есть на первый взгляд история выглядела вполне правдоподобной. Однако не может не броситься в глаза одна небольшая деталь, присущая данному рассказу. Ланц-Либенфельс запомнил имя и фамилию незнакомого ему юноши, который заглянул на несколько минут, чтобы попросить несколько номеров «Остары», но не смог вспомнить имя Дитриха Эккарта, который в начале XX века считался одним из ведущих националистических публицистов Баварии. Возникает ощущение, что Ланц выдумал эту историю, желая прибавить себе значимости. Он непременно хотел выглядеть вдохновителем Гитлера. На это, например, указывает отрывок из 101-го (1-го в третьей серии) выпуска «Остары». Там говорилось: «Случилось чудо, о котором я раньше и помыслить не мог. Мое мнение привело к складыванию ариософского движения. Мои идеи оказались подобными искрам, которые упали в стог сена и вызвали гигантский пожар, который охватывает один народ за другим. Я предполагал, что однажды должно было произойти нечто подобное, однако я не мог предположить, что мне придется увидеть это воочию».

В конце 20-х — начале 30-х годов Ланц-Либенфельс на разные лады повторял эту мысль. 22 февраля 1932 года он направил письмо фра Эмилиусу. Текст этого письма был следующим: «Дорогой друг и брат Эмилиус! Часто думаю о тебе, так как мне теперь придется задержаться в Швейцарии. К сожалению, напряженный график и постоянные разъезды фактически не оставляют времени, чтобы написать хотя бы небольшое письмо. Теодорих и Гозив сообщили мне о беде, которая произошла с тобой. Я всеми силами молюсь, чтобы ты пошел на поправку и вскоре встал на ноги. Часы, проведенные с тобой в твоем прекрасном доме и саду, являются одними из лучших воспоминаний. Сердечно тебя обнимаю. Твой верный друг фра Георг ОНТ. P.S. Ты был одним из наших первых приверженцев, пришедших в орден. Если ты знаешь Гитлера, то спешу тебе сказать, что он является одним из наших учеников. Ты еще увидишь, как он победит и после чего растопит такое движение, от которого вздрогнет мир. Хайль!»

Весьма показательным является текст, написанный Ланцем в 1928 году: «Я еще 1906 году предвидел создание вооруженных белых (контрреволюционных) тайных союзов. Сегодня эти союзы появляются повсюду, являясь здоровой реакцией неистового социалистического террора. «Пробудившиеся» в Венгрии, фашисты в Италии, Испании, Республике Чехии, ку-клукс-клан в Северной Америке, «Оргеша» и свастичники в Германии, фронтовики в Австрии. Эти белые добровольческие корпуса развиваются и становятся все сильнее». Приблизительно то же самое Ланц писал в 1930 году: «Повсюду пробуждается расово-сознательное арийство и победоносное арио-христианство. Фашизм, национал-социализм, движение хаймверов в беспрерывном процессе строят новый мир. Мы не смотрим на личности, мы смотрим на идеи». С конца 20-х годов правая рука Ланца-Либенфельса, венский промышленник и финансист Иоганн Вальтари Вёльфль, писал в том же самом 1930 году (само собой разумеется, с согласия «мастера»): «Мы можем очень много рассказать о том, как Ланц-Либенфельс через «Остару» повлиял на искусство, науку, литературу, как задал направление политике, и как добился успехов, о которых не могли помыслить даже в самых смелых мечтах. Напомню только, что свастичные и фашистские движения по сути своей являются ответвлениями от идей, которые пропагандировала «Остара»».

Все приведенные выше цитаты предельно ясно показывают, что Ланц-Либенфельс и его окружение стремились рассматривать себя в качестве идеологических предтеч Гитлера. Впрочем, они приписывали себе успехи итальянского фашизма и даже американских клансманов. По поводу ку-клукс-клана можно сказать вполне однозначно — Ланц не имел никакого отношению к его созданию, хотя бы в силу того, что тот возник задолго до рождения главы «новых тамплиеров». По большому счету никто, кроме самого Ланца-Либенфельса, не видел Гитлера с «Остарой» в руках. Вся версия о том, что Гитлер был читателем «Остары», держится только на словах самого Ланца, известного тем, что он любил преувеличивать собственное влияние на известных людей. Растиражированная во множестве книг и статей версия о том, что Ланц-Либенфельс «дал идеи Гитлеру», выглядит, мягко говоря,

неубедительной. Если бы Ланц оказал решающее влияние на Гитлера, то фюрер был бы «расовым мистиком». Однако Гитлер был напрочь чужд всякого мистицизма. Чего нельзя сказать о Гиммлере.

До настоящего момента не имеется никаких сведений о том, что Гиммлер был знаком с работами Ланца-Либенфельса или читал «Остару». Однако именно рейхсфюрер, единственный из всех властителей Третьего рейха, пожелал встретиться в Ланцем. Более того, между Ланцем и Гиммлером было очень много общего. Оба в юности были истовыми католиками, но потом разочаровались в католичестве (Ланц как в церковном институте, Гиммлер как в мировоззрении). Оба были женаты на женщинах значительно их старше. Оба предпочитали называть собственные организации орденом. У Ланца был «Орден новых тамплиеров», у Гиммлера «орден СС» (как он сам любил выражаться). Оба были одержимы селекционными проектами, которые должны были закончиться выведением новой высшей расы. Однако если Ланц-Либенфсльс только разрабатывал эти идеи, то Гиммлер пытался реализовать их на практике. Под началом рейхсфюрера СС был создан целый селекционный комплекс, начиная от Главного управления СС по вопросам расы и поселений, заканчивая организацией «Лебенсборн» («Источник жизни»). Оба придерживались идей панарийского расизма. Ланц планировал объединить все белые народы в борьбе против низших рас. Гиммлер планировал объединить все нордические народы Европы для борьбы против «азиатского большевизма». Принцип «паннордизма», которого придерживался Гиммлер, больше всего проявился в добровольческих формированиях Ваффен-СС, куда стекались волонтеры со всей Европы. Ну и, наконец, и Ланц, и Гиммлер были расовыми мистиками, которые совмещали в себе на первый взгляд противоположные черты. Ланц был изобретателем и в то же время толкователем мистических текстов. Гиммлер мог вполне рационально планировать политические действия, но быть абсолютным мистиком при проектировании того, что в исследовательской литературе называется «эсэсовской эрзацрелигией». На первый взгляд между Ланцем и Гиммлером не было контактов. Однако «переходный» мостик все-таки имелся. Им был австрийский полковник Карл Мария Вилигут[11], известный в СС под ритуальным именем «Вайстор» (нередко его называли «волшебником при дворе рейхсфюрера СС»).

Карл Мария Вилигут стал известен благодаря своей «родовой памяти». При ее помощи он черпал сведения из древней истории. По большому счету история XX века знала лишь нескольких человек, с которым Вилигут поделился своими «доисторическими знаниями». Одним из них являлся Теодор Чепль, правая рука Ланца-Либенфельса по «Ордену новых тамплиеров». Забегая вперед, надо сказать, что после смерти Ланца главой ордена станет именно Теодор Чепль. От него записи попадут к Рудольфу Мунду, который руководил «Орденом новых тамплиеров» «после войны» и «до настоящего времени». Речь шла о неопубликованных записях входившего в «Орден новых тамплиеров» «брата ГН». Это были рифмованные фразы, которые должны были наизусть заучивать неофиты ордена. Более тридцати изречений были сделаны в форме так называемых «хальгарит». Их странная нумерация может произвести впечатление, что этих «хальгарит» — изречений в руническом стиле — изначально было более тысячи. Однако в действительности ситуация выглядела иначе. Согласно Рудольфу Мунду в 1908 году Карл Мария Вилигут благодаря своему двоюродному брату Вилли Талперу в Вене устанавливает тесные контакты с национально-эзотерическими кругами. Как правило, встречи происходят на квартире у Вилли Таллера, являвшегося придворным актером, и его супруги Марии. Именно на этих встречах Вилигут знакомится с людьми, которые входили в «Орден новых тамплиеров». Несколько позже Вилигут был представлен Ланцу фон Либенфельсу и Теодору Чеплю.

Кроме этих откровений в своих ежедневных продолжительных беседах Карл Мария Вилигут рассказывал Теодору Чеплю о своих видениях древнего германского мира, которые являлись благодаря «родовой памяти», которой якобы обладал полковник. Вилигут рассказывал посланнику «Ордена новых тамплиеров» о судах Фемы, о военной организации и

государственном устройстве древних германцев. Позже Рудольф Мунд обратит внимание на то, что эти сведения во многом совпадали с версиями, которые были изложены в 1911 году Гвидо фон Листом в книге, посвященной «арманизму ариогерманцев». Однако между Вилигутом и Гвидо фон Листом существовала принципиальная разница. Гвидо фон Лист фактически ратовал за восстановление германского язычества. Вилигут, напротив, провозглашал, что Библия была первоначально написана в Германии, и у немцев в древние времена имелся свой собственный «Крестос». Теодор Чепль поспешил сообщить братьям «Ордена новых тамплиеров», что Вилигут был для идеи ариософии «огнем и пламенем». Полковник же в свою очередь очень высоко оценил издаваемый фон Либенфельсом журнал «Остара», так как тот «проповедовал истинное арийское древнее христианство».

Как видим, различия в мировоззрении Гвидо фон Листа и Карла Марии Вилигута были весьма существенными. Лист разрабатывал неоязыческую систему «вотанизма», в то время как Вилигут придерживался «ирминистского вероисповедания». Полковник считал эту веру германским протохристианством, что во многом совпадало с положениями ариософской идеологии, приверженцы которой пытались найти истину в расово обусловленном христианстве. Рудольф Мунд в беседах с Теодором Чеплем, который сменил фон Либенфельса на посту гроссмейстера «Ордена новых тамплиеров», не раз слышал о том, что между создателями ордена и Карлом Марией Вилигутом существовало полное взаимопонимание, что с полковником были знакомы почти все видные ариософы.

В середине 20-х годов Вилигут попал в психиатрическую клинику, откуда был выпущен только несколько лет спустя. 16 декабря 1931 года в Зальцбурге в очередной раз состоялось слушание по делу Вилигута, который был опять признан «ограниченно дееспособным». В то время он ожидал к себе в гости Вильгельма Тойдта и Германа Вирта. Однако вместо их прибывают другие посетители. Осенью 1932 года в Зальцбурге в доме Вилигута, который на тот момент проживал по адресу Бергенхаймер-штрассе, 7, на несколько дней останавливается фройляйн Фрида Доренберг. Эта женщина интересовалась не только «тайными знаниями», но считалась одной из основательниц национал-социалистической партии. Она была обладательницей весьма почетного партийного билета № 6. Она не только хотела познакомиться с «тайным немецким королем», но и получить у Вилигута некоторые консультации. Затем в доме Вилигута появляется Вернер фон Бюлов, который после смерти Горслебена стал редактором журнала «Хагал» и фактическим руководителем «Общества Эдцы», в котором числились очень многие братья «Ордена новых тамплиеров». Из записей, которые были сделаны фройляйн Доренберг 17 сентября 1932 года, следует, что представители «Общества Эдды» постоянно поддерживали контакт с Вилигутом как «носителем тайного знания».

Указанный выше адрес, по которому в Зальцбурге проживал Карл Мария Вилигут, однозначно указывает на то, что его семья была все-таки вынуждена переселиться из особняка, который располагался в Морцге. Некоторое время спустя Карл Мария Вилигут сделал то, что давно грозился совершить — он покидает Австрию и переселяется в Баварию. Здесь он под ритуальным именем Ярл Видар присоединяется к правой эзотерической группе, которая называлась «Вольные сыны Северного и Балтийского морей». Позже Вилигут стал использовать имя Ярл Видар в качестве псевдонима, которым подписывал свои статьи и материалы, публиковавшиеся на страницах журнала «Хагал». Если говорить о причинах, по каким Вилигут покинул Австрию, то, скорее всего, это была ссора с супругой, которая не испытывала никаких восторгов по поводу «восхищенных визитеров», которые постоянно приходили в гости к полковнику. Принимая во внимание стесненное финансовое положение семьи Вилигут, постоянные гости, которые иногда жили неделями в доме Вилигута, были весьма наклады.

Показательно, что Карл Мария Вилигут познакомился с Генрихом Гиммлером в 1933 году благодаря посредничеству Рихарда Андерса, являвшегося в свое время членом «Ордена новых

тамплиеров». Произошло это на заседании так называемого «Нордического общества». Рсйхсфюрер СС оказался настолько «очарован» пожилым полковником, что сразу же предложил ему вступить в ряды охранных отрядов.

Незадолго до этого судьбоносного знакомства Карл Мария Вилигут встречался в Ганновере с Бертом Рогге. Более точная дата этой встречи неизвестна. Сам Рогге называл период между 1932 и 1934 годом. Скорее всего, они встречались летом 1933 года до или сразу же после создания «движения, ориентированного на немецкую религиозность». Однако можно однозначно утверждать, что к тому моменту Вилигут не был служащим СС, а стало быть, встреча происходила до ноября 1933 года. Во время беседы Берт Рогге и Карл Мария Вилигут прогуливались по Дистеру, хорошо знакомой ганноверцу местности. Поводом для встречи было обсуждение книги Гвидо фон Листа «Немецко-мифологические образы ландшафтов». Берт Рогге был поклонником идей Гвидо фон Листа. Именно ему после войны будет предложено руководить «Обществом Гвидо фон Листа». Однако Берт Рогге не примет данное предложение и во главе ариософской организации встанет Адольф Шляйпфер. Но вернемся к прогулкам Рогге и Вилигута. Они описывались следующим образом: «Я провел Вилигута по Дистеру с его овеянными легендами «чертовой палатой» и «старой купелью для крещения». Там мне он указал на несколько скал, увидев в них человеческие лица и профили. Это было для меня открытием. Годом позже я провел его «чертовой лестницей», которая располагалась между Тале (Гарц) и Кведлинбургом. Здесь на протяжении пяти километров я вновь видел скалы, напоминающие человеческий облик».

Последний гроссмейстер «Ордена новых тамплиеров» Рудольф Мунд в своей книге «Распутин Гиммлера», посвященной судьбе Вилигута, привел один рассказ Вайстора. Тот якобы поведал, что Бальдру-Крестосу, несмотря на множество причиненных ран, все-таки удалось сняться с креста. Опасаясь преследования, Бальдр направился в «ужасную пустыню Гоби». Путь его лежал через местечко Виттов, которое уже давно располагалось в «сфере интересов» культового центра древнеарийской религии Ретра. Именно там в ноябре 1927 года «Орден новых тамплиеров» создал собственное пресвитерство. В самой же пустыне Бальдр основал ирминистскую «школу мастеров». Ее ученики тщательно охраняли свое учение, создавая в Азии специальные закрытые области. Не потому ли Гиммлер проявил такой повышенный интерес к тибетской экспедиции Эрнста Шефера?

В этом повествовании о прошлом большую роль Ви-лигут приписывает своим предкам. Вилиготис вели свой род и от уану, и от аса. Позже его предки управляли королевством в Бургенланде, вот почему такое большое значение в своих воспоминаниях Вилигут уделял Штейнамангеру и Вене, сравнимой для него с Госларом. Когда в Германии началось преследование язычников, роду Вилиготис удалось избежать плена франков и бежать в Центральную Россию. Там Вилиготис основали город Вильну, ставший центром весьма протяженной готской империи, чье мирное существование, впрочем, постоянно нарушалось враждебными вторжениями христиан и русских. В итоге семья переехала в Венгрию в 1242-м, где смогла укрыться от бдительности католической церкви и ненависти вотанистов. На протяжении всей истории семья Вилигут сохраняла неколебимую преданность ирминистской вере. Среди других выдающихся членов его рода Вилигут вспоминает об Армине Херускере и Виттукинде, оба — героические фигуры ранней немецкой истории. Совершенно понятно, что эпические изложения предполагаемой генеалогии и семейной истории служили Вилигуту в качестве сцены, на которой он мог бы удачнее представить непреходящую значимость его собственных предков. Одному из адептов «Ордена новых тамплиеров» Вилигут загадочно поведал, что «его корона хранится в королевском дворце Госларе». Казалось бы, что в идеи, высказываемые Вилигутом, было просто невозможно поверить. Но факт остается фактом. Вайстор просто околдовал Гиммлера и его окружение.

Когда Вилигут попал в окружение Гиммлера, то его поселили в отдельном особняке. Среди многочисленных визитеров, которые наиболее часто бывали в здании на улице Каспара

Тайюсса (пригород Берлина), секретарь Вилигута Габриелла Дехенд смогла припомнить следующих людей. Здесь бывал Герман Вирт, который позже стал первым президентом «Аненэрбе»; входившие в «Орден новых тамплиеров» Рихард Андерс и Фридрих Шиллер. Из ведомства Рихарда Вальтера Дарре наведывались: Линау (расовый отдел), Рехенбах и Прокш (они, подобно многим знакомым Вилигута, в свою бытность были членами молодежной организации «Орлы и соколы»), Эйнхаузен (чиновник из Вестфалии, который курировал ремонт замка Вевельсбург), Карл Хайнц Хеннигсен; сотрудники министерства Дарре: Райшле, Майерберг и Баке. Было множество других, но Габриелла Дехенд лучше всего запомнила посещения Йоханнеса Ланга, который был одним из создателей теории «полой земли». Согласно разработанной им космогонии люди жили не на поверхности планеты, а на ее внутренней (вогнутой) стороне. Он настолько был увлечен своей идеей, что был «способен», по словам Габриеллы, опровергнуть любые математические расчеты.

Но и на этом связи СС и «Ордена новых тамплиеров» не заканчиваются.

Рудольф Мунд (1921–1985) считается не только первым биографом Карла Марии Вилигута, но и последним эрцприором «Ордена новых тамплиеров». Долгое время биография Мунда была тайной. Однако ситуация была исправлена в 1994 году, когда офицер австрийской контрразведки Экегарт Ленте под псевдонимом Лакри-ус опубликовал небольшую брошюру, в которой были изложены основные вехи жизни Рудольфа Мунда. Согласно Ленте основные вехи жизни Мунда выглядели следующим образом. Он родился в апреле 1921 года. В возрасте 18 лет он пошел добровольцем на службу в части Ваффен-СС. В отличие от многих своих сверстников Рудольф Мунд не погиб на фронтах Второй мировой войны.

Когда он стал «братом» «Ордена новых тамплиеров», точных сведений не сохранилось. Известно лишь, что Рудольф Мунд не был лично знаком с основателем ордена Ланцем фон Либенфельсом, который скончался 22 апреля 1954 года в Вене. Судя по всему, Рудольф Мунд был «посвящен» в середине 60-х годов тогдашним гроссмейстером ордена Теодором Чеплем. Когда Чепль умер в феврале 1972 года, то Мунд стал единственным наследником и без выборов занял пост гроссмейстера «Ордена новых тамплиеров». Кроме этого 16 декабря 1979 года Рудольф Мунд был провозглашен комтуром «Ордена рыцарей Христа». Тогда он написал Ленте: «Я сделаю все от меня зависящее, чтобы превратить его в орудие, при помощи которого в наступающие времена можно было осуществить подготовительную работу для возвращения Священной Германской Империи (Нострадамус, «Центурии», стих 31). Я не думаю, что германцы, которых подразумевал этот француз, идентичны нынешним немцам. Я помышляю о германцах, как их определял Вилигут. Поэтому необязательно принадлежать к современному немецкому народу — главное обладать определенными духовными качествами». Кроме этого Мунд был несколько раздражен, что в работе Ленте был описан целый ряд организаций, предшествовавших созданию «Ордена новых тамплиеров».

Вместо послесловия

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЛАНЦА

После аншлюса Австрии в 1938 году Ланц-Либенфельс получил известие, которое если не шокировало его, то изрядно огорчило. Оказалось, на его работы в Третьем рейхе был наложен запрет. Поскольку Ланц продолжал считать себя вдохновителем и предшественником национал-социализма, создателем арийского движения, проповедником светловолосой и голубоглазой расы, то это стало для него весьма горьким уроком. Мало того, что его не собирались официально признать в качестве «крестного отца» гитлеровской партии, так еще

и вдобавок запретили распространение его трудов. Как отмечал Вильфрид Дайм, «крестник» оказался слишком строптивым.

Почти ничего не известно, что делал Ланц-Либенфельс в годы Второй мировой войны. Он смог спокойно пережить крушение Третьего рейха и национал-социалистического режима. Если верить Теодору Чеплю, то с конца 30-х годов Ланц сознательно избегал каких-либо контактов с представителями национал-социалистической партии. Он даже отказался встретиться с Генрихом Гиммлером, когда тот выразил такое желание. Причина, по которой создатель «Ордена новых тамплиеров» отвернулся от главы «черного ордена СС», остается не совсем понятной. Возможно, он опасался за свою жизнь. А может быть, Ланц не хотел делиться своими идеями с режимом, который не намеревался признавать его «заслуг». В любом случае подобное на первый взгляд провокационное и вызывающее поведение после войны сберегло Ланцу кучу нервов. Когда стало ясно, что война проиграна и советские войска должны были со дня на день войти в столицу Австрии, Ланц-Либенфельс принципиально отказался покидать Вену. К этому времени были разрушен эрцприорат Мариенбург в Венгрии (у озера Балатон весной 1945 года шли очень ожесточенные бои). Замок Верфенштайн оказался разграблен местными жителями. Ланц сидел у себя в квартире в доме № 32 по Гринцингерштрассе и диктовал мемуары. Иногда он отвлекался от этого занятия, чтобы написать очередную статью или встретиться с друзьями из числа «новых тамплиеров», коих к 1945 году осталось совсем немного.

После войны Ланц не раз предпринимал попытки наладить связи с аббатством Святого Креста, которое он покинул в юности. Предчувствуя близкую смерть, он непременно хотел быть похороненным на том месте, где внутри монастыря было найдено ставшее легендарным старое надгробие, превратившееся в символ его мировоззрения. Но каждый раз настоятель монастыря отказывал Ланцу в этой просьбе. Однако желание предводителя «новых тамплиеров» было настолько сильным, что среди братьев ордена ходила легенда. Якобы цистерцианские монахи ночью, под покровом тьмы выкопали тело Ланца, чтобы перенести его в аббатство Святого Креста. До сих пор многие полагают, что могила Ланца-Либенфельса на Пенцигерском кладбище Вены является пустой.

После войны Ланц вел затворническую жизнь пожилого человека, который так и не отрекся от своих идеалов. Он продолжал издаваться в Швейцарии. Кроме этого он написал несколько работ: «Введение в арио-христианскую мистику», «Электротеологикон», «Теантропологикон». Сразу же после войны Ланц опасался, что за ним придут «советские чандалы», которые обвинят его в связях с Гитлером. Однако эти опасение оказались напрасными. Советскую оккупационную администрацию явно не интересовал немолодой уже человек, одержимый странными идеями.

Ланц-Либенфельс скончался 22 апреля 1954 года. Перед смертью над ним было совершено таинство соборования. Ланца похоронили на Пенцигерском кладбище: группа 2, ряд 18, могила 17. В гробу он лежал облаченный в рясу цистерцианца, которая была украшена крестом «Ордена новых тамплиеров». На надгробном камне было высечено: «Георг Ланц». Далее следовало название монастыря, дата рождения (ошибочная) и дата смерти. Теодор Чепль в 1955 году опубликовал в швейцарском журнале «Арве» статью, в которой говорилось: «Ранним утром 22 апреля 1954 года эту землю покинул один из величайших романтиков нашего времени, д-р Георг Ланц фон Либенфельс… Нет таких слов, чтобы ими было возможно передать духовное величие этого человека. Он был не просто одним из величайших мистиков первой половины XX века, но и одним из величайших европейцев».

После смерти Ланца-Либенфельса «Орден новых тамплиеров» отнюдь не распался, как это бывает нередко с религиозными новообразованиями, — он продолжил свое существование. По большому счету «Орден новых тамплиеров» перестал быть массовой организацией еще в 1938 году, когда были запрещены собрания братьев. Однако сам орден не был ни запрещен, ни распущен — запрещены были именно собрания. Замок Верфенштайн до 50-х годов

пребывал в запустении. Вильфрид Дайм писал по этому поводу: «Когда я заканчивал подготовку первого издания моей книги, то руины замка Вер-фенштайн, в первую очередь внутренняя обстановка в башне, являли собой печальное зрелище. Колдовство интерьера было утрачено. Повсюду валялись доски и разбитые стекла. В оконные проемы дул пронзительный ветер. Остатки старомодного дивана и письменного стола еще долго стояли в одной из комнат. Так закончилась театральная постановка, именуемая «новыми тамплиерами». Колокол, который висел ниже уровня окон, больше не созывал голубоглазых блондинов». В 1963 году замок Верфенштайн был приобретен неким врачом из Линца. В 90-е годы после смерти врача замок вновь сменил владельца. В настоящее время Верфенштайн находится в идеальном состоянии.

После войны оставшиеся в живых «новые тамплиеры» в частном порядке стали вступать в Союз независимых, который стал преемником так называемых «немецких националов». Как не покажется странным, но между австрийскими националистами, ориентированными на Германию, и австрийскими патриотами всегда существовали натянутые отношения. Союз возглавил университетский профессор медицины Бургхардт Брайтнер. Он не был национал-социалистом, более того — был президентом австрийского Красного Креста. Ему так и не было суждено встать во главе Австрии, хотя на выборах президента он получил 600 тысяч голосов. Если увязывать деятельность Брайтнера и идеи Ланца-Либенфельса, то интересной может показаться научная работа председателя Союза независимых, которая была посвящена проблеме сексуальности. В ней он хоть и вскользь, но упомянул Ланца: «Многочисленные исторические факты упоминаются в гротескной книге Й. Ланца-Либенфельса. Этот вопрос [сексуальные девиации] можно изучать на основе его многочисленных истолкований древней истории человечества. Книга содержит богатый материал о содомии, смешении т. д.». Под «книгой» подразумевалась «Теозоология» Ланца-Либенфельса. В 1983 году Союз независимых был преобразован в «Австрийскую партию свободы». Это факт можно было бы и не упоминать, если бы некоторые из ее активистов не использовали терминологию Ланца-Либенфельса. Так, например, одна из агитационных статей называлась: «Экономика не нуждается в чандалах».

Подводя итоги, можно сказать, что апогей деятельности «Ордена новых тамплиеров» приходился на 1925–1935 годы. К моменту прекращения своей деятельности, которая наступила в годы Второй мировой войны, орден имел семь филиалов, из которых пять действовали одновременно. Общий список «новых тамплиеров» никогда не превышал трех сотен человек. Эволюция ордена, его доктрины и структуры достаточно точно отражает развитие концепций, выдвигаемых Ланцем-Либенфельсом. Историческое значение «Ордена новых тамплиеров» не может оцениваться только на основании его реального политического влияния. Организация Ланца-Либенфельса, несмотря на свою относительную немногочисленность, представляет интерес для историков в первую очередь как структура, породившая расовомистические идеи, которые могли стать «оправданием» геноцида.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иорг Ланц фон Либенфельс

Введение в тайное учение ариохристианства

Сейчас повсеместно раздается критика в адрес христианства. Однако стоит лишь посмотреть на нынешнее христианство и задаться вопросом: может ли оно быть таковым по своей сути? Стоит также бросить взор на критикующих христианство, чтобы убедиться, не являются ли они случайно арийскими христианами? Некоторые из них глумятся над христианской верой, которая на протяжении тысячелетий служила нашим отцам утешением.

Они называют ее суеверием, которое опровергнуто современной наукой. Это — неизводимые книжные черви, которые в большинстве своем являются представителями монголоидной расы. Но существует и другой вид людей — это истово верующие всевозможных конфессий, чья религия превратилась в обоготворение мертвых букв, в слепой догматический культ. Они безжалостно травят, злословят и предают анафеме инакомыслящих. Их вера зиждется только на словах, но не на деле. К данной группе относятся извечные (в основном представители средиземноморской расы) фарисеи. Одна половина из них интеллектуально ограниченна из-за тупоумия, другая из-за ожесточения. Третья, самая многочисленная группа, считает религию совершенно ненужной. Самое главное для них — деньги и наслаждения, их Бог — желудок. Это — вечные (представители примитивных рас) саддукеи.

Итак, мы видим, что тот, кто относится к врагам христианства, является представителем секуляризованного «мира сего». Это — чандалы. Однако самые опасные недруги христианства — это его сторонники из низших рас, которые извратили ариохристианство, обратив его в религию, неприятие и решительное осуждение которой вполне оправданно. Я не намерен защищать это искаженное и трансформированное христианство. Я хочу открыть здравомыслящим и чистосердечным читателям глубокие мистерии этой превосходной веры. Сделать их зрячими, прогнать их слепоту.

Надо отдельно подчеркнуть, что арио-христианство — это не способ некого насильственно навязанного догматического мышления и одного только разума, как нас учат современные теологи. Нет, оно нечто совершенно иное. Никто в наше время не будет отвергать тот факт, что кроме Земли существуют ещё и бесчисленные миллионы других космических тел, которые могут являться, подобно нашей Земле, обитаемыми планетами. Ничто нам не мешает допустить, что эти бесчисленные планетарные тела обитаемы, на них живут живые существа, которые организованы по-иному, т. е. находятся либо ниже, либо выше нас на эволюционной лестнице. Итак, если в бесконечном пространстве космоса есть живые существа, организованные лучше нас, то человек также не является самым высокоразвитым существом во Вселенной, как и Земля не является ее центром. Земля также не является самым развитым планетарным телом космоса. Тот, кто полагает человеческий разум самой высшей духовной силой, — столь же отсталый, как и ученые, которые в свое время считали Землю центром Вселенной.

Пять наших основных чувств (зрение, слух, вкус, обоняние и осязание) могут довести до нашего сознания только ничтожно малую часть сведений об окружающих нас и действующих в космосе силах. Мы даже не в состоянии точно установить природу электричества, магнетизма и силы тяжести, мы можем только наблюдать за проявлением этих природных сил. И все же никакой рассудительный человек не будет отвергать наличие этих природных сил. Поэтому было бы также глупо и ненаучно изначально отрицать существование мыслящих и обнаруживающих волю энергетических центров помимо людей, зверей и других организмов Земли. По нашим же понятиям, электричество, магнетизм и сила тяжести — одни из проявлений пронизывающей Вселенную «одухотворяющей силы» или «панпсихической энергии», равно как и сам человек есть не что иное, как одно из проявлений этой самой «панпсихической (всеодухотворяющей) энергии». Самые последние, научные исследования души посредством многочисленных опытов совершенно точно обосновали, что наряду с человеческим разумом существуют ещё и другие психические силы. Научно доказанные явления, такие как ясновидение, исчезновение силы притяжения, проникновение через твёрдые тела, инспирации и т. д., существуют на самом деле. Они могут быть объяснены только через наличествующие в нас и вне нас «психические силы», которые можно назвать «духами», «демонами», «ангелами» и т. п. «Ученые» и «интеллектуалы» возражают: «Это суеверие!» Мой ответ таков: нет большего суеверия, чем считать деятельность клетки целенаправленной и разумной, т. е. обладающей психической энергией. Это такое же «суеверие», что и

предполагать, будто бы растения тоже обладают духовным миром, равно как и звери. Хотя этот мир и является менее развитым. Итак, это «суеверие» — чрезвычайно современное!

Есть ещё и другие противоречия: Во-первых, заявляется, что подобные «спиритические» явления нередко являются банальным обманом. Во-вторых, даже при полном исключении обмана далеко не всегда удается провести эксперимент второй раз так, чтобы появилась возможность проверить и доказать факты. Именно эти свойства таинственной, загадочной «психической энергии» являются явным подтверждением наличия более и менее развитых существ, нежели мы сами. Подобно человеку они не только разумны, но также обладают характером. Подобно тому, как притягивающая и отталкивающая силы, полярность и т. д. являются свойствами элементальных сил, например электричества и магнетизма, так разум и нравственность являются качествами психических сил. Они не только умны и глупы, но также злы и скверны. Тупые люди могут служить «рупорами» только тупым или недоразвитым психическим силам. В итоге скверные люди и мошенники становятся глашатаями «психических сил» или «духов» с низким моральным уровнем.

Из этого следует, что тот, кто намерен удачно проводить мистические и «спиритические» эксперименты, должен обладать не только умом, но хорошим характером и высокими моральными установками. Этим можно объяснить различия в предрасположенности разных рас к метафизике, к трансцендентным наукам и к созданию сверхъестественной реальности. Одним словом: способность к восприятию трансцендентной реальности, что и является истинной верой, развита у разных людей по-разному. Низшим расам она свойственна не в такой же степени, в какой она присуща более высокостоящей расе белокурых героических арийцев. Поэтому ариец всегда является религиозным человеком. В то же самое время человек темнокожей расы в большинстве случаев является человеком без религии, или чаще всего — демонический человек. Ариец — прирождённый христианин, а человек, не являющийся арийцем, — вечный, безнадёжный неверующий и дьяволопоклонник.

Кто намерен провести магнитный или электрический опыт, должен соблюсти только указанные в учебниках физики условия (например, обмотать железный стержень медной проволокой и провести от батареи электроток), чтобы произошло определённое воздействие (например, намагничивание обмотанного проволокой железного стержня). Очевидно, эта сила является такой силой, которую в этом проявлении человеческий разум (т. е. человеческая «психическая энергия») подчинил себе. Однако «психические энергии», превышающие способности человеческого разума и человеческую силу вопи, не обязательно должны подчиняться воле экспериментатора. Они выше человеческих способностей, а потому могут мешать успеху «спиритического эксперимента». Удача возможна только в том случае, если соответствующая высшая «психическая сила» этого хочет.

Это банальное предположение открывает новые горизонты. Если желаю получить поддержку высшей «психической энергии», или даже наивысшей из них, которую я хочу обозначить чудесным и благородным именем «Господь», тогда я должен прежде всего обратиться к нему с по-детски покорным и просящим чувством, поскольку я, как более слабая «психическая энергия», не в состоянии обуздать и принудить Божество к проведению эксперимента посредством аппаратуры железных стержней и медной проволоки, как это делает профессор физики. Божество невозможно постигнуть разумом, его можно склонить на свою сторону только душой и хорошим и чистым намерением. Истинная вера — та вера, при которой я отрекаюсь от высокомерной гордости и суеверия поклонников разума и придерживаюсь твёрдого убеждения о том, что выше моего человеческого и ограниченного органами чувств разума находится более высокое, мудрое и духовное Божество, частью которого я являюсь. Этого смирения я не стесняюсь, а добровольно заявляю о своем вероисповедовании словами великого поэта Шиллера:

Есть Бог, живёт святая Воля,
Сколь ни была бы слаба человеческая,

Вне пространства и времени творит
Животворящий высочайший Дух!

В этом значении вера, отождествляемая в древних писаниях с «уверенностью» (а не «знанием» или «отождествлением с истиной», как это толкуется в современных религиях), является первым и важнейшим религиозным действием. Теперь мы понимаем, что каждое божественное откровение, которое доводится до нас, является «милостью божьей» и что уже сама вера является для нас добровольно посланным Богом просветлением и милостью, потому как Бог, равно как и мы, выбирает сам себе своих друзей, открывает им высшие познания и делает их «внутренними» (эзотериками), в то время как многим другим, особенно принадлежащим к низшим расам, открывает лишь низшие познания и позволяет им продвинуться до внешней ступени бытия («экзотерика»). Поэтому также глупо стремиться принудить всех людей быть одной веры, как стремиться одновременно поднять все человеческие расы на одну и ту же ступень физического развития. Истинный ариохристианин поэтому будет терпелив ко всем другим религиям, так как он видит в них необходимые и естественные, предусмотренные природой, ступени развития человеческих рас и типов. С помощью ключа, данного мною этим писанием, он будет в состоянии с благословением следовать каждому культу христианского вероисповедования, придавая его символам и словам эзотерическое значение. Настоящий ариохристианин будет остерегаться создать вечно действующую, неизменную форму вероисповедования. Он верует в «Триединого Бога», в «Бога-Отца», «Сына» и «Святого Духа». Наш Бог — живой Бог и сутью всего живого является развитие и вечное чередование прошлого, настоящего и будущего и уход в новое бытие. «Бог Отец» — это Бог и творение божье в прошлом, «Сын» — это Бог и творение божье в настоящем, «Дух» — это Бог и творение божье в будущем. Это понятие Троицы характерно всем ариохристианским мистикам. Основные черты понятия Троицы уже проявляются в Евангелии святого Иоанна и его тайном откровении, а особенно ясно они объясняются в писаниях одухотворённого мистика и аббата ордена цистерцианцев Иоахима фон Флориста (XII столетие). Он недвусмысленно говорит об «Эпохе Отца», т. е. о периоде развития до Христа, об «Эпохе Сына», т. е. о периоде от Христа до наших времён, и об «Эпохе Святого Духа», т. е. о будущем периоде развития, в котором особая элита священников, грядущий орден, должна будет проповедовать «вечное Евангелие» в его изначальном виде.

Так, согласно ариохристианству, не имеется состояния застоя, а есть только вечное развитие, вечный прогресс и вечное движение вперёд. Оно облагораживает и просветляет тело, разум и волю, оно в исконном и настоящем смысле слова «религия», т. е. объединение многообразных проявлений природы в благодатное единое целое.

Многие современные скептики, возможно, восхитились бы только что описанным ариохристианским вероисповедованием, но отвергают ариохристианские ритуалы. Но и в этом современные исследования психики открыли удивительные факты. Происходящим непосредственно из веры действием является молитва. Пустое произнесение молитвенных слов является бесполезным. Но молитва в истинно ариохристианском духе заоблачных высот, с её помощью можно сделать всё, даже сдвинуть горы. Истинная молитва — это деяние чистой воли, это по-детски верующий и молящий диалог с могущим божественным Духом. Молитва, исходящая от чистого сердца, воистину достигает той высшей всеблагой силы и всегда услышана, если она служит нашей духовной жизни.

Разумеется, Бог выполняет наши просьбы не сию минуту, не в чисто материальном виде, как это хотелось бы молящемуся, воспринимающему реальность одними только своими органами чувств. Просящий материальных благ не всегда будет услышан, но всегда тот, кто просит духовных дарований. Однако не так уж и редко исполняются материальные желания. Их исполнение объясняется вполне естественным образом. Бог влияет на элементальные и психические силы, он, например, ведёт руку вражеского солдата так, что пуля не попадает в молящегося, или ранит его несмертельно, или позволяет ранам быстро и благополучно зажить,

или же превращает несчастие ранения в какой-либо счастливый случай. Атеисты говорят тогда о случайности. Однако в том случае всё в мире было бы случайно, и закономерный порядок существовал бы в редчайших случаях. И из этого хаоса случайностей должны были возникнуть такие чудеса, как человеческое тело, организмы, планеты и солнечные системы? Учитывая это, мы видим, что использование слова «случайность» не что иное, как заблуждение, на самом же деле «случайность» — это всемогущий, намеренно действующий Дух, т. е. то, что мы называем «Богом».

Если молитва является намеренным деянием, то результаты молитвы легко объяснимы. Смотря по обстоятельствам, они могут проявиться в виде самовнушения или внушения чужой волей. Факт граничащего с чудом эффекта обоих видов внушения не вызывает в настоящее время никакого сомнения даже у представителей традиционной медицинской науки. Психические силы в состоянии непосредственно и без помощи физического тела взаимно влиять друг на друга. Психическая сила молящегося может влиять как на психику других людей, так и на психику зверей и якобы «неорганических существ», которые мы, однако, считаем одухотворёнными. Радиотелеграфия отчасти позволила нам понять механизм подобных действующих на расстоянии сил.

Более высокие формы молитвы — медитация и самосозерцание, а наиболее высокой формой является экстаз. Насколько же убого и жалко наше время, в котором, якобы по экономическим причинам, самосозерцающая ариохристианская жизнь воспринимается как вздор, не приносящий практической пользы. Самое драгоценное, чем обладает человек — это его душа. Если душа человека не омывается созерцающей, вдохновенной молитвой, то она загрязняет его, как и немытое тело. Если человек не тренирует свою силу воли посредством созерцающей молитвы, то она хиреет так же, как атрофируются мышцы, если их не нагружать. Поэтому современная жизнь такая слабовольная и бездуховная, так как человеку не хватает времени для медитации и созерцания, для проникновения в рай собственного сердца, где он может восхищаться воодушевляющим диалогом с Богом и в духовном полёте витать в чудесном мире мистерий.

Под влиянием индийского оккультизма, обезображенного, превращённого в демонические культы чандалов, в Англии и Америке ответвления ариохристианской мистики, созерцание (точнее: концентрация силы воли) в больших масштабах использовались в сугубо материальных целях. Их применяли для наживы. Православные евреи занимаются этим испокон веков. Тайной сказочных коммерческих успехов американцев, англичан и евреев являются, с одной стороны, действительно серьёзные, глубокие, созерцающие молитвы, а с другой стороны, концентрация силы воли, связанной с самовнушением и внушением других.

Что отличает ариохристианскую мистику от тайной индийской религии, так это экономное применение внешних (материальных) средств во имя достижения наивысшей степени молитвы, т. е. экстаза, и полного владения мистическими, потаенными психическими силами. Этими средствами являются: полный физический покой и уединение или, если некоторое количество людей объединилось, чтобы совместно жить в «монастырских условиях», проживание в отдалённых от цивилизации местах, которые являются примечательными с географической и исторической точки зрения. Изоляция действует на тайные силы психики так же побуждающе, как, например, изоляция проводов воздействует на электрическое напряжение. Без изоляции электрическая сила не может проявиться, так как она нейтрализуется другими силами. Воздержание, притупление чувств, отключение элементальных сил, например длительным бодрствованием, голоданием, сексуальным воздержанием, укрощением осязания, обоняния, вкуса, слуха и зрения, изолирует и усиливает психические силы. Аскетизм снижает физиологические потребности человека до минимума. Жизненная сила «Од», а особенно сила симпатической нервной системы, используемая для функции мышц, пищеварения и дыхания, находится в сдержанном режиме и полностью освобождается для повышения чувствительности, которая таким образом обостряется и чувствует малейшие импульсы.

Постоянной практикой в мозге тренируются сферы ассоциации, и мы теперь понимаем, что люди, ведущие подобную жизнь, становятся ясновидцами, что они проникают в высшие мистерии и что их волю, их самообладание и их власть можно назвать божественными. Поэтому уже Мастер Экхардт говорил: «Что душа любит, с тем она и отождествляется. Любит она землю (человечество), то она становится земной (человеческой), любит она Бога — то в этом случае можно было бы задаться вопросом: становится ли душа божественной? Высказал бы я подобное, то это звучало бы невероятным для тех, кто ещё недостаточно созрел, чтобы это понять. Я и не говорю вам это, а указываю на Святое Писание, в котором говорится следующее: «Я сказал бы, Боги!»

Подобного успеха можно достигнуть через постоянное и продолжительное воздействие на органы чувств, например на таз, через один определённый цвет (красный, синий и т. д.), через темноту или свет. Ариохристианский культ применяет эти средства воздержанно и по мере надобности. Посредством ладана он, например, влияет на обоняние, чтобы сконцентрировать мысли и силу воли на хорошее и приятное. Известное явление, что запахи оказывают огромное влияние на умственную деятельность, особенно на память. Характерный запах непроизвольно вызывает в памяти характерный ландшафт, определённую личность или ситуацию, причём подобное запоминание может быть заложено на всю жизнь. Запахи играют решающую роль при формировании снов. Действие психических сил усиливается или ослабляется посредством определённых запахов. Я объясняю себе этот странный факт следующим образом. Во-первых, сфера обоняния находится в мозгу неподалёку от центров речи и памяти, вблизи сфер зрения и слухов, расположенных у висков. Во-вторых, обоняние является первоначальным из высших, действующих на расстояние, органов чувств. Слух и зрение — это всего лишь более развитые и специализированные органы обоняния. Поэтому «спиритуаисты» утверждают, что их «зрение» и «слух» что-то вроде развитого «обоняния».

Аналогичный способ, стимулирующий состояние созерцания и медитации, — это монотонный речитатив, имеющий огромную гипнотическую силу и, если применять его правильно в ограниченном количестве, оказывающий чудотворное воздействие на творчество. Монотонность особенно положительно применяется при молитве хором и в торжественных ритуалах с ритмичным движением тела и дыхания. Эти ритмичные движения влияют эстетично, а также психически. Они психически сплачивают большую общину в единое целое, действуют на самовнушение, а также на внушение других и влияют, попеременно усиливая и уравновешивая.

Верующий, с чистыми и твёрдыми намерениями вверяющий себя божественному духу, всё более и более наполняется им и возвышается. Он уже здесь, на земле, становится единым целым с Богом, что является наивысшей целью всех мистиков. Тело, особенно голова и руки, излучают тогда интенсивные психические потоки, поклонник окружен мощным психическим излучением, которое чувствительные люди могут ощущать и даже видеть в темноте. Поэтому если в ариохристианских ритуалах используются благословение и возложение рук, то это обоснованно законами физики. Целительное действие магнитных волн и действие жизненной энергии «Од» сегодня признаны даже традиционной медициной. Более того! Бог тогда так вселяется в истинного ариохристианина, что ариохристианин становится инструментом Святого Духа. Святые, а также отчасти гении есть не что иное, как орудия воли Божьей. Окружающие нас потаенные психические силы в состоянии, например, водить руки чувствительных людей так, что они совершенно неосознанно могут написать удивительные вещи. Во сколько крат сильнее тогда сила Господня, ведущая перо великих и святых мыслителей, перо и кисть великих художников, меч великих и набожных полководцев, жезл и скипетр великих и святых священников и королей! Таким образом, святые, герои и гении являются божьими глашатаями. Scitote, quoniam mirificavit Dominus sanctum suum! («Знаете, что Господь отделил для Себя своего Святого!») Поэтому ариохристианство поклоняется не

только гениям, но также героям и святым. Laudate Dominum in sanctis ejus! («Хвалите Бога во святыне Его!»)

Список использованной литературы

Daim, Wilfrield. Der Mann, der Hitler die Ideen gab: Jorg Lanz von Liebenfels. VMA-Verl., 2000. 330 S.

Freis, B.A. David. Volkische Religiositat und Antimoder-nismus in Deutscliland (1871–1919). GRIN Verlag, 2008.56 S.

Freund, Rene. Braune Magie? Okkultismus, New Age und Nationalsozialismus. Picus, 1995. 176 S.

Goodrick-Clarke, Nicholas. Black Sun: Aryan Cults, Esoteric Nazism, and the Politics of Identity. NYU Press, 2003. 378 S.

Goodrick-Clarke, Nicholas. Occult Roots of Nazism: Secret Aryan Cults and Their Influence on Nazi Ideology. NYU Press, 1993.294 S.

Hieronimus, Ekkehard. Lanz von Liebenfels: eine Bibliographic. Berg, 1991.264 S.

Kipper, Rainer. Der Germanenmythos im Deutschen Kaiser-reich: Formen und Funktionen historischer Selbstthematisi-erung. Vandenhoeck & Ruprecht, 2002. 394 S.

Krietenbrink, Ulrich. Mythen und Symbole in der national-sozialistischen Weltanschauung. GRIN Verlag, 2008.108 S.

Lange, Hans-Jiirgen. Weisthor: Karl-Maria Wiligut: Himmlers Rasputin und seine Erben. Arun, 1998. 319 S.

Liebenfels, JoergLanz von. Das Buch der Psalmen Teutsch. 1926. 101 S.

Liebenfels, Joerg Lanz von. Theozoologie. Books on Demand Gmbh. Neuauflage der Ausg. von 1906.2002.184 S.

Lorenz, Horst. Lanz von Liebenfels. Theozoologie und Ariosophie. Die Neutempler und die assyrischen Menschentiere. Unitall Verlag GmbH, 2010. 480 S.

Mund, Rudolf J. Jorg Lanz von Liebenfels und der Neue Templer Orden. Spieth, 1976. 209 S. Ostara, 1908–1931.

Paape, Walther. DrumhabenwireinTempelhausgegriindet: der Neutemplerorden (Ordo Novi Templi, ONT) des Lanz von Liebenfels und sein Erzpriorat Staufen in Dietfurt bei Sigmaringen. Gmeiner, 2008. 76 S.

Pammer, Leopold. Hitler und seine Vorbilder. Tredition 2009.229 S.

Rose, Detlev. Die Thule-Gesellschaft: Legende — Mythos — Wirklichkeit. Institut fur Deutsche Nachkriegsgeschichte. Grabert, 2000.284 S.

Stinner, Rudiger. Schwarze Sonne: Entfesselung und Missbrauch der Mythen in Nationalsozialismus und rechter Esoterik. Herder Spektrum. Herder, 2003.256 S.

Treitel, Corinna. A science for the soul: occultism and the genesis of the German modem. JHU Press, 2004. 366 S.

Veritas, Theophil. Katholik Hitler: Uber eine der Wurzeln von Adolf Hitlers Wahnsystem. Tredition, 2008. 160 S.

Wegener, Franz. Alfred Schuler, der letzte deutsche Katharer: Gnosis, Nationalsozialismus und mystische Blutleuchte. Kulturfoerderverein Ruhrg, 2003. 152 S.

Wiedemann, Felix. Rassenmutterund Rebellin: Hexenbilder in Romantik, volkischer Bewegung, Neuheidentum und Feminismus. Konigshausen & Neumann, 2007. 465 S.

Кершоу, Ян. Гитлер. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1997. 320 с.

Кубичен, Август. Фюрер, каким его не знал никто. Воспоминания лучшего друга Гитлера. 1904–1940. М.: ЗАО «Центрополиграф», 2009.296 с.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Ланц-Либенфельс в 20-е годы

Ланц-Либенфельс в облачении «нового тамплиера»

Ланц-Либенфельс на рисунке Эриха Ноймана (1910 год)

Ланц-Либенфельс в 30-е годы

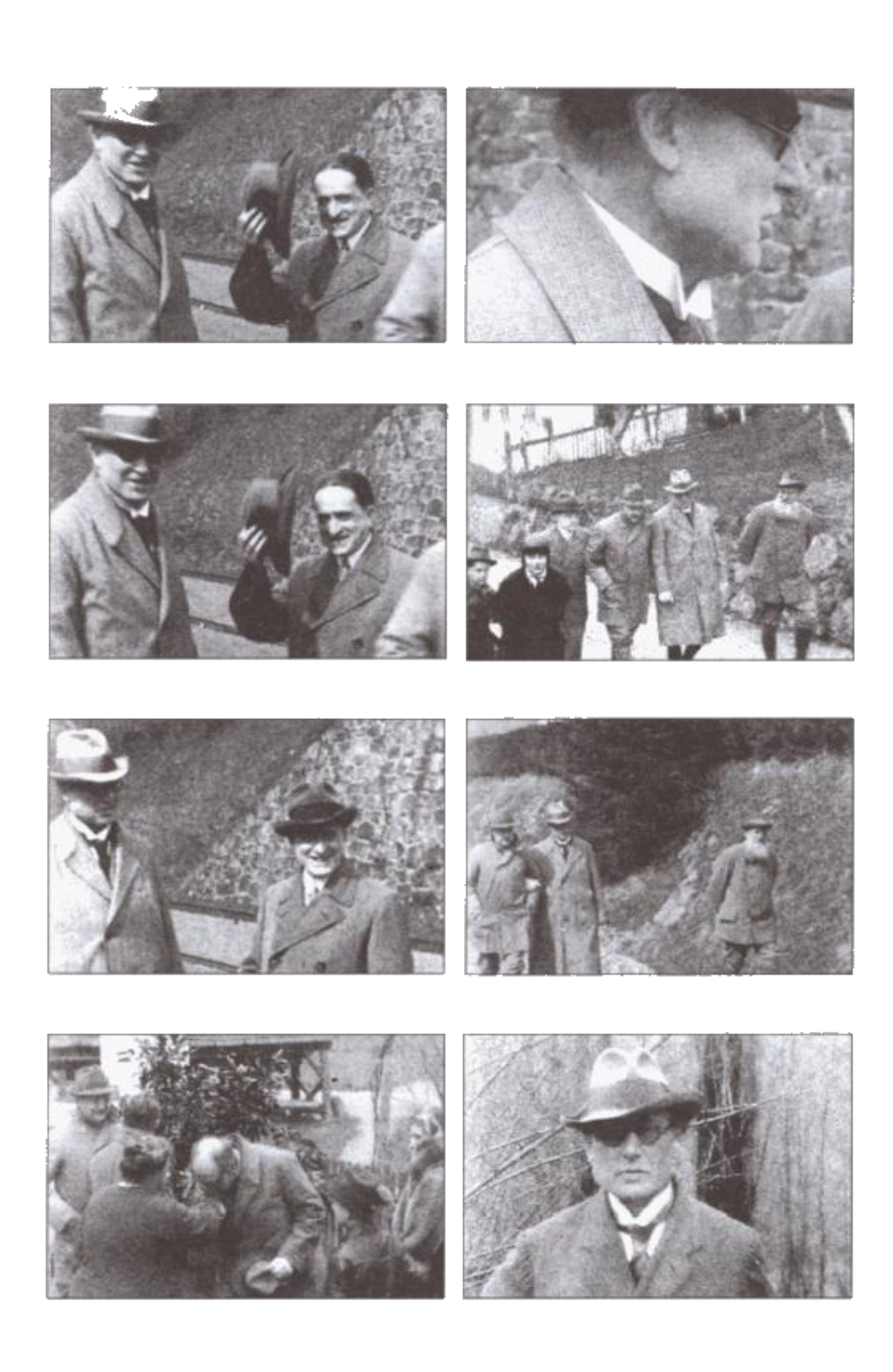
Ланц-Либенфельс в облачении приора Ордена новых тамплиеров

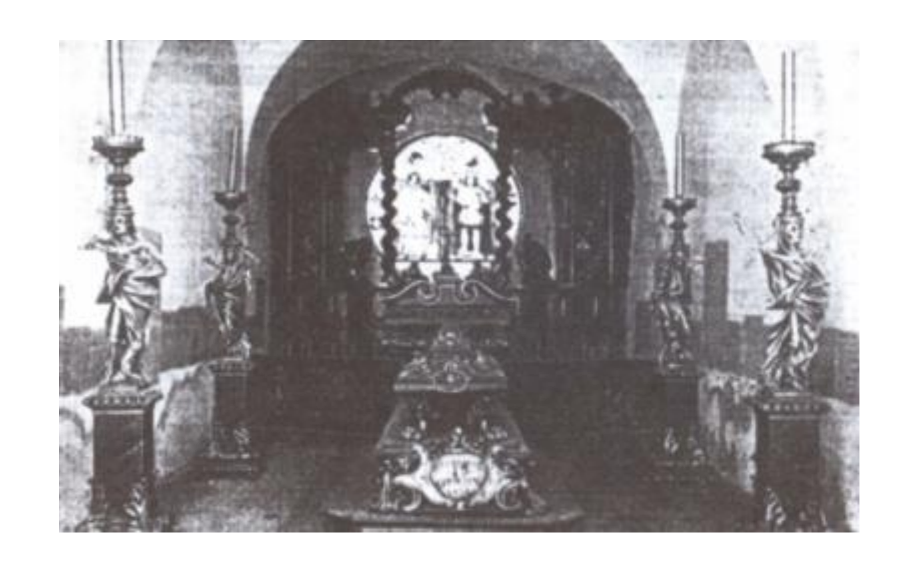
Бюст Ланца-Либенфельса

Ланц-Либенфельс в аббатстве Святого Креста

Кадры кинохроники, на которых запечатлен Ланц-Либенфельс

Капелла в аббатстве Святого Креста

Сиденья для каноников в алтарной

апсиде аббатства Святого Креста.

Крестиком помечено место, где находился Ланц-Либенфельс

Аббатство Святого Креста

Барельеф на надгробном камне

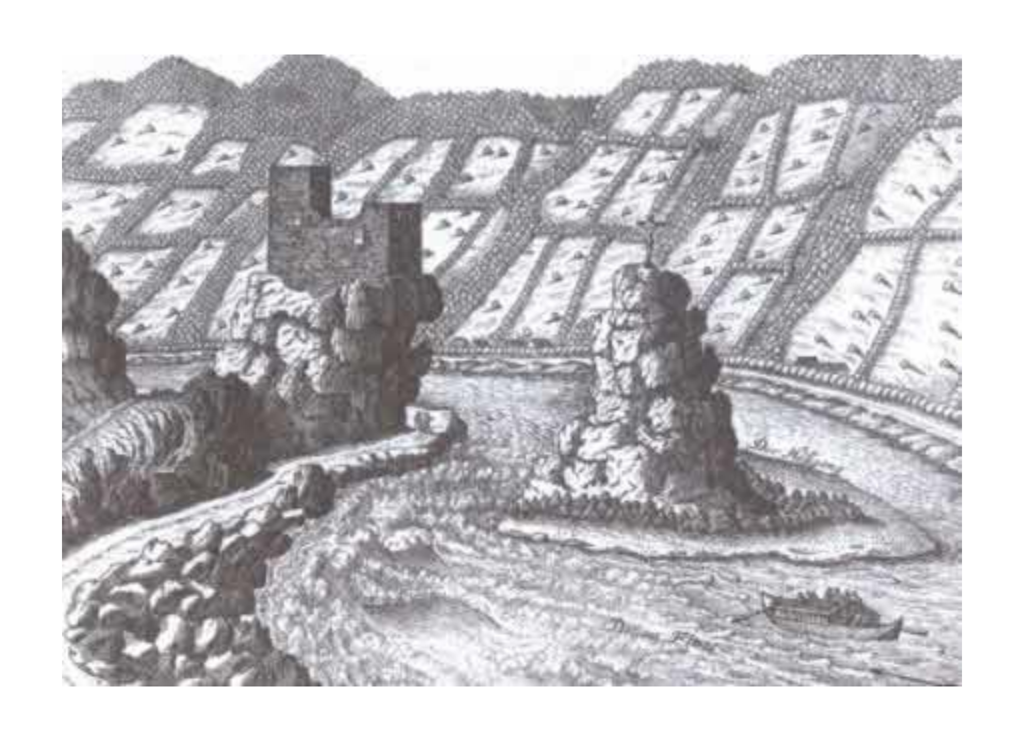
Бертольда фон Тройна

Ассирийские барельефы, на которых изображены люди,

ведущие странных существ

Средневековая гравюра,

на которой изображен замок Верфенштайн

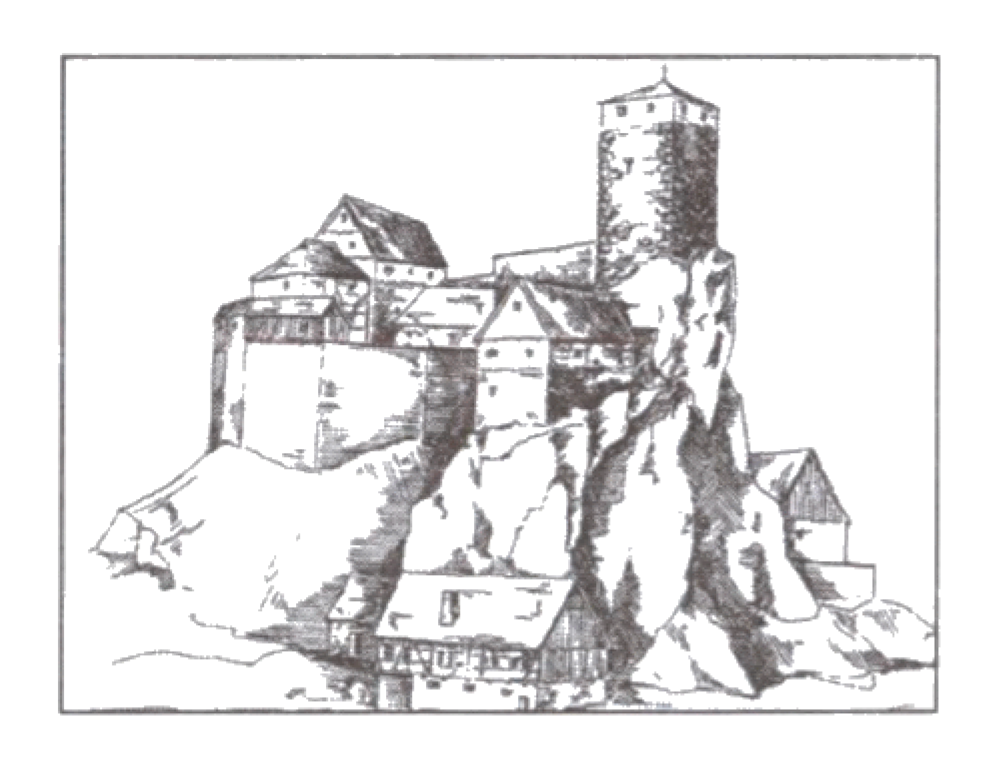
Современное состояние замка Верфенштайн

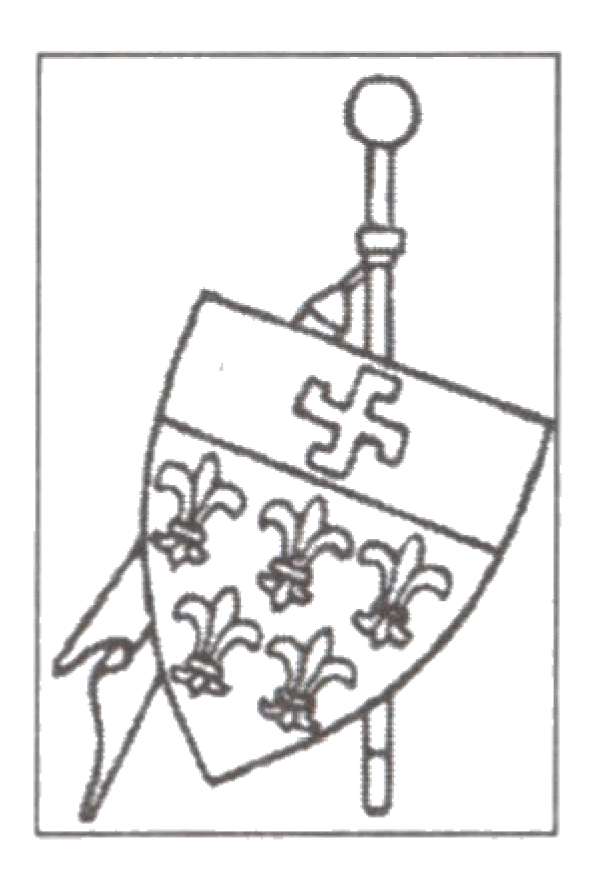
Современное состояние окрестностей замка Дитфурт

Разрушенная башня замка Дитфурт

Рисунок, на котором восстановлен первоначальный облик замка Дитфурт

Изображение одного из знамен «новых тамплиеров»

Принцип двух свастик, отразившийся в «тевтонском кресте», который стал символом Ордена новых тамплиеров

Надгробие Эльзы Хауэрштайн

Экслибрис библиотеки эрцприората Верфенштайн

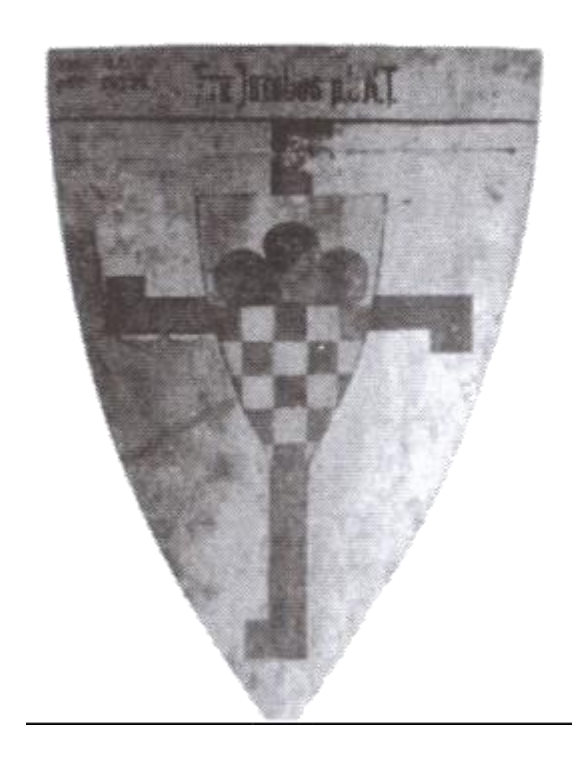
Пограничный знак эрцприората Штауфен

Печать с книги, находившейся в библиотеке эрцприората Штауфен

Герб рода Хохбергов над входом в сакральный зал эрцприората Штауфен

Герб Фридриха Хартмана

Болко фон Хохберга (фра Якобуса)

Фрегаттен-капитан (фра Гонзалво) Швикерт,

пресвитер Ордена новых тамплиеров

Имперский барон Швайгер фон Лерхенфельд (фра Арманд)

Фельдмаршал-лейтенант Дитрих фон Нордготен (фра Рудольф),

пресвитер Ордена новых тамплиеров

Генерал Блазиус фон Шемуа (фра Готхардт),

фамиляр Ордена новых тамплиеров

Фон Грёзлинг (фра Амаларих)

Лорд Герберт Кичнер

Август Стриндберг

Дифенбах и Фидус

«Похищение», скульптура Эммануэля Френье

Афиша к фильму «Кинг-Конг»

3. Minneritter im Kampfe mit einem Tiermenschen. (Mittelalterliches Deckengemälde aus dem „Königssaal" der Alhambra.)

Иллюстрация из Альгамбры,

на которой изображено спасение девушки от зверочеловека

Обложка «Остары», нарисованная «мастером Фидусом»

Реклама «Остары», выпущенная в 1930 году

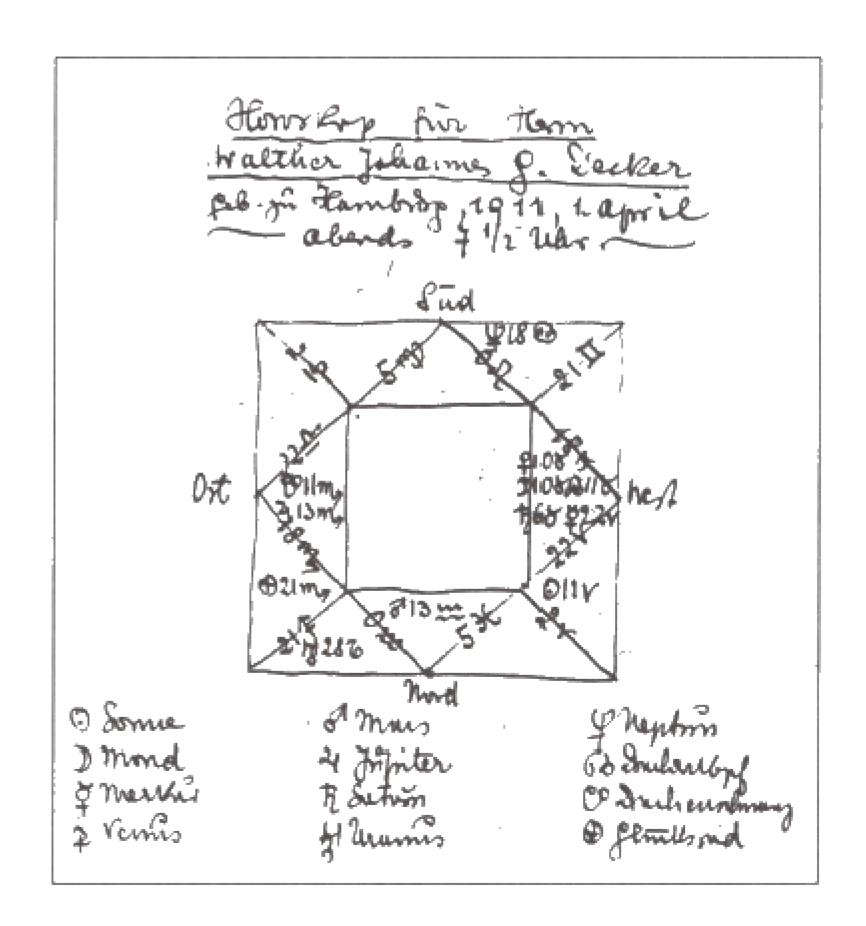
Иллюстрация из «немецкой» серии «Остары» (1922 год)

Trauungsregister.

Jahrgang: 1899.

Nr.	Tag und Ort der Trauung	Des Ehemanns Name, Stand und Aufenthaltsort sowie Angabe der Geburt und Konfirmation (event. der Taufe)	Der Ehefrau Name und Aufenthaltsort nebst Angabe der Geburt und Konfirmation (ev. der Taufe)	Datum der standesamtlichen Bescheinigung nebst Führungsort des Heirathsregisters	Bemerkungen
184.	August 27.	Lanz Adolf Josef. ev. ledig, Schriftsteller, Sohn des Johann Lanz in Penzig u. der Katharina geb. Hopfenreich, geb. 19 Juli 1874	Conried, Friederike, Helene, Antonie, geb. Schifferdecker, ev. Witwe, Tochter des Johann Philipp Schifferdecker in Königsberg u. der Louise geb. Reinicke; geb. den 28 Februar 1861	Zeugen: [illegible] [illegible]	

Запись о регистрации брака Адольфа Ланца с Фредерикой Конрид

Составленный Ланцем-Либенфельсом гороскоп

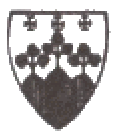
Luzerner Briefe an meine Freunde

Brief Nr. 11

Ueber den Umgang mit Tschandalen, ein neuer „Knigge". I. Teil.

Von J. Lanz v. Liebenfels

Inhalt: Bekämpf zuerst den Tschandalen in Dir, dann erst den Tschandalen um Dir! Der Tschandale in der Verwandtschaft. „Mea culpa", wir sind selbst an der Existenz der Tschandalen schuld, daher keinen fanatischen Haß gegen die Tschandalen, sondern nur gegen unsere Laster. Ein kurzes, aber bedeutsames Gespräch mit Lenin. Kastraten um des „Reiches der Himmlischen" willen. Der Tschandale in Freundschaft und Gesellschaft, in Organisationen, Vereinen und Berufen. Wie schützt man sich gegen Pumpversuche u. Schnorrer? Der Umgang mit Vertragspartnern.

Als Handschrift gedruckt 1934

Обложка «Люцернских писем», в которых Ланц-Либенфельс рассказал о встрече с Лениным

Geheime Staatspolizei
Staatspolizeileitstelle Wien
B.Nr. 1871/42 II B 3.

Wien I, den 4. März 1942.

An den

Polizeipräsidenten, Abt.V,

Wien, 13.

Kellinggasse-

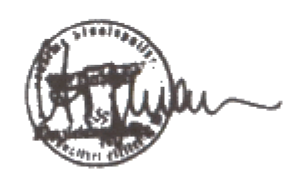
Betrifft: "Lumenclub" (Orden zu Werfenstein).
Vorgang: Mein Schr.v.2.12.1942 und dort.Schr.v.9.12.42 V 2900 41.
Anlagen: Ohne.

Der Verein "Lumenclub", der mit dem Orden zu Werfenstein identisch sein soll, wurde mit Bescheid der Mag.Abt.2 vom 2.12.1938, Zl.9548/38 über Antrag des Stillhaltekommissars für Vereine, Verbände und Organisationen aufgelöst.

Der Verein stand unter der Leitung des Industriellen Johann "Walthari" W ö l f l , Wien, 13. Dommayergasse 9 wh.

Ich bitte um kurzfristige Überlassung der Vereinsakte des gelöschten Vereines.

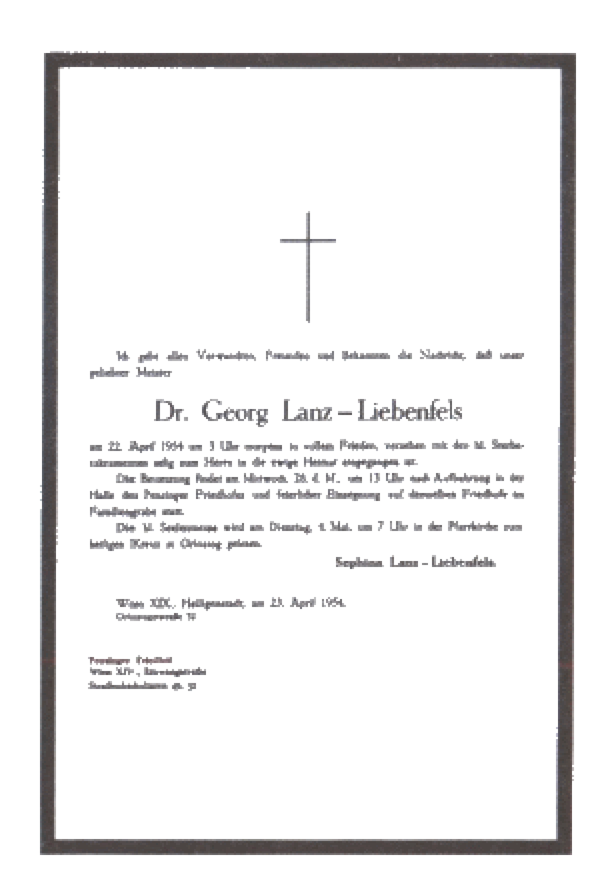
Im Auftrage:
gez.Schindler (i.V.)

Документ гестапо, в котором предписывается прекратить собрания клуба «Люмен»

Ланц-Либенфельс в 50-е годы

Dr. Georg Lanz – Liebenfels

Wien XIX., Heiligenstadt, am 23. April 1954.

Некролог, сообщающий о смерти Ланца-Либенфельса

Похороны Ланца-Либенфельса, на которых собрались члены Ордена новых тамплиеров

ISBN 978-5-4444-1766-9

Средневековый рыцарский орден тамплиеров (храмовников) прекратил свое существование еще в начале XIV века. Обвиненные в ереси и колдовстве руководители ордена закончили свой жизненный путь на костре. Интересным кажется то обстоятельство, что в начале XX века на территории Австрии возник Орден новых тамплиеров, который был основан мистиком, именовавшим себя Йоргом Ланцем фон Либенфельсом. Новые тамплиеры пропагандировали расистские идеи, помноженные на странные религиозные догматы. По мнению некоторых историков, именно новые тамплиеры оказали немалое влияние на формирование взглядов Адольфа Гитлера. Разобраться в хитросплетениях истории пытается историк Андрей Васильченко. Используя документы и недоступные отечественному читателю зарубежные публикации, он проливает свет на историю одной из таинственнейших организаций XX века — Ордена новых тамплиеров.

HISTORY FILES

FB2 created by

mefysto

Примечания

1

От «комтурство» — минимальная административная единица в составе рыцарского ордена.

2

Звание приблизительно соответствует генерал-лейтенанту.

3

Эти термины Ланц выводил от названия видов маленьких животных, которые разводились ассирийцами.

4

Подразумевался замок Верфенштайн.

5

Скорее всего, подразумевается фра Арманд, барон Швайгер фон Лерхенфельд.

6

Арианский епископ, который перевел Библию на готский язык (см. предыдущие главы).

7

Имеется в виду книга Юлиуса Лангбема «Рембрандт как воспитатель».

8

Разновидность белокачанной капусты.

9

В 1921 году — министр восстановления, а в 1922 году — министр иностранных дел Веймарской республики.

10

Более подробно о деятельности общества «Туле» рассказано в книге Андрея Васильченко «Общество «Туле». Правда без мифов». М.: Изд-во «Вече», 2010.

11

Более подробно о Вилигуте смотри: Васильченко А.В. Придворный маг Гиммлера. М.: Вече, 2010.
